

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 8 ФЕВРАЛЬ 1979

ГВАРДИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 8 (2693)

17 ФЕВРАЛЯ 1979

В одном из цехов сталепроволочноканатного завода.

ЗНАКОМЬТЕСЬ

В печати опубликовано постановление Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ об итогах Всесоюзного социалистического соревнования союзных и автономных республик, краев, областей, городов, автономных округов, городских и сельских районов, коллективов промышленных, производственных, научно-производственных, межхозяйственных, агропромышленных и других объединений, их производственных единиц, предприятий, строек, колхозов, совхозов, научно-исследовательских, проектных, конструкторских и других организаций и учреждений, высших учебных заведений за повышение эффективности производства и качества работы, успешное выполнение плана на 1978 год. В принятом постановлении отмечается, что трудящиеся Советского Союза, претворяя в жизнь решения XXV съезда партии, добились новых крупных успехов в социально-экономическом развитии страны. Повысился материальный и культурный уровень жизни народа.

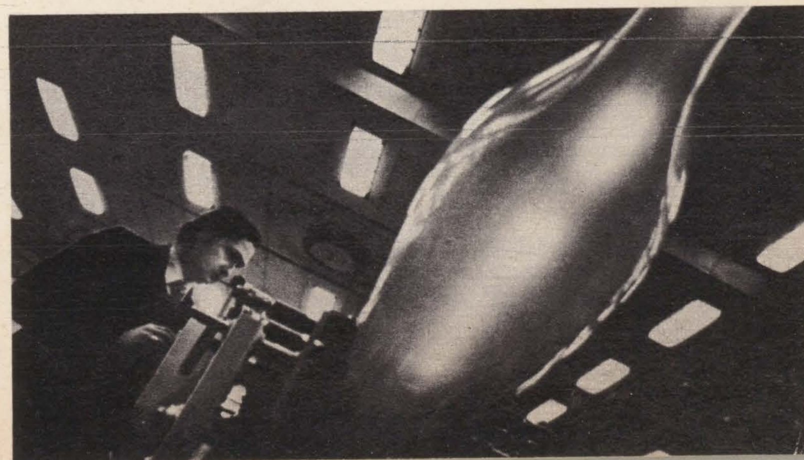
Среди победителей, награжденных переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ,— Волгоградская область.

Мы публикуем фоторепортаж из Волгограда об успехах одного из его районов,— это фотокомментарий к рассказу агитатора в нынешние предвыборные дни.

Детский комбинат «Аленушка».

Производство пленки «повиден».

И. ГАВРИЛОВ

Фото автора

—Вот точно такие же гранаты бросали фашисты и в меня. Восемьдесят осколочных ранений было у меня за войну, около двадцати осколков еще не вынули — так и живу с этими «подарками»...

Полные внимания и уважения ребячьи глаза смотрели на агитатора. Его, участника Сталинградской битвы Николая Петровича Шарикова, пригласили провести урок мужества с учениками 120-й школы — здесь недавно открылся школьный музей боевой и трудовой славы Красноармейского района Волгограда. Из учебников, книг, кинофильмов ребята много знали о самой страшной войне в истории человечества, но книги книгами, а совсем другое дело — рассказ участника боев, человека, видевшего все ужасы войны собственными глазами.

Николай Петрович рассказал, как он начинал войну красноармейцем-парашютистом, как сражался под Сталинградом — сначала рядовым минометчиком, а потом командиром минометного расчета, как здесь, в Сталинграде, 19-летним парнем вступил в партию. Вспомнил он и тяжелые бои на Курско-Орловском направлении, под Киевом, на Северо-Западном фронте, говорил о том, как был комсоргом тяжелого танкового полка (полка прорыва), рассказал, за что получил двенадцать правительственных наград.

Вопросам школьников не было бы конца, если б звонок не возвестил о начале нового урока...

Зная, что Николай Петрович один из активных агитаторов в нынешней избирательной кампании и что через несколько минут у него начнется экскурсия по району с избирателями, я напросился поехать вместе с ними. Автобус был полон. Памятуя, что среди избирателей, кроме старожилов, есть и новоселы, Николай Петрович начал свой рассказ с истории:

— Наш район образован в 1944 году. В те годы здесь были лишь поля да ветхие частные домишки, население не превышало двадцати пяти тысяч человек, промышленности почти никакой. Сегодня Красноармейский район самый большой в Волгограде, в нем живет 160 тысяч человек, здесь располагается 31 промышленное предприятие, на которых изготовляют рыболовные траулеры, высококачественные бензины и масла, стальные канаты, технический углерод и многие другие виды продукции — на 890 миллионов рублей ежегодно. Обширна сеть культурно-просветительных и спортивных учреждений, в районе ведется большое жилищное строительство. Уже сейчас у нас 1400 тысяч квадратных метров жилой площади, а к концу пятилетки намечено построить еще 260 тысяч... Сухие цифры? Для кого-то, может, и так, а для нас, начинавших обживать район с нуля, это радость и гордость. Сейчас поедем на мой завод, покажу, где работаю...

В просторных светлых цехах сталепроволочноканатного завода ритмично стучат станки, а людей совсем мало: автоматика. Бесконечные километры блестящей проволоки виток к витку наматываются на катушки...

— Кстати,— говорит Николай Петрович,— знаменитую Останкинскую башню держат наши канаты — это самые толстые, а еще мы производим микропроволоку, которая тоньше человеческого волоса. Вот какой диапазон! И почти вся продукция отличного качества.

Но не только мы такие в районе. Взять хотя бы объединение «Каустик» с его знаменитой пленкой «повиден» — единственное в Союзе производство такого типа. Пленка предназначена для длительного хранения пищевых продуктов, она незаменима и в промышленности и в быту, при транспортировке и продаже продуктов. За досрочный пуск «повидена» и за применение при этом новейших достижений науки, техники и прогрессивных методов строительства группа строителей и эксплуатационников была удостоена премии Совета Министров СССР 1978 года.

А всего за три года пятилетки в нашем районе освоен выпуск 165 новых видов продукции, некоторым из них уже присвоен государственный Знак качества.

...Мы едем по залитому солнцем, заснеженному городу, из окна машины видны шлюзы Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, строительство и эксплуатация которого предопределили развитие всего Красноармейского района.

Николай Петрович рассказывает о новостройках:

— Этот шестнадцатиэтажный жилой дом для нас новинка — он возводится методом монолита. Скоро будет сдан «под ключ». Много сил положили строители, прежде чем освоили новую технологию, но зато эти дома будут построены быстрее и лучше прежних.

А вот детский комбинат «Аленушка», которым не зря гордится объединение «Каустик». Уже второй год около четырехсот детишек каждый день с радостью приходят сюда. Посмотрите сами, какая красота! У нас в районе лучшие в городе Дворец пионеров и Дворец культуры и техники, отличный Дворец спорта. А школы какие строим, а новый корпус вечернего факультета Волгоградского политехнического института!

Беседу с избирателями Николай Петрович закончил возле памятника В. И. Ленину. Лицом к великой русской реке стоял Ильич. За его спиной разноцветьем тысяч огней переливался город, город — боец, труженик, созидатель.

, КРАСНОАРМЕЙСКИЙ !

Николай Петрович Шариков проводит урок мужества в 120-й школе Волгограда.

Во время заседания.

Фото Б. Кавашкина (ТАСС)

В ИНТЕРЕСАХ УКРЕПЛЕНИЯ МИРА И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

7 февраля в Кремле состоялось совместное заседание Комиссий по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Они рекомендовали Президиуму Верховного Совета СССР ратифицировать Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Эфиопией, подписанный в Москве 20 ноября 1978 года Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым и Председателем Временного военного административного совета и Совета Министров Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариамом.

За столом президиума — председатель Комиссии Совета Союза, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, председатель Комиссии Совета Национальностей, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

В работе заседания принял участие член Комиссии Совета Национальностей, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

На заседании присутствовали заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР И. Г. Кэбин, Председатели палат Верховного Совета СССР А. П. Шитиков и В. П. Рубен, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

Заседание проходило под председательством М. А. Суслова.

Было обсуждено переданное Президиумом Верховного Совета СССР на заключение комиссий предложение Совета Министров СССР о ратификации Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Социалистической Эфиопией.

От имени Советского правительства с сообщением на заседании выступил заместитель министра иностранных дел СССР Н. П. Фирюбин.

Затем началось обсуждение.

Подводя его итоги, председатель Комиссии Совета Национальностей Б. Н. Пономарев подчеркнул, что дружба и сотрудничество традиционно характеризуют отношения между народами обоих государств. Советские люди, сказал он, горячо приветствовали победу антифеодальной, антимонархической революции в Эфиопии. Он напомнил слова Л. И. Брежнева о характере отношений дружбы и всестороннего сотрудничества Советского Союза с Социалистической Эфиопией. В основе этих отношений, говорил Л. И. Брежнев, лежат «...общность интересов социалистических государств и развивающихся стран, стремление объединить усилия в борьбе за независимое развитие народов и социальный прогресс, за прочный мир, против агрессии и гонки вооружений».

Председатель Комиссии Совета Национальностей внес предложение одобрить представленный Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Социалистической Эфиопией и рекомендовать Президиуму Верховного Совета СССР ратифицировать данный договор.

Это предложение было принято единогласно.

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

12 февраля Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял в Кремле находившегося с официальным визитом в Советском Союзе министра иностранных дел Франции Ж. Франсуа-Понсе.

В ходе беседы, проходившей в деловой, дружественной обстановке, были обсуждены вопросы состояния советско-французских отношений и подтверждено стремление сторон к дальнейшему углублению взаимовыгодных советско-французских связей и контактов в различных областях. Были рассмотрены также некоторые узловые проблемы международной жизни в свете необходимости дальнейшего укрепления политики разрядки напряженности, активных усилий по прекращению гонки вооружений.

С обеих сторон была выражена уверенность, что предстоящая встреча в Москве Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с президентом Французской Республики В. Жискар д'Эстэном явится важной вехой в деле укрепления взаимопонимания и сотрудничества между Советским Союзом и Францией в интересах народов обеих стран, мира и международной безопасности.

Во время беседы.

Фото А. Гостева

ИХ ИМЕНА НАЗВАЛ НАРОД

ПРЕДАННОСТЬ ДЕЛУ

Мария Сергеевна Громова, Владимир Садеевич Эпов, Теймураз Шотаевич Шошиашвили. Доярка, экскаваторщик, виноградарь... Если поискать черту, общую для этих трех, наверное, разных людей, то, думается, можно сказать, что она заключена всего в двух словах: верность делу.

Верность избранному делу, верность делу народа... Когда это главное, то за таким «лидером» тянется многое — и новаторство, и стремление к новой технике, и уважение к товарищам по труду.

...Потому, что без такого отношения к труду не получить столь больших надоев молока, которыми известна всей стране мастер машинного доения Мария Сергеевна Громова из подмосковного совхоза «Коммунарка». Более 500 тонн молока в год — такого рубежа достигла мастер машинного доения М. С. Громова, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

...Потому, что без такого отношения к труду, без трудолюбия и доброжелательности, которые слились воедино во Владимире Садеевиче Эпове (на снимке он справа), не смог бы он все два десятилетия, что трудится в угольной промышленности, в коллективе Тулунского угольного разреза в Иркутской области, достигать таких высоких результатов. Только в прошлом году экипаж экскаватора, которым руководит В. С. Эпов, дополнительно к плану переработал более полумиллиона кубометров горных пород.

...Потому, что без такого отношения к труду Теймураз Шошиашвили из колхоза «Заветы Ленина», села Велисцихе, Грузинской ССР, не смог бы получить такого урожая — 130 центнеров винограда. Как непросто это, судите сами: за год виноградарь подходит к лозе не менее трех тысяч раз; говорят же в народе, что лозу виноградную приходится лелеять и холить, как дитя...

Так трудятся эти люди. Остается лишь добавить, что Мария Сергеевна Громова, Владимир Садеевич Эпов и Теймураз Шотаевич Шошиашвили выдвинуты кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР.

Мастер машинного доения М. С. Громова. Фото А. Бочинина.

На утренней разнарядке машинист экскаватора В. С. Эпов. Фото Э. Брюханенко (ТАСС)

Виноградарь Т. Ш. Шошиашвили. Фото И. Давиташвили (ТАСС)

ГЕНЕРАЛ АРМИИ

Исса Александрович ПЛИЕВ

После тяжелой болезни скончался видный советский военачальник, дважды Герой Советского Союза генерал армии Исса Александрович Плиев. Смерть вырвала из рядов Вооруженных Сил одного из прославленных героев Великой Отечественной войны, верного сына советского народа и Коммунистической партии, вся сознательная жизнь которого была посвящена беззаветному служению делу укрепления оборонного могущества социалистической Родины.

И. А. Плиев родился 25 ноября 1903 года в селении Старый Батакоюрт Северо-Осетинской АССР в семье бедного горца-осетина. В марте 1922 года добровольно вступил в Красную Армию. Взращенный Советской властью, он прошел в ее рядах славный путь от красноармейца до генерала армии.

На всех постах, которые доверяла ему партия, И. А. Плиев с чувством высокой ответственности выполнял свой воинский долг. Уже в предвоенные годы, окончив военную Академию им. М. В. Фрунзе, он успешно командовал кавалерийским полком, проявил себя волевым и энергичным командиром.

С первого и до последнего дня Великой Отечественной войны И. А. Плиев — в действующей армии. В ожесточенных сражениях с ненавистным врагом особенно ярко раскрылся талант И. А. Плиева как крупного военачальника. Командуя кавалерийскими дивизией и корпусом, а затем гвардейской конно-механизированной группой, он принимал непосредственное участие в важнейших операциях на Западном, Южном, Юго-Западном, Степном, 1-м Белорусском и 2-м Украинском фронтах, а в конце войны — на Дальнем Востоке в составе Забайкальского фронта. В самой сложной боевой обстановке И. А. Плиев проявлял решительность, личное мужество и храбрость.

В послевоенное время И. А. Плиев командовал войсками армии, затем Северо-Кавказского военного округа. Находясь на этих крупных командных постах, он внес большой вклад в укрепление могущества нашей армии, щедро отдавал свой богатый фронтовой опыт и знания военного дела повышению боевой готовности войск. В последние годы И. А. Плиев был на ответственной работе в центральном аппарате Министерства обороны СССР. Его неизменно отличали высокая партийная принципиальность, ответственность за порученное дело, чуткость и внимание к людям.

И. А. Плиев активно участвовал в общественной жизни страны. Он избирался делегатом XXII и XXIII съездов КПСС, был кандидатом в члены Центрального Комитета партии, депутатом Верховного Совета СССР ряда созывов.

Заслуги генерала армии И. А. Плиева перед Родиной высоко оценены Коммунистической партией и Советским государством. Он дважды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени и многими медалями, а также орденами и медалями ряда социалистических стран и других государств. И. А. Плиев — Герой Монгольской Народной Республики.

Светлая память об Иссе Александровиче Плиеве — верном сыне советского народа, видном советском военачальнике, горячем патриоте социалистической Отчизны — навсегда сохранится в наших сердцах.

Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, Н. В. Огарков, В. Г. Куликов, А. А. Епишев, С. Л. Соколов, В. Ф. Толубко, И. Г. Павловский, А. И. Колдунов, П. С. Кутахов, С. Г. Горшков, К. С. Москаленко, С. К. Куркоткин, Н. И. Савинкин, А. Т. Алтунин, Н. Н. Алексеев, В. М. Шабанов, Н. Ф. Шестопалов, И. Н. Шкадов, Г. В. Средин, С. П. Васягин, И. Х. Баграмян, П. Ф. Батицкий, В. И. Чуйков, В. А. Судец, И. А. Бондаренко, Б. Е. Кабалоев, О. А. Басиев, М. Г. Цагараев, В. Н. Дутов, П. И. Батов, В. А. Беликов, Н. И. Костенко.

Николай

На 83-м году жизни скончался выдающийся советский писатель и общественный деятель, заместитель Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, председатель Советского комитета защиты мира, председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР, секретарь правления Союза писателей СССР Николай Семенович Тихонов. Это — тяжелая утрата для всей многонациональной советской культуры.

13 февраля Москва проводила в последний путь выдающегося советского писателя и общественного деятеля, заместителя Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда, председателя Советского комитета защиты мира, председателя Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР, секретаря правления Союза писателей СССР Николая Семеновича Тихонова.

В траурном убранстве Московский Дом ученых. На высоком постаменте установлен гроб с телом покойного. На алом бархате — золотая звезда Героя Социалистического Труда и другие награды, которых был удостоен писатель за заслуги перед народом.

В зале множество венков. На лентах одного из них надпись: «Николаю Семеновичу Тихонову от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР».

Звучат траурные мелодии. В почетный караул становятся товари-

Семенович ТИХОНОВ

Как писатель и гражданин Н. С. Тихонов рожден социалистической революцией. С самого ее начала — он на передовых участках борьбы за новое общество. В годы гражданской войны Н. С. Тихонов сражался в рядах Красной Армии. Соратник великого Горького, он стал одним из основоположников советской литературы. Первые сборники его произведений, опубликованные в 1920—1922 годах, циклы стихов «Орда» и «Брага», овеянные дыханием Великого Октября, поставили Н. С. Тихонова в ряды видных советских поэтов.

Вся жизнь Н. С. Тихонова — яркий пример беззаветного служения социалистической Родине, делу советской литературы. Его произведения воспевают боевые и трудовые подвиги советского народа, зовут к новым свершениям. На его книгах воспитались и воспитываются многие поколения граждан Страны Советов.

Свое вдохновение Н. С. Тихонов черпал в гуще народной жизни. В его произведениях нашли яркое отражение победы нового социального строя, рождение нового человека, важнейшие события современности. 900 блокадных дней находился Н. С. Тихонов в городе на Неве, возглавляя группу писателей Ленинградского фронта. Отсюда на весь мир прозвучала его пламенная поэма «Киров с нами».

В следующие годы продолжается неутомимая и плодотворная литературная и общественная деятельность Н. С. Тихонова. Широчайшую известность получили его книги «Грузинская весна», «Два потока», «Времена и дороги», «Шесть колонн» и другие. Творчество писателя отличают высокая идейность, пламенная гражданская страсть, публицистический накал, художественное совершенство.

Свою творческую работу Н. С. Тихонов всегда сочетал с многосторонней общественной деятельностью. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР 2—9 созывов.

Огромен вклад писателя в развитие многонациональной советской литературы. Верный друг и наставник литераторов всех республик и краев нашей страны, он активно содействовал приобщению всесоюзного читателя к художественным достижениям литератур народов СССР. Н. С. Тихонов — лауреат премий имени Т. Шевченко, Ш. Руставели, К. Хетагурова, ему присвоено звание народного поэта и заслуженного деятеля культуры ряда республик. В течение нескольких десятилетий он — один из руководителей Союза писателей СССР.

Н. С. Тихонов — стойкий борец за мир и дружбу между народами. Он стоял у истоков всемирного движения сторонников мира, неутомимо боролся за расширение сотрудничества и сплочение всех миролюбивых сил против угрозы новой войны, против фашизма и реакции. Со дня основания Советского комитета защиты мира он бессменно был его председателем. Н. С. Тихонов — почетный президент Всемирного Совета Мира; удостоен международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», «Золотой медали мира» имени Ф. Жолио-Кюри, премии Всемирного Совета Мира в области культуры, премии имени Джавахарлала Неру.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги Н. С. Тихонова, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда. Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Трудового Красного Знамени, медалями, удостоен звания лауреата Ленинской и Государственных премий СССР.

Пламенный патриот Советской Родины, вдохновенный певец социалистического общества, один из классиков советской литературы, Н. С. Тихонов навсегда останется в народной памяти. Его книги служили и будут служить делу коммунистического строительства, делу борьбы за прочный мир на земле.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, Я. П. Рябов, К. В. Русаков, М. С. Горбачев, А. П. Александров, В. Г. Афанасьев, А. А. Епишев, С. Г. Лапин, В. Н. Макеев, Б. И. Стукалин, Е. М. Тяжельников, В. Ф. Шауро, А. И. Шибаев, М. П. Георгадзе, Ф. Т. Ермаш, Б. Н. Пастухов, Г. М. Марков, Г. Г. Абашидзе, Ч. Т. Айтматов, А. Т. Алимжанов, А. А. Ананьев, Т. Аскаров, Н. П. Бажан, С. А. Баруздин, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, П. П. Боцу, П. У. Бровка, И. И. Васильев, Ю. Н. Верченко, А. Т. Гончар, Н. М. Грибачев, П. А. Загребельный, Р. Ф. Казакова, М. Каноатов, И. А. Касумов, В. П. Катаев, А. П. Кешоков, В. М. Кожевников, В. П. Козаченко, М. И. Котов, Ф. Ф. Кузнецов, Л. А. Кулиджанов, Т. Курбанов, П. А. Куусберг, Л. М. Леонов, А. М. Малдонис, А. М. Мирзагитов, С. В. Михалков, Г. М. Мусрепов, С. С. Наровчатов, Л. Н. Новиченко, В. М. Озеров, Б. И. Олейник, В. А. Петросян, Б. Н. Полевой, Н. А. Пономарев, Г. Р. Приеде, Р. И. Рождественский, А. Д. Салынский, С. В. Сартаков, К. М. Симонов, М. Танк, З. П. Туманова, А. А. Сурков, Ю. И. Суровцев, Н. Т. Федоренко, Т. Н. Хренников, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, М. С. Шагинян, О. Н. Шестинский, М. А. Шолохов, С. П. Щипачев, К. Н. Яшен.

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Фото В. Христофорова (ТАСС)

щи А. П. Кириленко, М. А. Суслов, В. В. Кузнецов, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, Я. П. Рябов, К. В. Русаков, М. С. Горбачев.

Траурную вахту несли также депутаты Верховного Совета СССР, ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, видные деятели литературы, науки и искусства.

В почетном карауле были видные деятели всемирного движения сторонников мира, делегации Всемирного Совета Мира, члены президиума Советского комитета защиты мира.

Траурный митинг открыл секретарь правления Союза писателей СССР А. А. Сурков. Об огромном вкладе Николая Семеновича Тихонова в развитие советской литературы, о его многосторонней общественной деятельности говорили писатели, деятели Всемирного Совета Мира, Советского комитета защиты мира.

Похороны Н. С. Тихонова состоялись на Новодевичьем кладбище.

Наш взгляд

ИРАН: ВОЛЯ НАРОДА НЕПОБЕДИМА

Леонид КОРЯВИН

Тегеран... Вот уже несколько месяцев люди на земле полны внимания, слушая новости из этого мятежного, бурлящего города. Как могучие морские волны, одно событие следовало в Иране за другим. Его города и села непрерывно штормили шквалами народных манифестаций. Вся страна поднялась на борьбу против монархического режима, и колонны демонстрантов в Тегеране, Исфахане, Ширазе, других городах ручейками вливались в бурный поток, который трудящиеся Ирана назвали народной демократической революцией.

Современные средства связи дают возможность за считанные часы доставлять хроникальные кадры телевидения в разные уголки планеты. Мы видели проспекты Тегерана, до краев заполненные людьми со сжатыми кулаками. В них стреляли шахские гвардейцы. Мостовые обагрились кровью. Один за другим росли песчаные холмы жертв на тегеранском кладбище Бехеште-Захра.

Но волю народа нельзя было остановить автоматами, закупленными шахским генералитетом в США и Израиле. Народный Иран не сдавался. Он решительно выступил против монархического режима на бурлящих улицах городов и сел.

После того как шах Мохаммед Реза Пехлеви взлетел на своем флагманском «Боинге» с тегеранского аэродрома и сделал последний круг над городом, над которым нависали горные вершины, увенчанные белоснежными шапками, народный водоворот в Тегеране и других иранских городах забурлил с новой силой. Народ пошел в наступление не только против монарха. Он был полон решимости разрушить всю пирамиду его абсолютистской власти.

Правительство Бахтияра, которое шах оставил как «плацдарм своей власти», оказалось калифом на час. Народ отверг его. Он приветствовал возвращение в страну известного политического и религиозного деятеля, признанного лидера оппозиции аятоллы Хомейни, который объявил о создании Временного переходного правительства Базаргана. Когда Хомейни прилетел из Парижа, где находился в изгнании почти пятнадцать лет, и прямо с аэродрома проехал, окруженный многомиллионной толпой, на кладбище Бехеште-Захра, он сказал, что существующие в Иране парламент и правительство незаконны.

Волнения в Иране не родились случайно. Процесс народных выступлений против режима зрел давно. Он таил в себе динамит религиозных и социальных явлений. События в Иране стали народным демократическим движением, в котором был заложен мощный заряд революционных сил, выступивших против социальной несправедливости, деспотизма шахской власти, иностранного засилья в стране и прежде всего американского — с его военным присутствием, стратегическими базами, нефтяными монополиями, десятилетиями истощавшими национальные ресурсы Ирана, эксплуатировавшими его народ.

Вспомним, что происходило в Иране в последние годы. Официальная пропаганда вместе с информационными концернами Запада рисовали радужные картины перспектив страны, увещевали иранский народ, что его будущее так же блестяще, как золоченые эполеты на плечах шаха. «Голубые горизонты» Ирана виделись там — у горизонтов Запада, на сотрудничество с которым делал свою ставку монархический режим. Но с Запада надвигались тучи: Иран все сильнее попадал в цепкие щупальца западных монополий.

Нефть, которую западные предприниматели начали эксплуатировать в Иране еще в конце прошлого века, обогатила лишь их и иранскую верхушку. Пирамида нефтедолларов оказалась опрокинутой: производители «черного золота» в лице трудового народа Ирана очутились далеко от его доходов. Национальные доходы, появившиеся в результате нефтяного бума, иранский абсолютизм вкладывал в западную промышленность. Он направлял капиталы на закупки того же вооружения в США, Англии и других странах Запада. Он носился с планами покупок доли участия в могущественных западных концернах, например, в западногерманской автомобильной корпорации «Мерседес-Бенц» или американской авиакомпании «Пан-Американ».

И против всего этого решительно восстал иранский народ. Выступая против шахского режима, он нацелил острие своей борьбы и против западного засилья. Заполнив улицы Тегерана и других городов страны, он понес над своими колоннами транспаранты с требованием ликвидации американского военного присутствия, по всей стране раздался мощный клич: «Янки, убирайтесь домой!»

Анализируя события в Иране, политические наблюдатели все время ставили вопрос: с кем будет армия? Монархия и поддерживающие ее заокеанские покровители делали ставку на вооруженные силы, готовили военный переворот. Однако волна народного гнева донеслась и до солдатских казарм. В армии началось брожение, одно подразделение за другим стали переходить на сторону народа. Вслед за тем было объявлено коммюнике Высшего военного совета, в котором говорилось, что он принял решение о нейтралитете вооруженных сил. Было отдано распоряжение всем войскам уйти с улиц и возвратиться в казармы. Это явилось поворотным моментом в иранских событиях. Новые колонны демонстрантов появились на улицах Тегерана и других городов. Они скандировали: «Армия с нами, мы победили!». Вслед за тем прошахское правительство Бахтияра заявило о своей отставке. Глава Временного правительства Базарган приступил к исполнению своих обязанностей. А еще через некоторое время национальное радио, возобновившее работу под названием «Голос иранской революции», сообщило о роспуске меджлиса — нижней палаты иранского парламента.

События в Иране нашли широкий отклик во многих странах мира. Из разных уголков поступают в Тегеран послания, в которых выражается поддержка революционного движения иранского народа, выступившего в защиту своих прав, против внутреннего и внешнего порабощения.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЖАРКАЯ

Жаркая зима нынче выдалась в Иране. Накал народного восстания против ставленников прежнего режима усиливается с каждым днем. Повсюду в Тегеране воздвигнуты баррикады. Город объят пожарами. Горят здания, бензоколонки, склады. Настоящие сражения между противниками шахского режима и его сторонниками разгорелись на улицах иранской столицы. Повстанцы штурмом взяли зимний дворец шаха Ниаваран, в северном секторе Тегерана. Шахские гвардейцы, охранявшие дворец, не выдержали напора восставшего народа и капитулировали. Восставшие захватили также шахский дворец Голестан. Арестованы бывший начальник политической полиции САВАК Насири, бывший премьер-министр Ирана Ховейда и глава военной администрации Тегерана генерал Рахими. Все они обвиняются в «участии в убийствах людей». Несколько генералов убиты в ходе столкновений между монархическими силами и сторонниками оппозиции.

Убили демонстранта...

Сторонники оппозиции на улицах Тегерана.

ЗИМА ИРАНА

Пламя восстания охватило всю страну. Во многих городах к восставшему народу присоединились армейские офицеры и солдаты. Многие высшие офицеры иранской армии, не перешедшие на сторону оппозиции, ударились в бега. Глава Временного исламского правительства М. Базарган объявил о назначении заместителями премьер-министра по делам революции — Ибрагима Язди, по делам передачи власти — Хашема Саббагияна и по административным вопросам — Амира Энтезама. Базарган назначил генерала Мохаммеда Вали Гарани начальником штаба иранских вооруженных сил.

Монархический строй разваливается по частям. Первые победы народа вызвали бурю энтузиазма и радости восставших. Однако борьба еще не окончена. Предстоит еще много сделать, чтобы окончательно сломить хребет прогнившего режима, сокрушить военно-полицейскую государственную машину.

Империалистические силы встревожены. Их можно понять: Иран, который был для них поставщиком нефти, крупным закупщиком оружия и «жандармом Персидского залива», теперь уходит из рук. Именно эти силы плетут в Иране сети заговоров.

Временное правительство Ирана признано Сирией, Пакистаном, Ливией, Мавританией, Индией, Суданом и рядом других государств. Одним из первых признал Временное правительство Ирана Советский Союз. В своем послании премьер-министру Временного правительства Ирана Мехди Базаргану Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин заявил о признании Временного правительства Ирана и о готовности Советского Союза поддерживать и развивать отношения между двумя странами на основе принципов равенства, добрососедства, уважения национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Женщины Ирана тоже участвуют в борьбе.

Танки в центре Тегерана.

На улицах Ханоя. Фото автора.

ХАНОЙ — СТОЛИЦА СОЛИДАРНОСТИ

А. ДЗАСОХОВ,
первый заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки

В истории нашего времени достойное место займет героическая эпопея освободительной борьбы Вьетнама. Народ этой страны, пользовавшийся широкой поддержкой и симпатией прогрессивных и миролюбивых сил, сегодня устремлен в будущее. Вот почему так горячо откликнулись участники движения солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА) на инициативу провести свой форум в Ханое.

ПОД ЗНАКОМ ЕДИНСТВА

13—15 января сюда съехались представительные делегации более 50 стран и многих международных организаций. В эти дни Ханой стал как бы подлинной столицей солидарности. Здесь, на заседании Президиума ОСНАА, можно было видеть выдающихся представителей национально-освободительных движений Африки, Арабского Востока, Латинской Америки, прогрессивных сил стран Западной Европы, посланцев стран социалистического содружества.

Убедительной демонстрацией успехов фронта антиимпериалистической борьбы явилось прибытие в Ханой делегаций молодых независимых государств, рождение которых относится к последним трем-четырем годам. Это делегации Демократической Республики Афганистан, Социалистической Эфиопии, Лаосской Народно-Демократической Республики, Народной Республики Анголы, Республики Гвинеи-Бисау и др.

Каждый из участников этой интересной международной встречи считал своим моральным долгом сказать с трибуны заседания Президиума Организации солидарности народов Азии и Африки честные и искренние слова вьетнамским друзьям и тем самым подтвердить твердую, последовательную позицию солидарности с народом Вьетнама.

Вспомним слова Джошуа Нкомо, председателя партии ЗАПУ, одного из лидеров Патриотического фронта Зимбабве, народ которой сегодня вступил в решающую фазу своей антиколониальной борьбы, о том, что «вклад Вьетнама в национально-освободительную борьбу имеет широкое международное значение и помогает в наше время делу достижения справедливых целей африканских народов, народов других континентов».

С огромным интересом была встречена речь главы индонезийской делегации, бывшего министра Р. Абдулгани, который напомнил, что еще в 1955 году делегацию молодого вьетнамского государства на Бандунгской конференции, положившей начало движению неприсоединения, возглавлял присутствующий на заседании Президиума ОСНАА премьер-министр СРВ Фам Ван Донг. За эти долгие годы, продолжал оратор, Вьетнам демонстрирует на международной арене мирную политику и стремление строить свои отношения на принципах равенства и добрососедства.

Организация солидарности народов Азии и Африки четко выразила свое отношение к гегемонистским, агрессивным устремлениям нынешнего китайского руководства в отношении Социалистической Республики Вьетнам.

Каждый день и час пребывания участников заседания Президиума в Ханое приносил с северных границ этой страны вести о том, что пекинские гегемонисты нарушают границы суверенного Вьетнама, сопровождая эту свою политику лживой пропагандистской кампанией в адрес вьетнамцев.

В документах, принятых на заседании Президиума по этому поводу, в частности, говорится: «Президиум ОСНАА осуждает китайские власти за действия, направленные против суверенитета Вьетнама путем нарушения его воздушного пространства и территориальных вод...

Организация солидарности отвергает оскорбительные обвинения в адрес Вьетнама в имевшем якобы место изгнании лиц китайского происхождения, осуждает великодержавную высокомерную политику китайского руководства».

Участники Движения солидарности имели многочисленные встречи с представителями вьетнамского народа как в столице, так и в других районах страны и вновь убедились, что в лице Вьетнама мировое национально-освободительное движение имеет прочного союзника, а его народ вносит большой вклад в дело морально-политической поддержки других отрядов освободительной антиимпериалистической борьбы.

Многие участники заседания Президиума справедливо обращали внимание, что пекинские лидеры стремятся привести в движение китайские колонии в странах Юго-Восточной Азии и через них пытаются осуществить свои преступные великодержавные планы в отношении многих стран этого района мира.

Широта тем, рассмотренных на Президиуме, показывает взаимосвязь различных фронтов антиимпериалистической борьбы, необходимость прочного их союза и взаимодействия. В духе единства были приняты итоговые документы, в которых нашла отражение позиция прогрессивной общественности по вопросам ближневосточного урегулирования, в поддержку народов Юга Африки, борьбы народов за разоружение и разрядку международной напряженности.

Массовые народные выступления в Иране получили полную поддержку участников заседания Президиума. В его документах решительно осуждаются попытки Соединенных Штатов сохранить монархию в Иране, навязать свои экономические, милитаристские и политические интересы на Ближнем Востоке. «Президиум шлет свои приветствия,— говорится в Генеральной декларации,— народной революции в Иране, выступающей за обеспечение демократических прав и ликвидацию империалистического контроля США над страной».

Моральная атмосфера, в которой проходила встреча участников движения солидарности, факт проведения заседания Президиума ОСНАА в Ханое явились важной предпосылкой его успеха. Замечательные слова Хо Ши Мина: «Единство, единство, великое единство» — стали политическим девизом заседания.

С трибуны ханойской встречи прозвучал голос представителя народно-революционной власти Кампучии. Генеральный секретарь ЦК Единого фронта национального спасения Рох Самай сделал обстоятельный анализ событий в Кампучии и обратился к прогрессивной общественности со словами благодарности за поддержку борьбы кампучийского народа, за понимание справедливого характера и целей этой борьбы.

Р. Самай заявил, что за годы правления режима Пол Пота в стране были уничтожены лучшие партийные кадры, инженеры, учителя, врачи, по сути, вся грамотная часть населения. Из столицы страны Пномпеня, так же как и из других городов, сотни тысяч граждан насильственно были изгнаны в сельскую местность и оставались там под страхом физического уничтожения за малейшее неповиновение властям.

Теоретической мысли еще предстоит дать критический анализ происходивших в годы антинародного режима деяний. Однако и сейчас ясно, что здесь была предпринята попытка опробования маоистской модели общества за пределами собственно Китая.

Ныне перед народом Кампучии открылись перспективы строительства независимого, суверенного государства. Друзья кампучийского народа — в первую очередь народы Советского Союза и других стран социализма — хорошо понимают, что строительство новой жизни начинается в условиях разрухи, и поэтому народ Кампучии рассчитывает на помощь прогрессивных сил.

От имени своего народа делегация Единого фронта национального спасения с большой признательностью говорила о помощи Советского Союза, КПСС, о том, с каким огромным энтузиазмом встречено послание товарищей Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина в адрес Х. Самрина.

Участники заседания Президиума приняли специальное Послание Генеральному секретарю ООН, в котором, опираясь на факты, выразили твердую поддержку кампучийскому народу и призвали ООН и Совет Безопасности занять единственно правильную позицию полного признания новой народной власти Кампучии.

Нет сомнения, что международные демократические организации в предстоящий период сохранят высокий уровень солидарных действий с кампучийским народом, с его политическим авангардом — Единым фронтом национального спасения. Выработанная руководством Движения афро-азиатской солидарности обширная программа морально-политической и практической поддержки народа этой страны является конкретным тому подтверждением.

ХОШИМИН — ГОРОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЬЕТНАМА

В политической литературе название Сайгон символизирует оплот американской военной машины, реакции и контрреволюции. Сегодня все это ушло безвозвратно в прошлое. Город, носящий имя выдающегося деятеля национально-освободительного движения и международного коммунистического движения, великого сына вьетнамского народа, живет сейчас новой жизнью.

Посещение участниками заседания Президиума ОСНАА города Хошимина, продолжительные беседы с вьетнамскими руководителями открыли огромную панораму многогранной деятельности Коммунистической партии Вьетнама, правительства СРВ, Отечественного фронта по утверждению в этом городе подлинно социалистических нравственных и моральных принципов.

После освобождения Сайгона, в котором к этому моменту проживало 4 миллиона человек, перед властями встала одна из сложнейших социальных задач — решение проблемы занятости. Многие жители города были беженцами из сельских районов, стремившимися спастись от массированных бомбежек американских агрессоров. И хотя жизнь в городе была чрезвычайно трудной, она в большей степени гарантировала физическое выживание. После победы власти за короткое время сумели определить судьбы более 700 тысяч беженцев, оказав им всю необходимую помощь в возвращении к родным очагам и включении в активную созидательную жизнь.

Разработанный пятилетний план экономического развития города Хошимина нацелен на выравнивание его экономической и социальной инфраструктуры с общенациональной. Осуществляется интенсивная работа в области образования, здравоохранения и распределения жилья. Школьники и студенты в городе Хошимине, число которых достигло миллиона, имеют возможность продолжать свое образование в высших учебных заведениях города, целиком находящихся ныне в ведении государства и доступных для всех.

Огромное эмоциональное впечатление оставляет посещение центров по восстановлению человеческого достоинства. Неисчислим моральный урон, который нанес американский империализм и его реакционные пособники населению южной части Вьетнама. В упомянутых центрах осуществляется хорошо продуманная, пронизанная уважением к личности человека, к богатым историческим и культурным ценностям вьетнамского народа система приобщения к активной общественной жизни десятков тысяч заблуждавшихся в прошлом людей.

Огромное впечатление оставляют рассказы вьетнамских товарищей о мерах по перевоспитанию бывших военнослужащих сайгонского режима. Не без гордости вьетнамские товарищи говорят о бережном отношении к самому ценному в социалистическом обществе — к человеку. Зарубежные гости, находившиеся в Хошимине, имели встречи и с бывшими офицерами, которые сейчас не только искренне и сознательно отвергают свое прошлое, но и стремятся внести свой посильный вклад в общее дело.

Религия и революция — важный вопрос в истории любой страны. Реакционный режим Тхиеу в союзе с его заокеанскими покровителями сделал все для того, чтобы возвести барьер между народом и духовенством Юга. Именно поэтому перед новыми властями стоит еще одна задача большой важности — помочь духовенству отойти от ошибочных позиций, отказаться от политической платформы, навязанной Западом.

В нынешнем Вьетнаме по-особому ощущается преемственность революционных традиций старших поколений, корни которого уходят к двадцатым годам, к славным страницам борьбы, у истоков которой был Хо Ши Мин.

Для советских людей это особенно близко. Приходит на память замечательное время поездок в Москву — столицу молодой Советской республики Хо Ши Мина, его встреч с представителями многих отрядов международного коммунистического и рабочего движения.

Вьетнамская печать, все средства массовой информации, опираясь во всем разнообразии на богатый опыт борьбы своего народа, сегодня много рассказывают о том из истории страны, что может служить уроком революционной тактики и стратегии. Это можно видеть на примере Отечественного фронта Вьетнама — ныне единой общенациональной организации. В годы освободительной войны против американских агрессоров на социалистическом Севере действовал Отечественный фронт как широкая коалиция национальных сил, а на Юге органическое его продолжение — Национальный фронт освобождения, духовно и идейно связанный с традициями революционной борьбы и сделавший так много для приближения победных дней.

Здесь, в Хошимине, мы встретили одного из руководителей городского отделения Отечественного фронта, много лет работавшего главой представительства Национального фронта освобождения Южного Вьетнама в Москве, товарища Данг Куанг Миня. Его живые зарисовки деятельности Отечественного фронта в новых исторических условиях слушали мы с огромным интересом.

«Льенсо» значит по-вьетнамски «советский». Это слово много раз слышали с трибун международных форумов участники различного рода встреч. И оно всегда ассоциируется с благодарными чувствами вьетнамского народа в отношении Советского Союза, его Коммунистической партии. Сегодня это вьетнамское слово звучит на земле нового, социалистического Вьетнама повсеместно.

Братская дружба советского и вьетнамского народов получила свое воплощение в положениях исторического Договора о дружбе и сотрудничестве, скрепленного подписями руководителей двух наших стран.

Основываясь на революционных и миролюбивых традициях наших двух народов и обращая взоры в будущее, можно говорить о прекрасных перспективах советско-вьетнамского сотрудничества. Народ братского Вьетнама строит социализм, идет в ногу с другими странами социалистического содружества. Солидарные и братские отношения между СССР и СРВ являются весомым вкладом в общее дело борьбы за мир и социальный прогресс на земле.

Ханой — Хошимин — Москва.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КОСЫГИН.
К 75-летию со дня рождения.

Фото И. Филатова.

В. Некрасов. Род. 1924. МИР НАРОДАМ. НА ЗАРЕ РЕВОЛЮЦИИ. 1978.

Всесоюзная художественная выставка «Молодая гвардия Страны Советов».

Интересы народа, забота о его благе — главное в деятельности Коммунистической партии. Голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных — значит голосовать за дальнейшее повышение уровня жизни советских людей, за рост благосостояния каждой семьи.

Из Обращения Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ко всем избирателям, гражданам Союза Советских Социалистических Республик.

На приеме у депутата Верховного Совета Узбекской ССР Махмуда Муйдинова.

Фото В. Сваричевского

ЭТО БУДЕТ ПО-ГОСУДАРСТВЕННОМУ

Вячеслав **КОСТЫРЯ**

Может, причиной тому было его собственное сиротское детство, только депутат Махмуд Муйдинов, прочитав письмо, заметно побледнел.

— Вот посмотрите, какие еще бывают родители! — пододвинул мне Махмуд исписанный листок из школьной тетради. — Так и не приехали за дочкой, которую эвакуировали в Наманган после ташкентского землетрясения! Разыщем...— Он не хотел верить в столь вопиющее равнодушие.— А пока надо девочке душу отогреть... Попрошу Мамлакат написать письмо, у женщин это лучше получается...

Мамлакат — его жена, работница кожгалантерейной фабрики. В переводе ее имя значит «государство». Видимо, поэтому депутат Верховного Совета Узбекской ССР Муйдинов с улыбкой добавил:

— Думаю, это будет по-государственному.

Не раз приходили затем на память эти его слова при встречах с депутатом в самых различных жизненных ситуациях. И на стройплощадке жилого дома, где Махмуд Муйдинов дотошно выяснял причины простоев и записывал в «Блокнот срочных дел» фамилии ответственных лиц; и на занятиях в Высшей партийной школе, где слушателя Муйдинова интересовало теоретическое обоснование роли рабочей инициативы в социалистическом производстве; и в прессовозаготовительном цехе «Ташсельмаша», где сварщик Муйдинов успевал за смену сделать значительно больше, чем другие мастера, и притом с самым высоким качеством—десятую пятилетку он выполнил уже в июне минувшего года. Это было его социалистическим обязательством: «Пятилетку за два с половиной года!» Его изделия—на тысячах хлопкоуборочных машин...

К станку, на котором работает Муйдинов, в рабочее время лучше не подходить. Разговора не получится. Просто полюбоваться виртуозностью мастера можно. А вот отвлечь его от дела — совесть не позволит, да и сам он на вопрос лишь улыбнется извинительно да поднимет четыре пальца: дескать, поговорим в четыре часа, после смены.

— Именно у нас на заводе проявились те человеческие качества Муйдинова, которые позволили ему стать народным избранником,— сказал секретарь парткома Сакиджан Тажиев.— Деловитость, обязательность, покоряющая душевность... С 1969 года Махмуд Муйдинов трижды избирался депутатом Ташкентского горсовета, а ныне он — депутат Верховного Совета Узбекской ССР, член Президиума Верховного Совета республики. С 1970 года — коммунист, был делегатом XXV съезда КПСС, избран членом Центральной ревизионной комиссии КПСС.

В депутатской почте Махмуда Муйдинова письма не только из Сельмашского избирательного округа Ташкента, по которому он баллотировался. И не только из городов и сел Узбекистана. В отдельной папке — переписка с Бакинским горсоветом, Тульским.

— Советские люди знают, что народный депутат — их полномочный представитель при решении любого вопроса,— говорит Махмуд Муйдинов.— И мелочей в депутатском деле нет. Каждое обращение ко мне считаю прямым дополнением к тем наказам, которые получил при избрании. Убедился, что между ними всегда самая тесная связь.

— Например?

— Помню, в начале моей депутатской работы пришел на прием знакомый рабочий, живущий на массиве Каракамыш. Это далековато от «Ташсельмаша». «Не высыпаюсь,— говорит,— встаю чуть свет, а пока доберусь до завода с пересадками — глядишь, и опоздал»... Казалось бы, частный случай. Но ведь многие ташсельмашевцы живут на Каракамыше и в других отдаленных массивах! Недаром в одном из наказов избирателей говорилось о транспортной проблеме.

— И каков результат?

— Будучи членом Постоянной комиссии Верховного Совета Узбекской ССР по коммунальному хозяйству и бытовому обслуживанию, я обратился в соответствующие ведомства... Вскоре начали ходить автобусы от массива Октябрь до Сквера революции, были удлинены два трамвайных маршрута, которыми пользуются наши рабочие. С массовыми опозданиями было покончено, но по себе знаю, что вовремя прийти на завод—это еще не все. Чтобы как следует отработать смену, нужно хорошее, бодрое настроение. А оно в долгой дороге обычно теряется... Вот откуда пошла эта схема, которая ныне уже воплощается в реальные дома. — И он показал схему новых жилых кварталов, расположенных неподалеку от «Ташсельмаша». — Содействовать этому строительству — один из главных наказов моих избирателей. Конечно, квартирный вопрос все еще остается наиболее актуальным, и все же проблема полноценного отдыха для трудового человека только благоустроенным жильем не решается...

— Что вы имеете в виду?

Махмуд Муйдинов достал тетрадь, в которой перечислены наказы избирателей, выписки из заявлений, полученных депутатом во время приема избирателей, и показал подчеркнутую красным карандашом строку: «Ввод в действие заводского пансионата на берегу озера Иссык-Куль».

— Вот где еще таятся ташсельмашевские резервы производительности труда,— сказал он. И мне тотчас же вспомнилось его выражение: «Думаю, это будет по-государственному». — Конечно, заботимся и о том, чтоб наши рабочие могли хорошо отдохнуть не только в отпуске,— продолжал он. — Отдых—проблема каждодневная, следовательно, требует и постоянной депутатской заботы. Хорошему настроению рабочего способствует и спокойствие за наших детей, уверенность, что они всем обеспечены и находятся под умелым присмотром. Помню, когда моя дочка Лола была совсем маленькой, а жена с утра уходила на фабрику, мне почти из месяца в месяц приходилось работать в ночную смену. Разумеется, по личной просьбе и договоренности с профкомом,— улыбается депутат.— Трудновато было, пока не определили Лолу в детсад... Так что отлично понимаю своих избирателей, когда они приходят на прием с претензиями к строителям заводского детского комбината. Что-то затормозилось у нас это дело, приходится торопить товарищей.

...Депутатская комната Хамзинского райисполкома Ташкента. Каждая вторая пятница месяца — приемный день депутата Махмуда Муйдинова.

Закончив рабочую смену в четыре часа, Муйдинов ровно в пять начал прием избирателей. В дневнике появляются первые записи: ремонт квартиры, улучшение жилищных условий в связи с увеличением семьи, устройство ребенка в ясли...

В комнату входят инженер-конструктор Александра Семеновна Жученко, возглавляющая женсовет завода, нормировщица Любовь Васильевна Старкова, председатель детской школьной комиссии профкома, и экономист Мария Ивановна Третьякова, член этой же комиссии.

— Мы впервые в этом году у вас на приеме... Обращение Леонида Ильича Брежнева по поводу Года ребенка побудило нас прийти к вам,— сказала Александра Семеновна.— Почти шестьдесят процентов ташсельмашевцев моложе тридцати лет. Значит, спрос на места в детских дошкольных учреждениях будет расти.

— Для нашего завода должны быть выстроены детские садики и ясли на четыреста восемьдесят мест,— говорит Любовь Васильевна.— На долевое участие завод перечислил четыреста пятьдесят тысяч рублей Ташкентскому горисполкому. Однако пока выделен лишь земельный участок! А время идет... Надо поторопить строителей.

— Непременно надо! Записываю ваше обращение первым пунктом в список неотложных дел. Спасибо за инициативу. Буду действовать всей силой депутатских полномочий. Результат доложу на ближайшем заседании профкома.

И снова вспомнились слова депутата Муйдинова: это будет по-государственному!

МЕДВЕЖОНОК ВЕРНУЛСЯ ИЗ... ПОЛЕТА

Недавно в Звездном городке состоялась необычная церемония передачи Оргкомитету XXII Олимпийских игр игрушечного медвежонка, совершившего космическое путешествие.

Забавную игрушку, изготовленную из оленьего меха камчатскими мастерами народного промысла, взяли с собой на орбиту В. Коваленок и А. Иванченков. Путешествие Миши было оформлено по всем правилам. В Оргкомитете ему был выдан космический паспорт и командировочное удостоверение. На космодроме в Байконуре Миша прошел самый настоящий санитарный контроль и получил свидетельство о допуске к космическому полету.

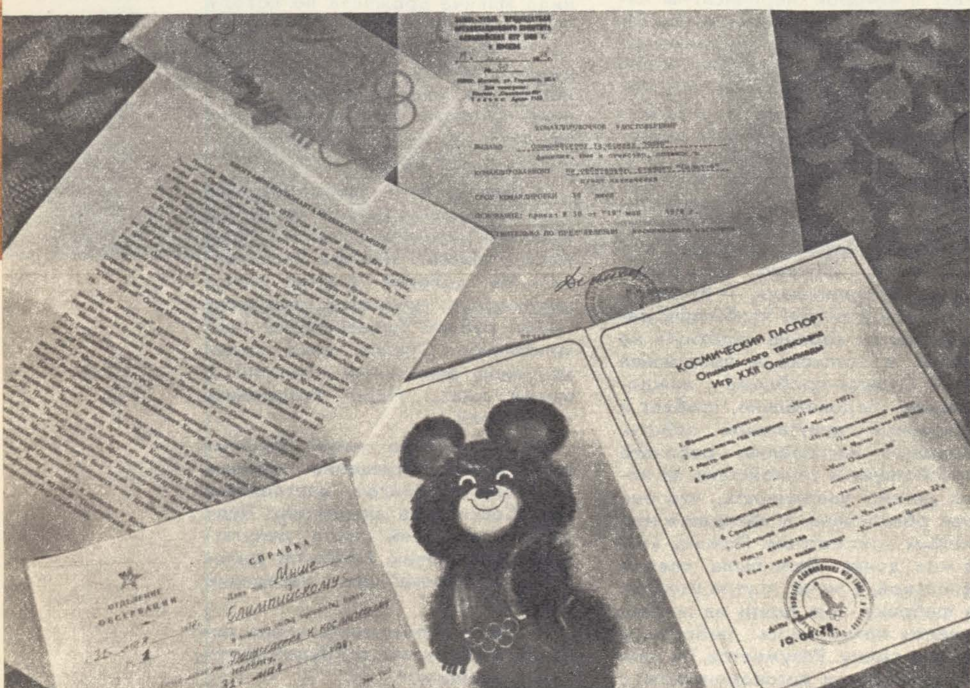
Так впервые в истории Игр олимпийский талисман побывал в космосе, причем ровно столько, сколько и экипаж орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз» — 140 суток. И вместе с экипажем благополучно вернулся на родную Землю.

Мишка-олимпиец отлично перенес полет, прошел карантин и сейчас с достоинством встречает гостей Оргкомитета.

А теперь обратите внимание на снимки. На первом: Герой Советского Союза полковник В. Коваленок и Герой Советского Союза А. Иванченков передают представителю Оргкомитета XXII Олимпиады П. Скобелкину Мишу-олимпийца. На втором: космические документы мохнатого путешественника.

Э. МАКСИМОВСКИЙ
Фото Д. Фастовского

Звездный городок

Арсений ГУЛЫГА,
доктор философских наук

На Бородинском поле довелось мне побывать трижды. Первый раз в 1936 году, вскоре после того, как нас снова стали учить истории. Учителя истории Николая Михайловича, влюбленного в русскую старину, никогда не забуду.

Как-то Николай Михайлович повез нас в Бородино. Поездом — до Можайска, дальше пешком. Ночевали в лесу, долго сидели у костра, историк просвещал нас, а мы читали стихи; с рассветом поднялись и пошли навстречу «французам» — старшеклассникам, которые приехали вместе с нами, но отправились в Бородино другой, более длинной дорогой. Встретиться мы должны на кургане Раевского. Победителем в игре будет тот, кто придет туда первым...

Наш класс проиграл. Пока мы рассуждали об истории, «французы» двигались. Их вел преподаватель военного дела быстро и уверенно, они опередили нас. Потом мы вместе бродили по пустынному полю, от памятника к памятнику: все заросло травой, частью покосилось, обветшало. Музей не работал. Кроме нас, в округе никого не было.

Через пять лет, осенью 1941 года, мы, студенты университета, строим под Можайском укрепления. Это уже не игра, это война. В Бородино едем за картошкой. В Горках, где находился когда-то командный пункт Кутузова, немцы бомбят зенитную батарею. Выстрелы, дымки рвущихся в небе снарядов, грохот бомб. Наша машина — в кювете, а мы рассыпались по полю. Затем долго собираемся, едем дальше. Говорят, в батарею было прямое попадание.

И вот тридцать семь лет спустя я снова в Горках. Пережитое стало историей. Рядом с дорогой памятник — «Вечная слава героям, павшим на Бородинском поле в дни Великой Отечественной войны советского народа». Здесь похоронены гвардейцы-зенитчики. А выше на холме другой памятник: «Отсюда фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов руководил войсками в сражении при с. Бородине 26 августа 1812 года». На обелиске рельеф — главнокомандующий принимает рапорт, и его слова из приказа по войскам: «Неприятель отражен на всех пунктах». Две отечественные войны накладываются друг на друга, сливаются в одно патриотическое деяние.

Мы приехали со стороны Шевардина. На том месте, где Наполеон наблюдал за ходом битвы, установлен французский памятник с французской надписью: «Павшим Великой армии. 5—7 сентября 1812». Обелиск увенчан парящим орлом. Куда летит хищник?

Что говорит мне, русскому, этот французский монумент, установленный на русском поле в самом сердце России? Я думаю о том, чем это все кончилось. Известны слова: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет». Полтора века спустя французские патриоты воевали плечом к плечу с нами против фашизма. Прав Чернышевский: исторический путь — не тротуар Невского проспекта. Таит он в себе зигзаги, и тупики, и такую круговерть, что подчас трудно было понять, кто с кем, за что и почему. Поэтому важно иметь твердые ориентиры, главный из них — чувство родины. Иной скажет: родина там, где тебе хорошо. Мол и древние говорили: ibi bene, ibi patria*. Ложь, ложь! Так говорит тот, у кого нет родины. Он просто не знает, что это такое, он знает только свое благополучие. Родине плохо — не может быть хорошо тебе. Когда она в беде, думай не о себе, о ней, как помочь ей, спасти. Так мыслили русские в 1812 году и за два века до этого, в 1612 году, когда вторглись в нашу страну поляки и шведы, и столетие спустя, в 1941-м, в дни гитлеровского нашествия. Россия—Феникс, сжигали ее, топтали, терзали, но она возрождалась из пепла, руин и пожарищ для новой жизни, могучая и прекрасная.

...Из Шевардина — в Семеновское. Здесь был передний край, здесь вели бой не командующие, а солдаты. Художник Ф. А. Рубо, создавший знаменитую Бородинскую панораму (ныне ее можно увидеть в специальном музее в Москве на Кутузовском проспекте) избрал именно Семеновское для той точки, откуда зритель смотрит на битву. Я побывал там перед поездкой в Бородино, и сейчас на месте мирного пейзажа с асфальтированным шоссе и колхозными коровниками передо мной невольно возникает воссозданная художником батальная картина.

...Только что смертельно ранило Багратиона, его увозят в тыл. Командование левым флангом русской армии, выдерживающим главный натиск противника, принял Дохтуров, ему докладывают обстановку. По горящей деревне спешат гренадерские полки, идущие на помощь нашим контратакующим войскам. Багратионовы флеши в руках противника, его надо выбить оттуда. Навстречу мчится вражеская кавалерия. Во ржи уже сшиблись русские и французские кирасиры, кипит рукопашная схватка.

Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Центр битвы — редут Раевского. «Редут этот состоял из кургана, на котором с трех сторон были

* «Где хорошо, там родина» (лат.).

Земля родная

НА ПО

выкопаны канавы. В окопанном канавами месте стояли десять стрелявших пушек, высунутых в отверстия валов. В линию с курганом стояли с обеих сторон пушки, тоже беспрестанно стрелявшие. Немного позади пушек стояли пехотные войска. Входя на этот курган, Пьер никак не думал, что это «окопанное небольшими канавами место, на котором стояло и стреляло несколько пушек, было самое важное место в сражении». Пьер Безухов, герой романа «Война и мир»,—человек в военном деле некомпетентный. Послушаем лучше историка (Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию»):

«После взятия флешей вторым центральным моментом Бородинской битвы стала борьба за так называемую курганную батарею, или батарею Раевского, стоявшую в центре русского фронта, между левым и правым крылом...

С двух часов дня Наполеон велел занять артиллерией те позиции вокруг Семеновских флешей, которые были отняты французами после гибели Багратиона. Страшный артиллерийский огонь с этого пункта косил русские войска. Ядра рыли землю, сметая людей, лошадей, зарядные ящики, орудия. Разрывные гранаты выбивали по десятку людей каждая. А одновременно уже не только с бывших Багратионовых флешей, но и с правого фланга французская артиллерия била по батарее Раевского и по отходившим от батареи русским войскам. Никогда до этого дня русские солдаты и командный состав не проявляли такого полнейшего пренебрежения к опасностям, к летавшей вокруг них и косившей их огненной смерти...

В начале четвертого часа русские защитники батареи на три четверти были перебиты, остальные отброшены. Батарея осталась за французами.

Но русские не уходили с поля битвы и их артиллерия не умолкала...»

Вот и мы пришли на батарею Раевского. Центр сражения стал центром мемориального комплекса. Сегодня воскресенье, и народу собралось видимо-невидимо, пожалуй, не меньше, чем в «День Бородина». Толпы школьников, множество солдат, вереницы автомобилей и автобусов. Все движется и шумит.

...Почему так, почему в тридцать шестом году здесь было пусто, а ныне такое великое паломничество? Дело, конечно, не в развитии автотранспорта. Последний фактор, конечно, немаловажный, и среди здешней публики есть немалая доля автофанатиков, которые примчались сюда, чтобы мчаться дальше, туда, куда ведут хорошие дороги, неважно, зачем («Вы были в Пушкинских местах?», «Отличная автострада в шесть рядов, гостиница, мотель, пансионат». «А Печорский монастырь?» «Дорога хорошая, но гостиницы нет, и палатку поставить негде». «Как хотите, но я предпочитаю юг...»)

Большинство же привлекли сюда чувства иные. Отечественная война, пережитая нами, заставила вспомнить о той, которую вынесли наши предки. Год от года растет число экскурсантов, год от года растет и крепнет, идет вширь и вглубь историческое сознание, интерес к прошлому и чувство сопричастности ему, судьбе народа как своей собственной. Здесь, на этом холме, у этой речки, решалась судьба России, и, может быть, мой или твой прапрадед упал на это поле, получив в грудь вражескую пулю. Вот почему я снова здесь. И ты пришел сюда, в эти святые для нас места. Вместе склоним головы перед геройством тех, чья кровь течет в наших жилах...

Времени для раздумий достаточно: в музей мы попадаем, простояв минут сорок в очереди. Внутри тесно. К витринам трудно подойти. Я рассматриваю развешанные по стенам портреты русских полководцев. Расскажу о них словами одной хорошей детской книги:

«Генералы двенадцатого года! Как они молоды, многим нет и тридцати. Двадцать два из них окропили кровью бородинскую землю, двое остались там навсегда, погребенные под кучами трупов, трое умерли от ран».

Я вижу Багратиона, «с лицом, озаренным вдохновением боя», перед гибелью он кричал «браво» французской атаке. Рядом Дохтуров, возникающий в самых опасных местах боя. «Самолюбивый и властный Ермолов, которого опасался сам царь. Красивый и нервный Коновницын, летавший по полю в расстегнутом сюртуке. Цепкий Неверовский, чудом державшийся с дивизией против тройной силы французов. Любимец Петербурга Кутайсов, писавший стихи и трактаты об артиллерии. Гигант Костенецкий, дравшийся как простой солдат и сломавший два банника о французские головы...»

(Я назвал книгу К. Сергиенко «Бородинское пробуждение» хорошей потому, что она написана с любовью к предмету, пониманием детской психологии, тактом и вкусом. Есть в ней занимательный сюжет, элементы таинственности, строгая документальность и главное — перекличка эпох.)

Выходим из музея и направляемся к кургану, где стояли русские пушки. Окопы тщательно отреставрированы и, как это делали в те времена, оплетены лозой. Рядом дот сорок первого года с ведущими к нему ходами сообщения. Могила Багратиона, а неподалеку — танк Т-34.

Мое внимание привлекает небольшой, неправильной формы обелиск под традиционным бородинским орлом (в отличие от парящего французского орла наш только расправляет крылья). На камне надпись: «55 пехотный Волынский полк своим предкам». Солдаты — солдатам! Почти все памятники, разбросанные на девятикилометровом пространстве, где шел бой, установлены в день его столетия на народные пожертвования. И, взирая на них сегодня, мы чтим не только тех, кто бился с врагом, но и тех, кто сохранил об этом память.

На месте, где погиб генерал Тучков, вдова построила монастырь (она же стала его первой настоятельницей). Во дворе монастыря памятник воинам Ревельского полка, шефом которого был Тучков. Крест и надпись на нем в память погибшим за Русь. Снова повод для размышлений: «Ведь той Руси давно нет. Нужна ли нам ее слава, имеем ли мы право претендовать на нее?»

В жизни народа всегда что-то меняется. Каждое новое поколение живет в иных условиях, чем предыдущее, думает и выглядит иначе. Но что-то существенное остается неизменным, несмотря на все перемены и катаклизмы,— прочный стержень, на который нанизывается национальная традиция. Мы по праву наследуем лучшее из того, что принадлежало нашим предкам.

Чем глубже в землю простираются корни, тем долговечнее древо. Чем дальше в прошлое уходит традиция, тем прочнее она скрепляет народное целое.

Здесь был командный пункт Кутузова.

Спасо-Бородинский монастырь — памятник русским воинам.

В память о боях Великой Отечественной на Бородинское поле навечно встал танк Т-34.

Фото А. Козьмина

ЛЕ БОРОДИНСКОМ

СУДЬБА ЮН

Олег **ПОПОВ**

«МБ-9»

Море беззаботно играло галькой, словно дразнясь, озорно подмигивало солнечными зайчиками. Мальчишка не стерпел и, схватив увесистый, отглаженный волнами камень, со злостью саданул им в живое, пляшущее зеркальце. Досада и тоска, жгучая обида, что никому до него нет дела, захлестнули мальчишку. Он брел по берегу, изнемогая от отчаяния, ничего не видя вокруг, пока не наткнулся на маленький самодельный причал. Ожесточенно протерев рукавом глаза, осмотрелся.

На причале возле обшарпанного мотобота возились четверо матросов. Посудина выглядела жалко. По бортам и палубе строчками и вразброс зияли рваные дыры, обугленные проломы. Хмурые моряки молча латали их. Коренастый, крепкий, сурового вида главстаршина выводил на носу мотобота белилами надпись: «МБ-9». Наблюдая за работой, мальчуган быстро ухватил ее суть и стал помогать морякам: одному подтаскивал ящичек с гвоздями, другому вовремя подсовывал ножовку. Они брали молча, пыхтя здоровенными самокрутками.

— Ну-ка, малец, принеси вон ту парусину,— подал, наконец, голос старшина.

Ваня кинулся за ней, словно выстреленный из рогатки...

После работы старшина, сунув ему в руки ломоть хлеба с салом и кусок сахара, сказал:

— Спасибо тебе, хлопчик, за помощь. Теперь шпарь домой. Мать, небось, места себе не находит.

Худенькая мордашка мальчишки вдруг жалобно сморщилась, часто-часто заморгали глаза.

— Э-э, чижик, ты что? — растерянно пытался успокоить его старшина.

Захлебываясь, мальчишка рассказывал, как убежал из дома на фронт мстить за отца. У матери и так четверо малых на шее осталось, и ему дома сидеть нечего, фашистов бить надо. Сначала везло. В Москве дядя Коля, моряк, взял его с собой в эшелон и привез сюда, в Геленджик. Только вчера тех моряков послали в какой-то десант, и дядя Коля оставил его у своей знакомой, тети Даши. Она ничего тетка, добрая. Но он все равно от нее убежит.

— Откуда ж сиганул ты, Ванюшка?

— Устюжна наш город, возле Вологды.

— Фи-и-у,— присвистнул старшина.— Сто чертей в печенку твоему дяде Коле! Тоже сморозил, лопух! Из Москвы-то тебя проще было назад в Устюжну твою завернуть. А что теперь с тобой делать?

Они сидели на берегу рядом — большой, сильный, совершенно расстроенный старшина, и щупленький тринадцатилетний мальчонка, нахохлившийся, как воробей.

— Ладно, возьму грех на душу,— тяжело вздохнул старшина.— Братишку у нас одного вчера... Место осво...— Он кашлял, не в силах договорить страшные слова. Потом, после долгой паузы, спросил: — Ты хоть плавать-то умеешь?

— Умею, Мологу нашу запросто переплываю. Хоть сейчас могу показать,— вскинулся мальчишка, срывая с себя драный кожух.

— Цыц! Сидеть. Сдурел, что ли? Март ведь, вода ледяная. Верю и так. Вот что, Ванюшка. Ты сейчас ложись-ка в кубрике на мою койку и поспи. А я к начальству смотаюсь в дивизион, заодно о тебе поговорю. Да, зовут меня Иваном Ефимовичем. Фамилия—Доценко. А твоя как звучит?

— Соловьев Ваня.

— Хорошо звучит фамилия. Ну, юнга Ваня Соловьев, ныряй в койку и смотри хорошие сны.

Старшина вернулся к причалу на старепьком ЗИСе, набитом какими-то ящиками. Матросы тут же начали погрузку, а Доценко вместе с матросом Савчуковым спустился в кубрик. Тут Доценко развязал большой парусиновый узел и сказал Ване:

— Ну-ка скидавай свое рванье и надевай вот это.

У мальчишки зарябило в глазах. В узле было все — от тельняшки до бушлата. Настоящее, матросское! Правда, великовата оказалась форма, и Доценко с досадой сказал:

— Да, брат, задача... Слушай, Савчуков, ушить бы надо. Сможешь?

— Сделаем, старшина, как в ателье на адмирала подгоним.

— Ну и добре. Вообще, Костя, поручаю хлопца. Выучи сигнальному делу и всему, что положено. Подправить надо мальца харчем.

— Задача ясна, товарищ командир.

Весть о юнге быстро облетела маленький экипаж. Моряки одобряли старшину.

В ту же ночь «девятка» в составе небольшого каравана ушла к Малой земле. На траверзе Цемесской бухты небо и горы взорвались грохотом канонады, жутким фейерверком огня, море закипело фонтанами. Но вот чудеса — Ване не было страшно: ощущение необыкновенного счастья, заполнившее все его существо, рождало бесстрашие. Ваня быстро освоил сигнальную премудрость и небольшой кавалерийский карабин, невесть где добытый для него Доценко. Дел у него было полно: драил палубу, помогал разбирать и смазывать пулемет, чистить свечи двигателя, прокачивать помпы. И сердца истосковавшихся по дому мужчин наполнялись любовью к шустрому и храброму мальчишке. Они даже немножко ревновали его друг к другу. И когда Ваня спал, совали в карман его бушлата кусок сахара, или случайную конфету, или какую-нибудь самодельную безделушку.

Однажды под вечер Доценко позвал мальчишку и огорошил:

— Юнга Соловьев, до утра отправляетесь на гауптвахту. Оружие оставить на борту. Комендант извещен.

Говорил старшина это как-то не очень сердито и почему-то не отрывая взгляда от вахтенного журнала. Но Ваня того не заметил, обида захлестнула.

— За что, товарищ командир?

— За то,— гудел Ефимыч,— во вторник без спросу с Витькой Чаленко ушел? Ушел. Пальбу во фронтовом городе устроили? Безобразие!

— Как же без спросу?! Савчуков меня отпустил. И не в городе стреляли, а в лесу, на стрельбище. Вместе с комендантским взводом и ихним лейтенантом. Он еще хвалил нас за меткость! Вы же сами говорили — тренировка нужна,— отчаянно оправдывался Ваня.

— Отставить болтовню, выполняй приказ! Марш на губу немедленно! — вдруг грозно обрушился Доценко.

За ужином в кубрике стояла гнетущая тишина. Доценко не выдержал:

— Ну, чего надулись? Соображать надо. С резервом на Малую землю идем. В головной группе! Сами знаете, как встретит фашист и сколько шансов вернуться. Не мог я рисковать Ванюшкой, вот и послал...

Все считали, что командир поступил правильно и ловко. Только Савчуков имел свое отдельное твердое мнение:

— Чего подхалимаж разводите! Плохо получилось. Обидел ты, Ефимыч, мальчонку ни за что. Другое надо было придумать. А еще голова, Су-во-о-ров! — с издевкой припомнил он кличку старшины.

Моряки насупились, сообразив, что Савчуков прав. Доценко бросил ложку.

— Может, сплоховал, грубовато вышло,— признался он.— Вы уж простите, братцы. Не со зла. Ванюшка мне что сын родной.

НА МАЛОЙ ЗЕМЛЕ

В середине апреля 1943-го «МБ-9» в составе отряда, под охраной морских охотников, снова (в который уж раз!) вышел ночью из Геленджика курсом на Малую землю. Хлестал холодный ветер с дождем. Мотобот безбожно швыряло. У Цемесского рейда слева разгорелся морской бой катеров, справа по курсу гремела артиллерия своих и чужих. Столб огня впереди высветил неуклюже вскинувшийся сейнер и взметнувшиеся над ним фигурки людей. «Видать, напоролся на мину»,— с тоской сказал кто-то из десантников. Но, покрывая тревожный ропот бойцов, уже ревел трубный голос Доценко:

— Самый полный впере-е-ед!

У погружающегося сейнера плавали люди, что-то кричали, видимо, стараясь привлечь к себе внимание. «МБ-7» и «девятка» подошли к ним почти вместе. Десантники бросали им концы, ремни и тащили на борт.

Мотоботы шли вперед, к Малой земле. Шли через бушевавшие вокруг смерчи. Светало, когда днища зашуршали о гальку. Люди высыпали на берег. Доценко, признав в одном из офицеров знакомого, показал юнге на него и пояснил:

— Смотри, Ванюшка, вон наш комиссар, начполит армии Брежнев. Тоже с нами. Когда подбирали мы людей с сейнера, я в темноте да суете как-то и не признал его.

— Мой папа тоже был комиссар,— гордо сказал Ваня.— В гражданскую войну. Комиссаром бригады. А когда нынешняя началась, он директором детдома работал. Сразу со старшими ребятами и ушел на фронт.

— А когда ж его?..

— В прошлом, в сорок втором.

— Слышь, Ванюшка, а что если я теперь твоим батькой буду? Ты как, не против? — почти шепотом спросил старшина.

— Ясное дело, не против.

ПРОЩАЙ, БАТЬКО ЕФИМЫЧ...

Однажды, когда под бомбежкой «МБ-9» разгружался на Малой земле, «двухсотка» угодила рядом с мотоботом. Вместе с потухшим взрывом надолго погас для Вани Соловьева и окружающий, стонущий мир,— тяжелая контузия. Он не чувствовал, как, прижимая его к груди, нес парнишку могучий Доценко.

Только в госпитале, в Сочи, вернулось к Ване сознание. Но еще долго он плохо слышал и совсем не мог говорить. Потом, когда пошло на поправку, Ваня понял, что главврач хочет отправить его в детдом. Пришлось бежать ночью через окно, в чужой, не по росту, армейской форме. Свою матросскую было жалко до слез. Особенно раздражали обмотки. Но что делать? Главное — надо найти Доценко. И в этих поисках, прибиваясь к разным частям, мальчишка прошел по земле и по воде не одну тысячу километров. Участвовал в Керченской переправе, десанте на Эльтиген, был в Киеве, где по случаю даже сфотографировался на память с Людвиком Свободой, был в Севастополе, получил ранение в бою — снова попал в госпиталь, теперь в Сухуми. Оттуда забрал его к себе на морской охотник № 375 лейтенант Аркадий Ткачев. Высокий, в неизменном пенсне, ленинградец Ткачев звал его Мальчишем-Кибальчишем, не чаял в юнге души и мечтал усыновить. Но, услышав от знакомого матроса, что Доценко видели в Одессе, Ваня задал с охотника стрекача и на попутном транспорте ушел туда искать батьку Ефимыча.

В порту подсказали, что десантники 369-го батальона морской пехоты базируются за городом на даче Ковалевского. Топать туда лучше по трамвайной линии. И Ваня пошел. И вдруг — бывают же

ГИ

такие счастливые случаи — увидел, что навстречу ему по шпалам знакомой увалистой походкой шагает кряжистый морской офицер. У юнги во рту пересохло.

— Ванюш-ка-а-а!—родным трубным басом загремело в степи. И два человека — большой и маленький, грохоча сапогами о шпалы, кинулись друг к другу. Сильные руки взметнули мальчика вверх и прижали к груди.

— Я тебя так искал, так искал, Ванюшка! Сынок ты мой дорогой! — наконец выговорил Доценко.

— И я, батько Ефимыч! И я везде искал тебя, везде...

В батальоне Ваню приняли, как самого родного и давным-давно своего. Шустрая, подстриженная под мальчишку санитарка Катя Михайлова решительно сказала ему:

— Все, Ваня, в отсутствие Доценко будешь подчиняться мне. Считай меня своей старшей сестрой. И без всяких фокусов. Не хочу, чтобы Ефимыч снова маялся. Он же весь почернел без тебя. Откуда мы-то все тебя знаем? Дня не было, чтоб не вспоминал Доценко своего Ванюшку. Всех просил узнавать про тебя, без конца слал запросы в штабы и госпитали.

Батальон готовился к десанту на Аккерман (ныне Белгород-Днестровский). Доценко взял с Вани слово, что от берега он не отойдет ни на шаг. Бой и тут, у обрыва, разгорелся яростный, а удаляясь к городу, раскалялся все больше. К месту высадки без конца несли раненых. Прибежал матрос и, не заметив юнгу, стал рассказывать:

— Три раза ложились наши в полынь, и каждый раз поднимал их Доценко. Поднял и в четвертый, пошли ребята... И тут... Тут снаряд рванул рядом. Живот Ефимычу распороло. Он еще метров десять вперед шел...

У Вани небо и земля завертелись перед глазами. Подняла его Катя, привела в сознание нашатырем. Белое, без кровинки, лицо мальчишки окаменело. Губы шевелились, но звука не было. Страшное потрясение отозвалось рецидивом контузии — он снова потерял речь. Через несколько дней она восстановилась, но говорил Ваня теперь мало. Только однажды услышали от него целую тираду. Катя трясла его за плечи и уговаривала:

— Вань, Ванечка, очнись. Ну что делать — война ведь. Жить надо.

— Не говори со мной, как с мальчишкой. Не надо. Сам знаю все. Хватит, надоело. Я взрослый! И пусть поймут это все в батальоне.

Катя Михайлова это поняла первой. Война состарила четырнадцатилетнего мальчишку на десяток лет.

ЗА ХРАБРОСТЬ

Дунайская флотилия с боями поднималась вверх по широкой, могучей, но вовсе не голубой реке, как величают ее народы Европы. Ваня Соловьев участвовал в освобождении многих городов, сражался и за Белград. В уличных боях за столицу Югославии моряки штурмовали мосты. Разыскивая своих на пути к мосту, связной Соловьев заблудился в незнакомом городе. Выскочив в какой-то переулок, увидел фашистский танк и четырех гитлеровцев на броне. Они готовились ударить из пулемета по противоположному перекрестку. Юнга вскинул трофейный «шмайсер» и резанул по ним. Трое опрокинулись, а четвертый проворно скатился за танк и ответил очередью. Юнге обожгло ногу, но все же он достал того, что лежал за танком. В это время на перекрестке показался отряд Народно-освободительной армии Югославии. Двое бойцов подбежали к советскому солдату. Из всего, что они говорили, Ваня хорошо понял слово «братка» и то, что спрашивают имя, фамилию, номер части. Сказал. Офицер записал все в блокнот. Ваня тогда не придал этому никакого значения. И только много лет спустя, получая в Москве из рук посла югославскую награду «За храбрость», вспомнил и схватку ту и восторженного офицера, пораженного мужеством и решительностью юного бойца. А тогда они отнесли его в какую-то санчасть. Он выбрался из нее через неделю, еще прихрамывая, и нашел на причале Дуная свой бронекатер.

Снова бои. Стремительный десант на шоссе, чтобы перерезать эсэсовским резервам пути к осажденной нашими войсками крепости Илок. Здесь вместе с пулеметчиком Мурадовым Иван крепко держал свой участок шоссе. Но эсэсовцы подтянули сюда минометы, и близкий разрыв снова контузил Ваню. Очнулся в бараке концлагеря от удара сапогом. «Матрозен швайн, вег, вег!» — кричал фашист. Оказывается, пленных перегоняли в Грац. И тут и в Граце его били с изощренной жестокостью. Потом эшелон погнали в Ферлах. По пути на остановках охрана забавлялась—стреляла прямо по набитым людьми вагонам. Мертвых не убирали. Они стояли в обнимку с живыми. Некуда было упасть...

Юнга Ваня Соловьев.

Встреча через десятилетия: Е. И. Демина (Михайлова) и И. И. Соловьев

Ночью опять стрельба. Это югославские партизаны уничтожали охрану. И вот уже открыты вагоны, и Ваня жадно глотает прохладный воздух гор.

Вместе со словенцем Валентино Ораша он попал в рейдовую бригаду имени Тони Томчича четвертой оперативной зоны команданте подполковника Скала. Командир четы (роты) подпоручик Миха Гольдник сразу приметил серьезного русского паренька. И не ошибся. Соловьев был незаменим и в разведке, и в мгновенном диверсионном рейде, и в открытом бою, удивляя всех самообладанием, отвагой, меткостью.

О том, что кончилась война, Ваня узнал только 12 мая 1945 года. Радист в тот день, наконец, починил приемник, и долгожданная выстраданная весть ворвалась в землянку.

ЕДУ К ТЕБЕ, ВАНЕЧКА!

Только в 1947-м юноше-курсанту Ивану Соловьеву довелось обнять мать. Побыл немного дома — и снова в училище. Военно-морскую службу закончил капитан-лейтенантом в 60-м году.

Еще во время службы Соловьев защитил диплом на юридическом факультете Ленинградского университета. Он работал следователем в Ленинграде, а потом переехал в Анадырь.

...Как-то поздним вечером в квартире Соловьевых раздался телефонный звонок. Чей-то очень знакомый голос доносился из Магадана:

— Ваня! Ванечка, не узнаешь? Катя говорит, Михайлова. Вспомнил?! Я здесь в командировке по линии Комитета ветеранов войны. Что ж ты запропал? Весточки не подашь. Сколько до тебя добираться?

— Катюша, милая! Надо же! — кричал он.— Знаешь, у меня сейчас сердце из груди выпрыгнет! Очень хочу видеть тебя. Но до меня две тысячи километров от Магадана...

— Пустяки,— неслось из трубки.— Еду к тебе, Ванечка!

...Чукотский окружком партии продолжил их личную встречу во Дворце культуры Анадыря. Познакомиться с легендарной женщиной, о которой по сценарию писателя Сергея Смирнова был снят фильм «Катюша», хотел каждый житель города. Катюша рассказывала не столько о себе, сколько о товарищах, о нем, сидевшем рядом — Иване Ивановиче Соловьеве. Об удивительной судьбе мальчишки, отважного юнги.

В Анадыре многие люди хорошо знают друг друга. А Соловьева — особенно. Он работал здесь следователем, теперь — старший юрист сельскохозяйственного управления окрисполкома. Принципиальный, умный, добрый человек, превосходный лектор-международник. На Чукотке знают, что Иван Иванович храбро воевал, среди многих его наград заприметили и югославскую. Да, они многое знали о Соловьеве. Но то, что рассказала им Катюша, потрясло их.

Катя и Иван вспоминали бои, товарищей, горькие и счастливые мгновения войны, подробности, детали. И диктор, ведущая встречи, часто теряла голос, не могла говорить — к горлу подступал комок... Режиссер вместо сорока плановых минут дал Чукотке всю встречу полностью. Два часа! И все эти два часа люди в зале, дома у экранов ловили каждое слово фронтовых товарищей.

Им, Кате и Ване, не хватило того вечера. И поздно ночью, когда Нина, жена Ивана, заснула, они перебрались на кухню.

— У меня все очень хорошо, Ваня. Я счастлива — и семьей, и работой. И бесконечно рада, что у тебя тоже все хорошо. Ниночка — красавица, умница, и вижу, любит тебя больше всего на свете. А люди какие вокруг!

— Замечательные люди, Катенька! Мне кажется, что здесь много таких, как Доценко, Савчуков, Ткачев, Гольдник. А ведь с такими везде, и тем более здесь, на Чукотке, жить веселее, радостнее. Даже время не так заметно на плечи ложится.

— Верно, Ванечка, годы шагают, а мы с тобой не гнемся, иной раз как дети радуемся. Счастливы без меры. И пусть всегда будет так.

Анадырь — Москва.

РАБОЧИ

Десятилетняя крестьянская девчушка, уроженка Смоленщины Мариша Васильева в июньские дни 1941 года увидела воздушный бой советского «ястребка» с четырьмя фашистскими «мессершмиттами» над родным селом Леоненки и поклялась тогда стать летчицей... Детство и юность немыслимы без романтической мечты, но не всем окрыленным мечтой удается достичь заветной цели. Ей удалось...

Детские и юные годы Марины Васильевой были тяжелыми, безрадостными, голодными — годами войны. Мать ее эвакуировалась с тремя своими — старшей Маришей, Валей и грудным Колей — и двумя малыми детьми сестры.

Три месяца тащился эшелон теплушек до Новосибирской области, здесь семья Васильевых остановилась на жительство в городке Ош. Там они жили до весны 1942-го, а затем переехали в деревню. В колхозе работала не только мать, но и Марина. Она пасла телят, овец, убирала лен. А зимой, в сибирский сорокаградусный мороз, плохо одетая, ходила учиться в школу за пять километров в соседнее село. Однажды в пургу заблудилась и чуть было не замерзла, заметенная снегом.

В холщовой сумке школьницы Мариши, как талисман, портрет любимой героини Марины Расковой, вырезанный из журнала «Огонек».

В послевоенные годы Марина училась в авиационном техникуме и одновременно была курсанткой летного отделения Новосибирского аэроклуба. Его она окончила с отличием. Затем учеба в объединенной Центральной летно-технической школе в городе Саранске. Оттуда М. Васильеву выпускают летчиком-инструктором.

В 60-е годы она работает летчиком-инструктором в Центральном аэроклубе имени В. П. Чкалова, участвует в воздушных парадах, за что награждается орденом «Знак Почета». Позже уходит служить в ВВС, а с середины 60-х она летчик-испытатель.

Ныне Марина Лаврентьевна Попович единственная в мире женщина — летчица-испытатель самолетов и новой авиационной техники.

За десять с половиной лет летно-испытательной работы она провела испытания более двадцати типов самолетов.

За эти годы М. Попович установлено 13 мировых рекордов. Она награждена несколькими золотыми медалями и дипломами ФАИ. Заслуженный мастер авиационного спорта.

Вот уже более четверти века, как Марина Лаврентьевна летает или, точнее говоря, работает в небе... Летчик-испытатель 1-го класса, кандидат технических наук, член партии... Но еще в юности Марина взялась за перо и всю жизнь неразлучна с поэзией, пишет очерки, воспоминания.

Первые ее стихи для себя были написаны о деревне, сенокосе, уборочной страде и, конечно, о любви... Одно, о льне голубоглазом, в послевоенные годы напечатано в районной газете «Путь Ильича».

По мере того, как М. Попович овладевала летной профессией и входила в большую авиацию, она отдавала предпочтение чувствам, пробужденным за штурвалом самолета, в полетах. Однако и лирическая и интимная настроенность остается жить в ее поэзии.

В 1972 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла ее книжка очерков «Жизнь — вечный взлет».

В 1973-м Военное издательство выпустило книжку очерков и стихов Марины Попович «Крылья крепнут в полете».

Предлагаем вниманию читателей новые стихи Марины Попович.

Геннадий ГОНЧАРЕНКО

Марина ПОПОВИЧ

МЕЧТА

Воздушная стихия —
Заоблачная высь,
Тебе дарю стихи я,
Что в сердце родились.
Они с мечтою рвутся,
Они в крови стучат,
Пусть песнею взовьются,
Нам некогда скучать.
Мне радостно в полете,
Корабль прекрасен наш,
Навряд вы подберете
Дружнее экипаж.
Могучие турбины
Размеренно поют...
Просторно в небе синем,
Тут летчики живут.
Штурвал в руках сжимаю,
О чем еще мечтать?
Мечта моя святая:
Летать, летать, летать...

ПЕРВЫЙ ВЗЛЕТ

Мы привыкаем ко всему,
И сложное
Уже не сложно,
Но твердо знаю,
Невозможно
Никак привыкнуть к одному:
К минутам
Высшей красоты,
К накалу чувств,
Страстей вершине,
Когда
В невиданной машине
На первый взлет
Уходишь ты.
Еще мгновение —
И высь
Тебе откроется,
Как чудо...
Да, нелегко,
Да, очень трудно
Машины начинают жизнь.

НИКОГДА НЕ КОНЧАТСЯ ПОЛЕТЫ

Б. Дементьеву,
летчику,
посвящаю.

Это счастье —
С небом породниться,
Посвятить ему
Большую жизнь,
Повелителем стальной
И грозной птицы
Уходить
В заоблачную высь.
Сохранила бережная память
Взятую в сраженьях
Высоту,
Годы жарких схваток,
Испытаний —
На одном,
На боевом посту.
Никогда

...И ДЛЯ ЛЮДЕЙ

«Гвардии лейтенант Георгий Суворов, командир взвода ПТР 50-го гвардейского отдельного истребительного противотанкового дивизиона 45-й гвардейской стрелковой дивизии, умер от ран 18 февраля 1944 года». Такими словами открывает комсомольское издательство «Молодая гвардия» небольшой сборник стихов Георгия Суворова. Он не увидел этой книги. А как мечтал о ней, когда в редкие свободные часы в холодном, голодном, мужественном блокадном Ленинграде встречался со своими друзьями, поэтами-фронтовиками. В часы, свободные от боя. А затем вновь уходил в предрассветную мглу, на передовую. Лейтенант Суворов был командиром взвода ПТР. Фронтовики знают, что это значит. Если было на той страшной войне самое трудное, самое опасное, то поэт Суворов нашел именно тот участок. Нашел, потому что искал, потому что был настоящим солдатом — бесстрашным и умелым.

Он участвовал в прорыве ленинградской блокады, гнал фашистов прочь от города, который он, коренной сибиряк, так искренне полюбил. Суворов дошел до берегов Нарвы, где и остановила его смерть. Ему было тогда двадцать шесть. А ныне исполнилось бы шестьдесят.

Я славлю вас, герои!
Обо мне ж
Никто не скажет
и никто не спросит.
Я с вами вместе
выйду на рубеж,
Чтоб увидать вас
в тихий час предгрозья.
Когда ж найдут меня
средь мертвых тел,
С улыбкой грустною
кивнут на ветер:
«Он весело страдал
и сладко пел...»
А может быть,
и вовсе не заметят.
Ну что ж!
Я буду счастлив даже тем,
Что сын героя
мой листок подымет,—
И прозвучит ему героя имя
Во всей
неповторимой простоте.

Стихи Суворова взволновали меня. Искренностью, простотой, распахнутостью навстречу добру, истинной лиричностью. Но были и еще причины, заставившие меня глубже проникнуть в жизнь и творчество Суворова, проехать по местам, где он родился и вырос, где сделал первые шаги в литературу. Я тоже воевал под Ленинградом, и Суворов был моим земляком, уроженцем Красноярского края.

Мне удалось узнать подробности героической его жизни, узнать, что над братской могилой, где он похоронен, воздвигнут обелиск, на котором отлиты слова поэта-воина, в местном музее хранится его полевая сумка с рукописями стихов и письмами, а в Красноярском педагогическом институте организован кафедрой литературы небольшой музей Георгия Суворова.

В этом студенческом музее мне удалось встретиться и с гвардии лейтенантом Суворовым — «сибиряком на Неве» и со студентом Георгием, оставившим учебу и ушедшим в 1941 году на фронт.

Красноярский педагогический институт Суворову помешала завершить война, но перед этим он окончил Абаканское педагогическое училище.

В Абакан можно проехать по железной дороге через Тайшет, можно долететь на самолете и добраться водным путем — по Красноярскому искусственному морю.

Когда Георгий Суворов учился и учительствовал, не было ни Дивногорска, ни Саяногорска, да и сам Абакан с деревянными домиками и пыльными улицами скорее был похож на поселок, а не на город.

Но как бы ни отстроился город Абакан, педагогическое училище осталось на том же месте, только его окна теперь смотрят не на пустырь, а на зеленый пышный сквер центральной площади. К сожалению, нет уже в живых преподавателя литературы П. П. Косованова, ушел на пенсию директор П. П. Изместьев, однако память о студенте Суворове в стенах училища продолжает жить. Ведь коллектив этого первого в Хакассии специального учебного заведения выпестовал не только прекрасного учителя и воина-патриота, но и талантливого поэта, привив Георгию вкус к русской литературе, поддер-

Е НЕБА

Не кончатся высоты,
Если жить
И высотой дышать,
Никогда
Не кончатся полеты
Если есть
Крылатая душа.

НЕБО РОДИНЫ

Нам, летчикам, особенно
Знакомо небо РОДИНЫ:
Большое небо над родной
страной —

Просторное и чистое,
На зорьке золотистое,
Зовущее своей голубизной.
Турбины гул размеренный...
Спокойно и уверенно
Машина набирает высоту,
А небо надвигается,
А небо не кончается,
А небо дарит людям красоту.
Оно бывает звездное,
Оно бывает грозное,
И вспыхивают молнии вдали,
А мы летим над тучами,
Над облачными кручами
Ведем свои стальные корабли.

Зовемся мы пилотами,
Здесь, в небе, мы работаем.
А если враг пойдет на нас войной,
Взлетим мы грозной силою
За нашу землю милую,
Чтоб чистым было небо над
страной.

БАЛЛАДА О ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ

Они лишь вечер
Были вместе.
Расстались в полночь
У крыльца.
И, как слова
В хорошей песне,
Соединились их сердца.
Казалось счастье
Бесконечным,
Пришла любовь,
Как день, светла.
Но эта
Первая их встреча
Последней встречею была.
Погиб на фронте...
В это горе
Она
Поверить не могла.
Надеялась,
Вернется вскоре,
И десять лет
Его ждала.
Глядит улыбчиво
С портрета
Веселый летчик
Молодой,
А в глубине душевной
Где-то,
В ее душе
Он все живой.
Хоть вышла замуж за другого,
А все-то думала
О нем.
Родились дети —
Что ж такого,—
С детьми и счастье
Входит в дом.
Идут года,
Но все не просто...
Растут, как водится,
Сыны.
В них
Поразительное сходство
С тем,
Не вернувшимся с войны...
И то не объяснит наука —
Об этом знает только мать.
Она-то знает, что за мука
Убитого живым считать...

жав его первые поэтические опыты.

Скромный музей Суворова в училище украшен такими экспонатами, которые помогают педагогам воспитывать патриотические чувства будущих учителей. Досадно, правда, что в Абакане нет улицы имени Георгия Суворова, а на здании училища не вывешена мемориальная доска.

Из Абакана я направился в село Краснотуранское, где шестьдесят лет назад родился в крестьянской семье Георгий Суворов, где он учился в начальной школе. Собственно, того села, которое было основано еще при Петре I, уже не существует. Нет и дома, в котором родился поэт, нет и школы, в которой он учился: то место между горами Унюк и Туран очутилось на дне Красноярского моря. Но я увидел на возвышенности, разрезающей надвое широкое водное пространство, современный поселок, почти город, застроенный каменными и деревянными домами, его окружают березовые рощи, а дальше к сопкам тянется большой бор.

Поэт-воин прошел стремительный путь от ученичества до зрелости (большинство стихов, написанных в начале сорок четвертого, лишь недавно найдены Л. Решетниковым), истоки его творчества находятся здесь, на берегах Енисея, в степях Хакасии, в Саянских горах. Из-за школьной парты Георгий шагнул прямо в большую жизнь поэзии и войны.

Теперь новое, красивое здание средней школы стоит на самом высоком месте Краснотуранского, с ее крыльца хорошо видны разлившийся Енисей и дальние горы за ним. Рядом со школой с одной стороны начинается роща, с другой — выстроились в ряд уютные коттеджи для учителей.

Директор Елена Николаевна Ботвич ведет меня по широким лестницам и коридорам, пахнущим свежей краской, раскрывает двери светлых классных комнат, кабинеты с современным оборудованием. Елена Николаевна не только директор, но и преподаватель литературы в старших классах, поэтому она особенно заботится о том, чтобы увековечить память о питомце краснотуранской школы. Она показывает мне помещение, где готовится экспозиция школьного музея Георгия Суворова, собираются фотографии и книги о поэте. Интересная работа предстоит пионерам-следопытам...

Уверен, что доброму почину школы готовы оказать помощь музеи Красноярского педагогического института, Абаканского педагогического училища, а также кафедры Московского областного педагогического института имени Крупской.

Жива память о поэте, сказавшем просто и проникновенно: «Свой добрый век мы прожили, как люди и для людей».

Мих. МИНОКИН,
доктор филологических наук.

Вороновская художественная галерея. Р. А. Луговской ведет экскурсию.

Фото Л. Иванова

«ТРЕТЬЯКОВКА» В ВОРОНОВЕ

Каким быть селу? Сегодня большинство из нас поняло наконец, что там, на земле, наши корни, именно там закладываются основы народного благоденствия. Жизнь крестьянская все больше становится заботой общей, каждый на свой манер старается внести здесь свою лепту и сам прикоснуться к живительным истокам.

Сделать современную деревню производительнее, богаче и духовнее — задача многогранная. И один из решающих участков работы — подъем культуры на селе: культуры труда, культуры отношений, культуры прекрасного. Уже немало есть на громадной карте нашей страны сельских уголков, где экономика, быт и культура развиваются комплексно, гармонически. Таково и подмосковное Вороново.

Здешний экспериментальный мясо-молочный совхоз — передовое сельскохозяйственное предприятие, радующее экономическими достижениями, значительным ростом общественного и личного благосостояния его работников. Вороновцы гордятся и историческим прошлым родных мест. В конце XVIII века руками их прапрадедов тут были возведены достойный восхищения дворец по проекту архитектора Н. Львова, характерный для той эпохи «Голландский домик», примечательная церковь Нерукотворного Спаса, разбит чудесный парк. Вместе с этим наследием минувших времен законным предметом гордости вороновцев уже скоро как четыре года стала совхозная художественная галерея.

Свыше трех тысяч произведений советского изобразительного искусства имеется в ее фондах, и собраны они одним человеком — Романом Анатольевичем Луговским. Двадцать с лишним лет проработал Луговской директором подмосковных домов отдыха, в том числе и одного из Домов творчества художников. Тогда-то и возникла его дружба с мастерами кисти и резца, родилась страсть к собирательству, в котором ему активно помогали сами художники работами своих товарищей по искусству и собственными. Ныне мы знаем главный итог этой подвижнической деятельности: став обладателем уникальной коллекции, Роман Анатольевич сделал ее народным достоянием.

Это одна из ярких, находящих все новых приверженцев примет времени,—советские коллекционеры безвозмездно передают музеям свои богатства. Но Р. А. Луговской своей коллекцией положил начало новому очагу культуры не где-нибудь, а именно в деревне, у сельских тружеников. И здесь нельзя не воздать должное директору Вороновского совхоза Е. М. Гончарову.

В весьма изящно изданной книге «Вороново. Художественная галерея» среди почти шестидесяти очерков об известных мастерах советского изобразительного искусства, чьи произведения представлены в вороновской экспозиции, есть очерк и о Евгении Михайловиче Гончарове. Кавалер ордена Ленина и двух орденов «Знак Почета» за большие трудовые успехи, он не только талантливо пробует свои силы в скульптуре — он предан искусству. Потому-то его знакомство с Луговским и увенчалось столь блистательно: одно из совхозных зданий было переоборудовано и превращено в галерею. Народные художники СССР Кукрыниксы, заронившие в Луговском сокровенную идею собирательства, пишут теперь в предисловии к книге: «Только за два года существования галереи ее посетило около 40 тысяч человек — этому может позавидовать любой областной музей».

Заслуга А. Д. Березина, автора книги «Вороново. Художественная галерея», из которой почерпнуты все эти сведения, и в том, как любовно знакомит он нас с историей необычного музея, и в интересе, с каким читаются его лаконичные, но емкие очерки, раскрывающие ценность собрания Луговского. Среди других мы находим здесь славные имена А. Дейнеки и Е. Вучетича, Б. Иогансона и П. Кончаловского, Владимира Серова и Н. Томского, В. Фаворского и Н. Ромадина, А. Лактионова и Е. Кибрика... В коллекции представлены произведения мастеров национальных республик нашей страны: Т. Салахова, А. Жмуйдзинавичюса, Э. Эйнманна.

Черно-белые репродукции не позволяют сполна оценить живописные полотна, но оригинальное проникновение в образ мы находим в малоизвестном портрете народного артиста СССР Бориса Ливанова, исполненном В. Ефановым; задевает самые глубокие душевные струны пейзаж срединной российской округи в «Вечерней заре» А. Герасимова; проникаешься неколебимой стойкостью, предстающей в рисунке Н. Пономарева «Вьетнамская партизанка»; вновь и вновь хочется всматриваться в такое знакомое лицо Юрия Гагарина на полотне А. Плотнова «До свиданья, земляне!»...

Заметим, что А. И. Плотнов, являющийся председателем шефской комиссии Союза художников РСФСР и немало способствовавший расширению коллекции Луговского, теперь председатель художественного совета Вороновской галереи. На своей родине, в городе Данкове, Липецкой области, он еще десять лет назад тоже организовал художественный музей, привлек для этого фонды наших богатейших запасников...

Ширится движение «малых Третьяковок», сельских и городских, и книга А. Березина вносит свой вклад в пропаганду этого благородного и такого важного дела.

Д. ИВАНОВ

А. Березин. Вороново. Художественная галерея. М., «Советский художник», 1978, 352 стр.

КОСМОНАВТЫ ИЗ ДЕСЯТОГО «А»

Лев ШЕРСТЕННИКОВ
Фото автора

— Зону занял,— доложил 625-й.

— Продолжайте полет согласно заданию. — Николай Сергеевич Блюдов слегка отклонился в кресле летчика-инструктора. Все было в норме: высота, скорость, температура двигателей... В норме? Показания термометра правого двигателя начали резко возрастать. Стрелка ринулась за пределы допустимого.

— 625-й! Отказ правого двигателя...

Казалось, изменилась не только сила звука, но и тон. Горизонт дрогнул и заколебался, как вода в аквариуме, который тронули с места. Курсант попытался выровнять машину, «севшую» на единственный двигатель. Но вот и второй двигатель словно захлебнулся.

— 625-й, отказ левого двигателя. Предпримите попытку к запуску.

Есть у летчиков такая шутка: в авиации все делается быстро. И правда: голубая чаша земли, притягивая к себе машину, стала расти, приближаться.

— 625-й, принимайте решение...

Еще не во всех классах и аудиториях Оренбургского высшего военного авиационного Краснознаменного училища летчиков имени И. С. Полбина (ОВВАКУЛ) закончились занятия, а мимо дневального по одному и группами проходят, поднимаясь на второй этаж, ребята лет шестнадцати-семнадцати. Начинается построение, и четкий мальчишеский голос дежурного докладывает:

— Товарищ подполковник! Курсанты школы юных космонавтов имени Юрия Алексеевича Гагарина для проведения занятий построены.

Сколько уже мальчишек сменило друг друга в этом строю! За пятнадцать лет существования в ОВВАКУЛ этой необычной школы, созданной по инициативе Оренбургского обкома комсомола и политотдела училища в 1963 году, их прошли сотни. Не раз в этот строй вслед за старшими вставали младшие братья, а те, старшие, уже бороздили небо не только над родным Оренбургом, но и на Крайнем Севере и Востоке... Пожалуй, нигде так четко не прослеживается связь поколений, как в авиации. Я говорю не только о семейном наследовании профессии. Разговаривая с курсантами, я без труда обнаруживал, что их отцы либо братья или деды так или иначе были связаны с авиацией, а многие из них и со стенами этого училища. Но здесь связь глубже. Это та эстафета подвига, имя которой — история Оренбургского летного...

Свою историю Оренбургское училище ведет от сформированной в 1921 году Московской школы воздушного боя и бомбометания. Вначале школа размещалась на окраине тогдашней Москвы, возле Института инженеров Красного воздушного флота имени Н. Е. Жуковского. Надо ли говорить, каким парком машин могла обладать школа, созданная в те тяжелейшие годы. В конце 1922 года школа, переведенная к тому времени уже в Серпухов, получила дивизион тяжелых воздушных кораблей «Илья Муромец», из которых лишь один был пригоден для полетов. Много сил и старания нужно было прилагать командирам школы и курсантам, порою полуграмотным крестьянским парням, только что вернувшимся с гражданской войны, чтобы не только учиться и учить, но и буквально по крохам, по винтику собирать необходимую для этого технику... Именно в 1923—1924 годах в Серпуховской высшей школе воздушного боя осваивал курс один из самых замечательных советских летчиков — Валерий Павлович Чкалов. А его преподавателем был Михаил Михайлович Громов, впоследствии Герой Советского Союза, Золотая Звезда которого имеет восьмой порядковый номер.

Училище еще в предвоенные годы было переведено в Оренбург, и свыше 260 его питомцев удостоены звания Героя Советского Союза, двести двадцать из них за подвиги в период Великой Отечественной войны. Многие выпускники училища были удостоены этого звания дважды, двенадцать бывших курсантов повторили беспримерный подвиг Николая Гастелло.

Выпускник училища летчик-испытатель Григорий Бахчиванджи в предвоенные годы испытал десятки самолетов различных конструкций. За его плечами было 65 боевых вылетов, 26 воздушных боев, 10 сбитых самолетов, когда его отозвали с фронта для проведения новых испытаний. 15 мая 1942 года Бахчиванджи поднял в воздух первый реактивный самолет!

...Построение курсантов школы юных космонавтов закончилось, группы стали расходиться по классам. И я примкнул к тому отряду, который направлялся в музей боевой славы училища на встречу с бывшим выпускником, а ныне преподавателем училища, однокурсником Юрия Алексеевича Гагарина А. А. Быковым. В зале, украшенном большим портретом первого в мире космонавта, фотографиями с его автографами, космическим скафандром, рассказ сокурсника космонавта обретал особые краски.

— С Юрием Алексеевичем мы были в разных эскадрильях, но я хорошо запомнил его по встречам на спортивных площадках. Юрий был не только отличным баскетболистом, но и капитаном команды. У него была удивительная реакция, хорошая подвижность, точный глазомер. А это все необходимо для летной профессии. Летчик должен быть хорошим спортсменом, но не все виды спорта подходят для будущего пилота. Например, бокс. Он тоже развивает реакцию, но реакция боксера совсем не та, она слишком резка: ответное усилие спортсмена превышает необходимое, а в авиации это недопустимо. Тяжелая атлетика перегружает сосуды и сердце. А вот гимнастика очень полезна. У летчика, занимающегося гимнастикой, организм меньше склонен к иллюзиям в полете, голова приучается работать в любом положении тела, тренируется вестибулярный аппарат. Юрий Алексеевич любил гимнастику и был неплохим гимнастом. Все это сыграло свою роль в превращении его в первоклассного пилота.

Космонавт, летчик, курсант... Эта цепочка, прочитанная в обратном следовании времени, кажется невероятно короткой и до осязаемости реальной. Вот здесь, этими коридорами, он ходил. Возможно, на том же хитроумном устройстве — лопинге — крутил «солнышко», летал на самолете, который сейчас стоит на пьедестале у входа в здание... Все рядом, все просто... и в то же время совсем не просто и вовсе не легко. Сегодня мы уже привыкли к сочетанию слов «летчик-космонавт». Профессия как профессия. Наверное, похожа на сотни земных. Есть в ней и много такого, на что со временем перестаешь обращать внимание. Например, неукоснительные требования к здоровью космонавта. В одном из кабинетов училища есть нехитрая установка — барокамера. Заходят курсанты, и начинается «полет». Сначала барокамера медленно «набирает высоту» — в камере уменьшают давление, как при подъеме самолета. Затем начинается «спуск» с определенной скоростью, с углом наклона пикирующего самолета. Вынести такое «пике» может только здоровый и достаточно тренированный человек. Таких испытаний физических качеств, воли, сообразительности, быстроты мышления — длинный перечень. Широкий диапазон знаний, безукоризненное владение техникой, умение наперед просчитывать ситуацию, возможные варианты — это еще одна сторона требований, и, видимо, далеко не последняя.

В названии нашего репортажа есть доля преувеличения. Разумеется, этим мальчишкам из девятых и десятых классов оренбургских школ еще далеко до космических трасс, но первый шаг к ним они сделают здесь, в этих классах. Вот лишь несколько дисциплин, с которыми их знакомят в течение двух лет подготовки: теория полета летательных аппаратов, самолетовождение, авиационная техника, радиотелеграфная азбука, авиационная метеорология, авиационная космическая медицина... Здесь же они знакомятся и с общеармейскими дисциплинами — строевой и стрелковой подготовкой, уставами Советской Армии. В конце второго года обучения курсанты совершают три прыжка с парашютом. Я спросил у начальника штаба школы подполковника запаса Николая Ивановича Козубенко, который ведает планированием всего учебного процесса, какова реакция новичка на первый прыжок.

«А можно еще?» — обычные слова только что прошедшего парашютное крещение курсанта.

Козубенко и Ягафар Мингалеевич Катеев, также подполковник в отставке, заместитель начальника школы по политической части (кстати, тоже выпускник Оренбургского летного, закончивший его в 1932 году) рассказали не только об учебном процессе, но и о том воспитательном значении, которое оказывает ШЮК — школа юных космонавтов — на подростка. Собранность, серьезное отношение к учебе, к порученному делу, ответственность — эти качества делают выпускников ШЮК желанными абитуриентами и в родном училище и в других училищах, готовящих офицеров, и школах пилотов для гражданской авиации. Летом шюковцы выезжают в комсомольский лагерь труда, который находится при совхозе «Овощевод» недалеко от Оренбурга. В прошлое лето за смену курсанты заработали свыше трех тысяч рублей, часть из которых пошла на собственные харчи, а остальная легла в копилку оренбургского комсомола. Но помощь совхозу — это скорее не цель, а средство для того же воспитания, для вырабатывания чувства коллективизма, чувства товарищества. В одной из аудиторий училища я встретил курсанта уже не школы космонавтов, а Оренбургского летного. Саша (не будем называть его фамилию) прошлым выпуском окончил ШЮК. Не просто складывалась его судьба: разошедшиеся родители порвали не только друг с другом, но и оба отказались от сына. Саша переехал к тете, но настоящим домом стала для него ШЮК, семьей — товарищи. Сашу приняли в училище. Надо ли говорить о тех трудностях, которые могли ждать подростка, попади он в иные условия, потеряй хоть на время верную ориентацию...

В классах полным ходом шли занятия. Кажущаяся огромной под сводами учебной аудитории машина окружена курсантами. Часть обшивки машины заменена прозрачным оргстеклом, и теперь самолет немного напоминает человека в разрезе из школьного кабинета биологии. По такой машине нетрудно проследить устройства всех сложных систем современного самолета. В другом зале — установка, окруженная рядом сверкающих ламп. На гибкой резиновой ленте — белые квадратики взлетной полосы, домики, деревья, аэродромные сооружения. Лента начинает движение, и глаз телекамеры, установленной над ней, начинает медленно подни-

---

Неузнаваемо изменился и вырос Оренбург с тех пор, когда по его улицам ходил курсант летного училища Юрий Гагарин. * Самолет первого космонавта на пьедестале у входа в ОВВАКУЛ. * Тренировки, тренировки...

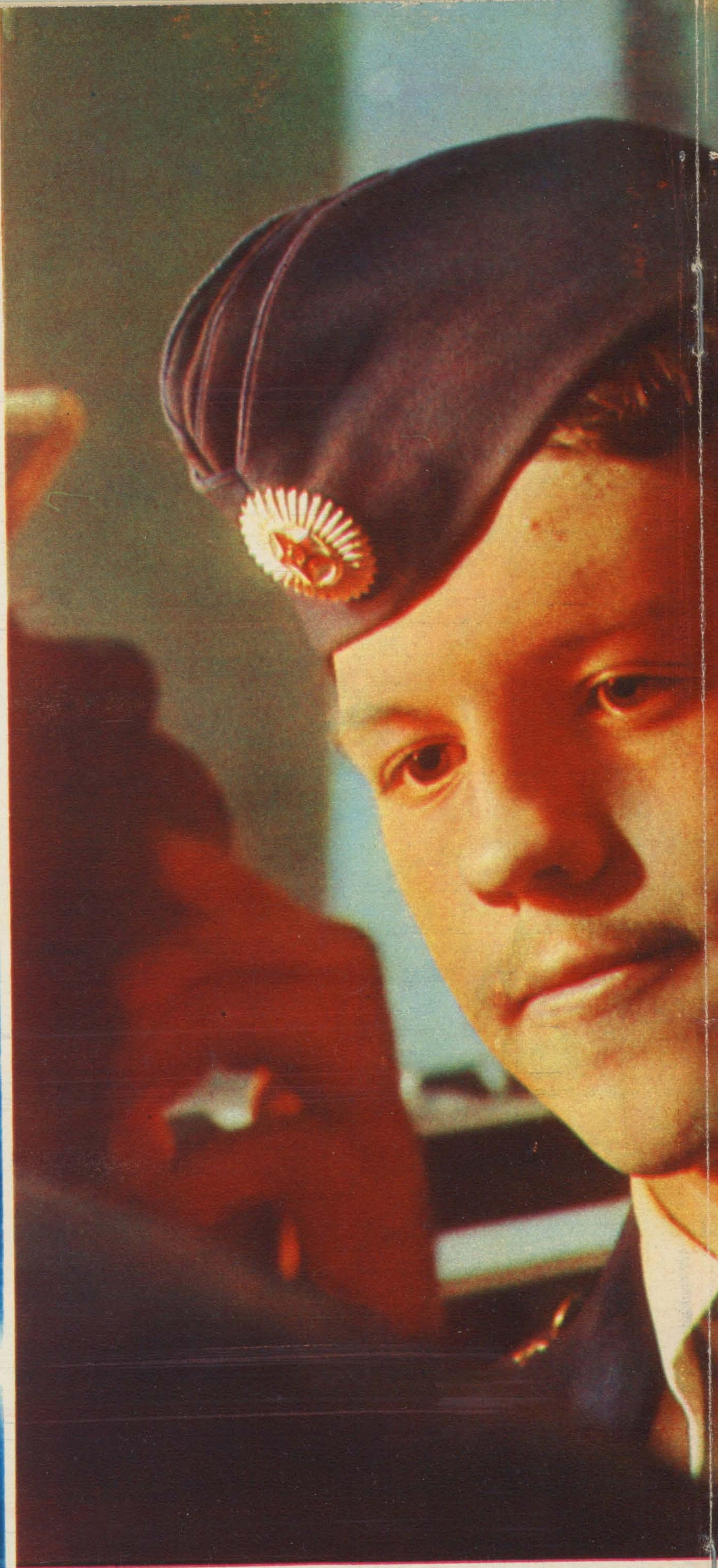
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

В отблесках Вечного огня — отблеск славы многих поколений героев-летчиков, выпускников прославленного училища. * Путь в небо начинается с классных занятий. Сегодня курсанты школы юных космонавтов Игорь Гольченко и Андрей Собко впервые сели за тренажер. * Их вчерашние товарищи по школе уже поднимают в воздух учебные машины.

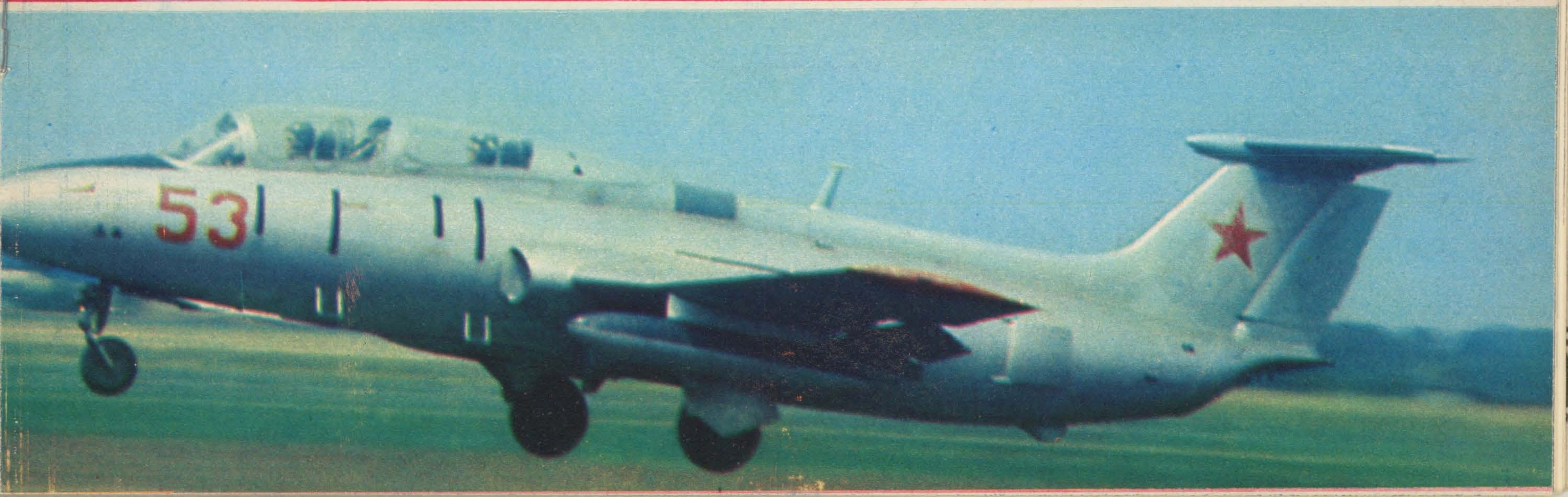

ГОРОД ОРЕНБУРГ

53

маться. С несколькими курсантами мы заглянули в соседний темный класс, куда на экран передавалось телевизионное изображение взлетной полосы. Перед экраном находилась кабина самолета со всеми приборами и плотно закрывающимся фонарем. За кабиной был помост, на котором дублировались те же приборы, что были и перед курсантом.

— 625-й — взлет!

Включилась звуковая установка, имитирующая звук двигателей, навстречу кабине побежало изображение взлетной полосы. И вот мы уже «оторвались» от земли, совершили положенные маневры, когда у нас «отказал» сначала один двигатель, а потом и второй. Я находился возле кресла Николая Сергеевича Блюдова.

— Какое же принимать решение пилоту, если оба двигателя вышли из строя? Прыгать?

— Не обязательно. При умелом маневрировании даже машину с отказавшими двигателями можно посадить. У нее есть запас высоты и запас скорости. Сумеет летчик дотянуть до аэродрома или нет? Может быть, найдет иную подходящую площадку...

Подполковник Блюдов, напоминающий внешне не летчика, а добродушного механика, каким его изображают в фильмах об авиаторах,— первоклассный пилот, и сам он не раз бывал в исключительных ситуациях. Однажды при посадке реактивного самолета заклинило стойку шасси. И все же летчик попросил разрешения произвести посадку на одно колесо. Это был риск. Но летчик спас машину...

На тренажере нет опасности разбиться или разбить машину, но в остальном все так же, как и в настоящем полете. Все приборы управления через сложное счетно-решающее устройство заблокированы так, что любое действие пилота тотчас находит отражение в «поведении» машины. Падает высота — меняется картинка на экране, сбавляешь газ — имитатор звука меняет громкость и тон. Пилот рулит по дорожке — это он рулит телекамерой, и при неловком управлении может «съехать» с полосы. На тренажере можно отработать действия летчика в особых случаях полета: остановка двигателей, отказ рулевого управления и т. д. — всего 32 положения, и большинство из них такие, которые отрабатывать в воздухе было бы слишком опасно. Так шаг за шагом курсанты учатся преодолевать сопротивление машины, преодолевать самого себя...

...Как и во многих наших городах, в Оренбурге пылает Вечный огонь. В торжественные дни сюда вместе со своим командиром, начальником Оренбургской школы юных космонавтов, ветераном Отечественной войны, Героем Советского Союза Василием Владимировичем Климовым, совершившим более трехсот боевых вылетов и сбившим двадцать семь вражеских самолетов, приходят и сегодняшние мальчишки в строгих темно-синих курточках и пилотках. Замирает строй. Торжественно звучит оркестр. Глядят на огонь мальчишки, глядят их родители, их деды-ветераны. И видится ребятам в отблесках пламени мемориала отблеск славы многих поколений героев-летчиков, выпускников Оренбургского летного, наследовать и множить которую завтра предстоит им.

◀ Сокурсник Ю. А. Гагарина, ныне подполковник Анатолий Андреевич Быков, преподаватель Оренбургского летного, знакомит юных космонавтов с музеем Славы училища. * Тренировочный «полет» в барокамере,

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

Хлеб создают не только земледельцы. О кропотливой работе селекционеров, предшествующей выращиванию и сбору урожая на полях, рассказывает корреспонденту «Огонька» председатель Государственной комиссии по сортоиспытаниям сельскохозяйственных культур, доктор сельскохозяйственных наук М. А. ФЕДИН.

Десятки образцов древней пшеницы хранятся во Всесоюзном институте растениеводства имени Н. И. Вавилова. Постепенно, от поколения к поколению, человек отбирал лучшие из них, накапливая наиболее ценные признаки злака. Так безымянные творцы создали Кубанку, Сивоуску, Гарновку... Много лет высевали их на полях нашей страны.

Еще совсем недавно белый хлеб на нашем столе был лакомством: в центральных и северных районах сеяли в основном рожь. Но успехи селекционеров, получивших невиданные прежде высокоурожайные сорта пшеницы, потеснили рожь. Пшеница стала царицей злаков. Оно и понятно — урожайность у нее на десять центнеров с гектара выше, чем у ржи, да и убирать пшеницу намного легче. Если каких-то десять — пятнадцать лет назад пшеница останавливалась у границ Нечерноземья, то теперь она достигла Ленинграда, захватив по пути холодные Костромскую, Новгородскую, Вологодскую области, Белоруссию и все республики Прибалтики.

Сегодня перед селекционерами поставлена нелегкая задача: создать озимую пшеницу для Сибири и Северного Казахстана. Именно для этого академик Василий Николаевич Ремесло организовал опорный пункт в Северном Казахстане...

Конструирование новых сортов и гибридов — процесс длительный, кропотливый, к тому же требующий ювелирной точности. В нем участвуют не только селекционеры и генетики, но и фитопатологи (специалисты по болезням растений), химики и технологи,— они определяют качество полученной продукции. На заключительном этапе зерно поступает на государственные испытания, где исследуется по тридцати — не менее — признакам!

Климат и почва нашей страны очень разнообразны, поэтому новые сорта растений создают в 44 селекционных центрах и более чем в 600 научно-опытных учреждениях. Выполняя задачи, указанные в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему повышению эффективности сельскохозяйственной науки и укреплению ее связи с производством», мы к концу нынешней пятилетки представим сорта озимой пшеницы с потенциальной урожайностью 80—90 центнеров с гектара, озимой ржи — 50—60 центнеров, ячменя — 60—70 центнеров... У нас уже есть такие высокоурожайные сорта пшеницы, как «Мироновская-11», «Мироновская-25», «Северокубанская», «Херсонская-170» и т. д. Более 60 центнеров с гектара ржи дают, например, «Восход-1» и «Восход-2».

Сбор зерна необходимо довести до 238—243 миллионов тонн в год, а к 1990 году производить его до одной тонны на душу населения. В выполнении этого грандиозного плана важная роль отводится селекционерам.

...На Лиственничной аллее, в Москве, находится лаборатория, куда из разных мест Союза, как на большой конкурс, привозят новые сорта злаков: пшеницы, ржи, ячменя, гороха и кукурузы. Ведь в нашей стране более 220 культурных видов растений, и каждый новый сорт проходит тщательную экспертизу.

Около семи тысяч образцов исследуют ежегодно здесь, в Центральной лаборатории по качественной оценке испытываемых сортов. А для этого проводят не менее 60 тысяч анализов во всех четырех отделах лаборатории. В одном из отделов — мукомольно-хлебопекарном — побывал корреспондент «Огонька».

Только что прибыла партия зерна новых сортов: «Одесская-75», «Жница», «Партизанка», «Кишиневская-103». Мешки разбирают внизу, в полуподвальном амбаре, затем на мельнице размалывают каждый сорт, после чего мука

А. Н. Рыжкова — старший агроном мукомольно-хлебопекарной лаборатории.

Фото Г. Розова

отлеживается 12 дней. И только после этого поступает наверх, на второй этаж, где сотрудники исследуют и зерно и муку. С помощью специальных приборов определяют количество и качество клейковины в муке — именно клейковина строит каркас хлеба и делает каравай пышным. Здесь же устанавливается количество белка в зерне. В другой комнате, миниатюрной пекарне, ведут пробную выпечку из новой муки; там мы увидели пухлые, аппетитные кирпичи белого хлеба.

— Из каких сортов получается самый вкусный хлеб? — спросила я старейшего агронома лаборатории А. Н. Рыжкову.

— Мне приятно работать с «Безостой-1» и «Одесской-51»,— ответила Антонина Никитична,— видите, какие чудесные буханки! Они и красивые, и пористые, с нежным мякишем. Из яровых пшениц хороша «Саратовская-29» — этот самый распространенный в стране сорт создали В. Мамонтова и А. Шекурдин...

Необычное зерно поступило в лабораторию в этом году: удлиненное, слегка морщинистое. Это тритикале, сорт, полученный от скрещивания ржи с пшеницей. Первый такой районированный сорт, очень перспективный для Волгоградской области и Краснодарского края, дает до 80 центнеров зерна с гектара. Чтобы получить мягкий, ноздреватый хлеб из тритикале, в лаборатории разрабатывают особую методику: нужно устранить липкость ржи, иначе изделие получится с влажным мякишем. Автор нового сорта — доктор сельскохозяйственных наук, профессор А. Шулындин.

А вот и новые сорта ржи: «Искра», «Вымпел», «Белорусская-23»... Однако их значительно меньше, чем сортов пшеницы, нынешняя царица полей окончательно «забила» свою давнюю соперницу.

— Может быть, рожь не нужна нам больше? Не пользуется спросом у населения? — снова обратилась я к Марату Александровичу Федину.

— Напротив, спрос на ржаной хлеб возрастает из года в год. И по составу аминокислот ржаной хлеб богаче пшеничного. Из любой русской сказки или летописи мы знаем, что главным хлебом на Руси была всегда рожь, и в народе повторяли: «Матушка рожь кормит всех сплошь, а пшеничка — с разбором...» В этих словах сконцентрированы вековые наблюдения народа — рожь некапризна к земле, это культура стойкая, выносливая. Мне приходилось собирать в Испании для нашего генетического банка образцы ржи, которая росла буквально на камнях, но высотой была более полутора метров! Какое великое жизнелюбие, какая сила!

Но как-то так случилось, что почти все внимание селекционеры сосредоточили на пшенице. И она подавила рожь не только более высоким урожаем. У нее к тому же короткий стебель, а отсюда — устойчивость к полеганию, она быстро и без потерь убирается комбайнами. Рожь стала вроде бы старомодной, и все из-за своего высокого роста. Помните: «Выди, выди в рожь высокую...» Селекционеры долго искали гены короткостебельной ржи. И, наконец, нашли в мировой коллекции ВИРа. В прошлом году испытали новый сорт «Чулпан», в переводе с башкирского «Утренняя звезда». Авторам этого сорта — а равного ему нет ни у нас, ни за рубежом — С. Кунакбаеву, Н. Лещенко и А. Власовой удалось получить растение с коротким стеблем.

Кроме ржи и пшеницы, в Государственную комиссию поступил и новый гибрид кукурузы. Его урожайность 120 центнеров с гектара, на 31 процент выше стандарта! Создал невиданную кукурузу один из старейших селекционеров — М. Хаджинов.

Отличную оценку комиссии получил и сорт гороха «Неосыпающийся-1» (селекционер А. Шевченко). У прежних сортов при раскрытии створок горошинки выпадали, у нового — все зерна остаются, плодоножка плотно приросла к ним. В Киргизии новый сорт дает 49 центнеров с гектара, в Воронежской области — 57,1, на Украине — до 46 центнеров...

...Государственной комиссии по сортоиспытаниям более сорока лет. Мы начали с того времени, когда урожайность была низкой: в некоторых областях 8—10 центнеров пшеницы с гектара, теперь на той же земле собирают до 50—60 центнеров. Тем не менее есть у нас селекционные станции, где над одним сортом бьются десятки лет и бьются безрезультатно. Работа сортоиспытательной службы требует существенного улучшения. Настала необходимость преобразовать Госкомиссию в Государственный институт, подобный тем, какие существуют в Польше, Венгрии, Чехословакии и других странах. Такой научный центр с сетью испытательных станций во всех республиках и областях страны просто необходим. На областной станции мы собрали бы разных специалистов: один занимался бы пшеницей, другой — кукурузой, третий — свеклой и т. д. Тогда ученые смогут собираться, обмениваться мнениями, а это так необходимо при любой творческой работе. Появится, наконец, возможность выделить из трех-четырех образцов лучшие, быть может, оставить всего один из них. А сейчас только Краснодарский край, например, по пшенице дает такое обилие материалов, что работать над ним надо чуть ли не всему отделу!

Институт нужен и для разработки теории сортоиспытания, для новых методов исследования полученных результатов, что ускорит внедрение лучших сортов и гибридов. Областные руководители и Министерство сельского хозяйства СССР поддерживают создание такого научного центра. Ведь от создания института главный выигрыш получит сельское хозяйство всей страны.

Беседу вела Л. КОРОБОВА

Джеймс ОЛДРИДЖ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Прощай,

Я читал «Дженни Герхардт» Драйзера (книгу мне дал Вертенбакер), доедая завтрак, который мне привезли на столике с колесиками — этом великолепном изобретении американских гостиниц. Не успел я перевернуть книгу названием вниз и сделать последний глоток кофе, как раздался стук в дверь.

На пороге стояли два молодых человека. Чистые манжеты, коротко подстриженные волосы — сомнений не было, кто они.

— Мистер Квейл? — спросил один, держа что-то в руке.

— Да, это я.

Он сунул мне удостоверение. Я его даже не успел рассмотреть. Он сказал:

— Прошу прощения, что прервали ваш завтрак, но мы рассчитывали, что вы его уже закончили. Вы закончили?

— Вы явились как раз вовремя.

— Прекрасно, нам можно войти?

Они уже вошли. Я, как щепетильная хозяйка, попытался прикрыть неубранную кровать.

— Вы не беспокойтесь,— сказал второй.

Мне хотелось найти что-то характерное в их облике. Но самым характерным было, пожалуй, лишь одно: длительной дрессировкой из них вытравили даже то естественное в людях, что обычно дрессировке не поддается.

Говорил только один из них, и, когда второй назвал его по кличке — «Синий», мне показалось, что даже этой мелочью он нарушил инструкцию и выдал слишком много. Но у Синего все-таки была одна достопримечательность — веснушки. У второго мне запомнилась поза. Он непринужденно стоял, прислонившись к стене, скрестив ноги и сложив на груди руки, готовый к тому, что кто-нибудь может ворваться в дверь. Сейчас это кажется мне смешным. Но тогда было не до смеха.

— Мы знаем, что вы не американский подданный,— сказал Синий и сел за маленький дубовый стол, которым меня снабдила гостиница.— Вы прибыли сюда на короткое время для стажировки. Вам еще осталось шесть недель. Не так ли?

— Совершенно верно.

— А куда вы отправитесь из Соединенных Штатов?

— Я не знаю,— холодно ответил я, дав понять, что их это не касается. Но мне стало немного не по себе, так как у меня было что скрывать от этих людей. Я оказался в Соединенных Штатах по приглашению Генри Люса. Но и англичане были заинтересованы в этом. Шла война, я был военнообязанным и не мог просто по собственному желанию отправиться в США даже в качестве военного корреспондента. Для этого требовалось специальное разрешение. Я обратился к заместителю директора военной разведки, который занимался военными корреспондентами, и сказал, что приглашен в Нью-Йорк на три месяца ознакомиться с работой журнала «Тайм», чтобы в будущем писать для них о войне с места событий. Он ответил, что обо всем знает, так как прочитал перехваченные телеграммы, и считает, что это великолепная идея.

— Уж лучше пусть на такой работе будет свой человек, а не наоборот.

Я вроде бы был подослан англичанами, хотя об этом никто не знал. Синий и его товарищ имели полное право допросить меня с пристрастием по поводу того, что еще, помимо приглашения со стороны «Тайма», привело меня в США. Но я знал, что они здесь не для того, Синий уже фактически начал игру в прятки.

— Вы поедете в Россию по окончании стажировки?

— Не знаю, вам лучше спросить Генри Люса.

— Это не обязательно. Вы раньше бывали в России, мистер Квейл?

— Пока еще нет.

— Еще нет? Но почему? Вам бы не хотелось освещать военные действия там? Я имею в виду, что с профессиональной точки зрения это очень интересно. Что вы скажете?

— Да.

— А на какой вопрос вы даете утвердительный ответ, мистер Квейл?

— На какой вам угодно.

— Вы, кажется, нервничаете. В чем дело?

— Нет, почему же, я чувствую себя нормально,— сказал я с некоторым раздражением.

Синий засмеялся и сказал:

— Мы вовсе не хотим вас запугивать. Мы хотим просить вашей помощи, если вы согласны, в чем я нисколько не сомневаюсь.

— Какой же именно помощи?

— Ничего особенного. Вы ведь работаете вместе с Филиппом Ловеллом и Лестером Террадой, и мы подумали, что, может быть, вы сумеете рассказать нам что-нибудь об их дружбе. Вот и все.

— А что именно вам рассказать об их дружбе?

— Насколько близки они, например. Они на самом деле очень близкие друзья?

Я тогда еще был слишком молод. А в то время молодежь была довольно наивна. Так что поначалу я не мог понять, на что он намекает.

— Конечно, они близкие друзья,— сказал я.— Они, правда, много спорят друг с другом, но это не мешает их дружбе.

— Но насколько они близки? Нормальная ли это дружба? Как, по-вашему, нормальная или в ней есть что-то противоестественное?

Тут наконец до меня дошло, на что они намекали. И, пожалуй, я сделал самое правильное — я громко рассмеялся.

— Вы копаете явно не в том месте, если этот вопрос вас так волнует,— сказал я.

— Мы нигде не копаем,— строго сказал Синий.— Мы просто проверяем возможные варианты. А что вы знаете о работе Лестера Террады?

— Ровным счетом ничего.— Мною опять овладело чувство враждебности.

— Но ведь вы работаете с ним в одной комнате и в одном отделе.

— Я никогда не читаю того, что он пишет.

— А почему?

— Потому, что его писанина действует на меня угнетающе. Я начинаю думать, что мы проигрываем войну.

— Но ведь он пишет о русском фронте, а не о британском.

— Но война ведь та же самая,— подчеркнул я.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—7.

— Вы когда-нибудь были в России, мистер Квейл?

— Вы меня об этом уже спрашивали.

— Не приходили ли к Терраде на работу русские или симпатизирующие им лица?

— Нет, не приходили. Можно, я вам задам вопрос?

— Задавайте.

— К чему все эти вопросы о Лестере и о русских?

— А уж это наше дело.

— В таком случае я могу сказать, что большего американского американца, чем Лестер, я еще не встречал. Мне иной раз при нем бывает стыдно, что я сам не хочу стать американцем. И сколько вы мне вопросов ни задавайте, это все, что я могу о нем сказать. И вы, надеюсь, не будете возражать, если мы нашу маленькую беседу на этом и закончим, поскольку мне надо отправляться на работу.

— Вы ведь не отмечаетесь по часам?

— Нет, но дел у меня много.

— О'кэй.

Синий встал из-за письменного стола.

— Вы нам во многом помогли, и мы это ценим. Вас не подбросить на машине до работы?

Сначала я хотел сказать «да», а потом решил, что «нет».

Синий рассмеялся.

— Как хотите. Но вот еще что.

Он подошел к столику на колесах с остатками моего завтрака и взял в руки книгу «Дженни Герхардт».

— Я смотрю, вы читаете американского писателя Теодора Драйзера.

— Да.

— Он вам нравится?

— С ним и сравнивать никого нельзя.

— А вы знаете, что он был коммунистом?

— Неужели?

— Он был членом американской коммунистической партии,— сказал Синий.

— Вы считаете, что я не должен его читать?

Я по-прежнему поддерживал игру, но меня и в самом деле интересовал его ответ.

— Я этого не хочу сказать,— поспешно ответил он.— Я полагаю, все это нужно вам для вашей работы.

Первым вышел его коллега — проверить, не грозит ли опасность нападения из какой-либо из этих коричневых дверей, когда они пойдут по коридору. Синий надел шляпу, прихватив ее тремя пальцами (я забыл упомянуть о шляпах), и сказал:

— До свиданья, мистер Квейл. Благодарю вас за помощь.

Я поскорее закрыл дверь, чтобы еще раз не предложили подбросить до работы. Я не хотел садиться с этой парой в машину, так как чувствовал бы себя в положении гангстера, который сидит в наручниках, забившись в угол, в то время как его везут на допрос в «Гранд сентрал» для отправки обратно в Чикаго. Конечно, все это было похоже на небольшой фарс. Но я подумал: как бы они себя вели, если бы нацелились на меня всерьез? Или что сталось бы с Террадой, жизнь которого изобиловала темными пятнами, ошибками и даже политическими катаклизмами? Подозрение вызывало даже его отступничество от компартии, и у меня возникло чувство жалости к нему. Я, как и Пип, гадал, чего именно хотели Синий и его приятель.

Иногда мы работали по субботам в утренние часы, и в нашей конторе в тот день было порядочно народа. Я, казалось, привлекал всеобщее внимание, когда после работы проходил по коридору к лифту с чемоданчиком в одной руке, а Джуди держала меня под другую. Джуди знала почти всех на обоих этажах — и в «Тайме» и в «Лайфе». Я же знал мало кого. И бросали взгляды, конечно, на нее. Но, думаю, она нарочно выставляла меня в таком виде, и это ей нравилось.

Джуди оставила свой «форд» в одном из подземных гаражей в жилом квартале на Парк-авеню, и мы туда шли пешком, не проронив друг другу ни слова. Когда дошли до машины, она спросила, не хочу ли я сесть за руль. Я покачал головой, отказавшись от предложения, и мы так же молча отправились в путь. Проехав половину Парк-авеню, Джуди начала проклинать отопитель, который плохо работал. Но как только мы выбрались на открытое шоссе, она пустила свой «форд» вовсю, и мы помчались невесть куда и невесть зачем. Любопытно, что наше долгое и преднамеренное молчание как-то нас и возбуждало. Я думаю, Джуди все это рассчитала заранее. Но я все еще как следует не знал, чего она от меня ожидала. Как только мы приехали в усадьбу, она тут же сделала крепкий коктейль и сказала:

— Ты никогда не был пьяным, ведь так?

— Пока что нет,— ответил я. Но это было не совсем правдой. Раз во время отступления из Салоник, мучимый жаждой, я поглотил полбутылки джина, будучи уверенным, что это простая вода с привкусом бензина. Я никогда до этого не пробовал джин. В результате я полтора дня, совершенно пьяный, бежал по Марафонской долине, преследуемый пятью немецкими танками. Но это был как бы несчастный случай, и я это не считаю.

— Я вообще не люблю пьяных, но тебя мне очень хотелось бы напоить,— сказала Джуди.— Хотя бы для того, чтобы посмотреть, что скрывается за этой твоей английской непроницаемостью.

— Ты ничего особенного не найдешь,— сказал я.— Я ничего не скрываю.

— Ты все скрываешь, и это наводит меня на подозрения.

— И что же ты подозреваешь? — спросил я встревоженно. Эти парни из ФБР заставили меня задуматься по поводу моего положения в Соединенных Штатах.

— Тебя пугает секс, правда? — сказала она.

— Меня пугаешь ты,— смеясь, ответил я.

— О, это мне известно,— сказала как бы между прочим она, будто иначе и быть не могло, хотя тогда я еще совсем ее не боялся.— Но ты даже не хочешь и разговаривать о сексе, ведь так?

— По возможности избегаю.

— Я хочу, чтобы ты знал...— начала она, сдвинув брови.— Я считаю, что секс должен преследовать две цели. Первая — соединить двух искренне любящих людей. Вторая — удерживать их вместе, если это получится. Но ты, конечно, с этим не согласен.

— Всей душой согласен,— ответил я.

Джуди громыхала коктейльной палочкой в стакане, размешивая напиток. Она стояла надо мной в агрессивной позе, и в каждом ее слове чувствовалась какая-то затаенная угроза.

— Ты совсем не похож на американца. Никогда тебя с ним не спутаешь.

Она раскачивалась на каблуках, вызывая меня на то, чтобы я встал и увидел бы ее лицом к лицу: дескать, приди ко мне и стань мне равным. Но я был уверен — любое заигрывание с Джуди на сексуальной почве не только не сделало бы меня равным, но низвело бы меня на низшую ступень. И я подумал, что вот таким-то образом и проявляется система американского матриархата. Мне неимоверно хотелось, чтобы появилась Эйми и вытащила меня из всего этого.

— Я собираюсь тебя напоить ради твоего собственного блага,— сказала Джуди.— Так что, ради бога, прикончи этот мартини.

— Я выпью пару коктейлей, и это все,— ответил я.— Я не хочу завтра с больной головой гоняться верхом за Эйми, перелетая через заборы и продираясь сквозь кустарник.

— О, Эйми еще ребенок,— произнесла она презрительно.— И это еще одна причина, почему я очень подозрительно отношусь к тебе. Ты боишься зрелых женщин, не правда ли?

Вот как раз здесь я и понял, что произошло с Пипом и Террадой. Они оба попались на удочку. И того и другого задели попытка принизить их мужское достоинство и открытый вызов со стороны Джуди, хотя, по всей вероятности, с ними она прибегала к другим методам.

— Я не боюсь зрелых женщин,— сказал я, подняв свой бокал.— Я уже сказал, что боюсь тебя.

— Это мы еще посмотрим,— сказала она.

Для Джуди остаток дня прошел безуспешно, так как мое поведение нарушило все ее намерения и планы. Она поставила четыре пластинки с концертом Брамса на автомат, и каждый раз, когда на диск падала пластинка, казалось, что раздавался пистолетный выстрел. Я не выдержал. Встал, вышел на улицу и пошел по дорожке, где под ногами у меня хрустел гравий. Было холодно без пальто, но единственное, что я не мог выносить в Нью-Йорке,— это слушать классическую музыку. Я мог ходить в театры, в кино, есть в дорогих ресторанах, даже однажды купался в холодный день у берегов Литлхэмптона. Но лишь однажды мною овладело чувство тоски и сожаления, что я бросил свою страну в тяжелое время войны,— это когда я сидел у кого-то дома и спокойно слушал серьезную музыку.

Но я не хотел все это объяснять Джуди. Я не так далеко прошел по дорожке, когда подкатил, резко затормозив, «плимут», фургон, и из него выскочила Эйми. Она попрощалась с водителем, который тут же умчался, сама же подождала, когда я подойду к ней.

— Ты выглядишь таким несчастным,— сказала она,— что я попросила Пипа высадить меня здесь. О чем ты думал — о войне, что ли?

— Должно быть, да,— ответил я, а Эйми взяла меня под руку и вприпрыжку потянула за собой.

— Ну, все это я скоро из тебя выбью. Я тебя ждала всю неделю. И если ты пойдешь со мной в сарай, я покажу тебе, что я давно хотела сделать.

Сарай — это была конюшня, куда я и последовал за ней. Она включила свет, а лошади зафыркали и забили копытами, увидев нас. Эйми сразу направилась к стойлу Минтджулипы и сняла пару боксерских перчаток, висевших на крючке для уздечек.

— Ты занимался боксом? — спросила она.

— Конечно.

— Тогда надевай перчатки, и давай драться.

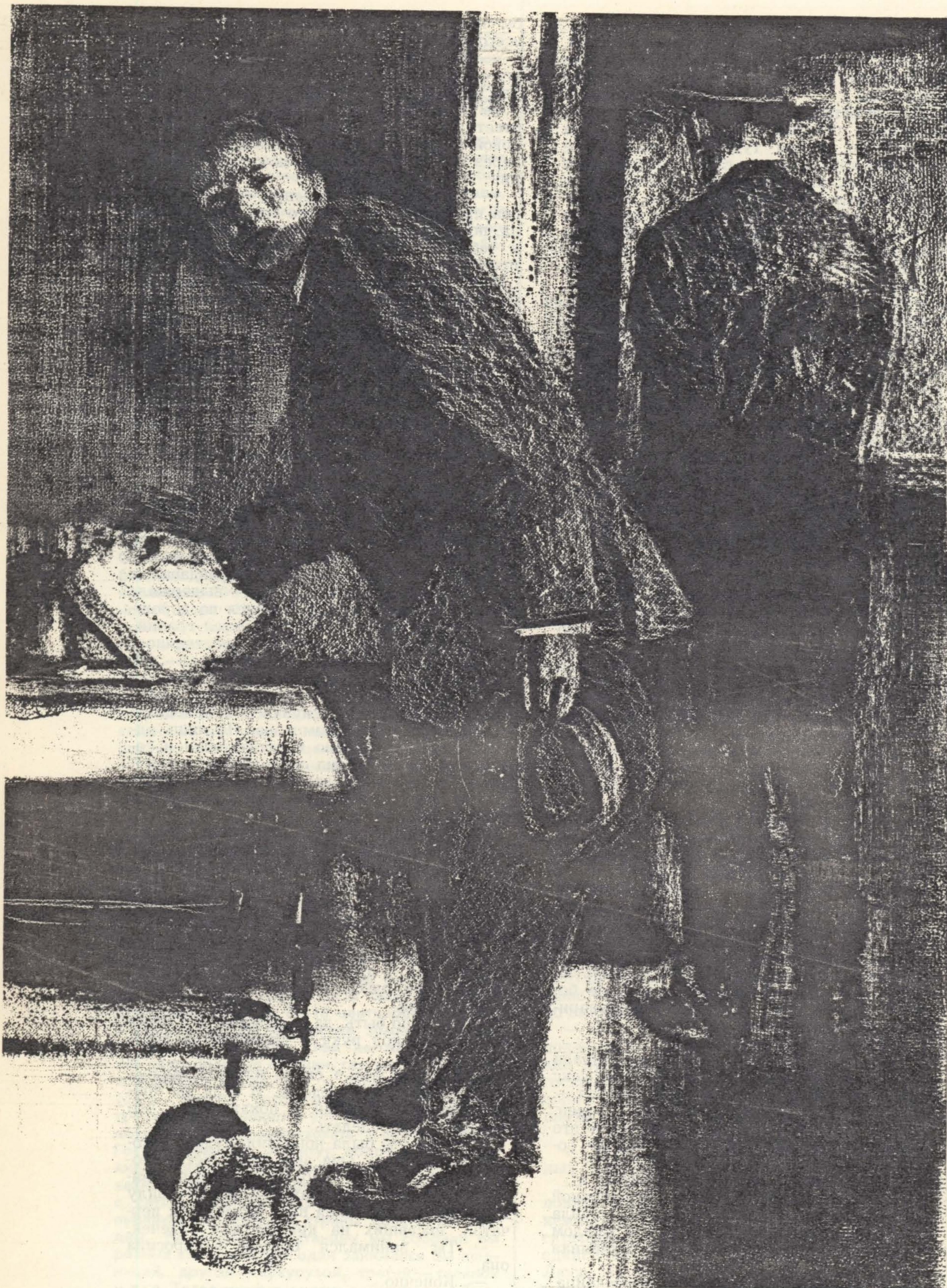
Эйми была боевая девчонка. В ней сказывались ее возраст и физическая сила.

— Это мы-то с тобой? — сказал я.— Могу представить, как это будет выглядеть.

Но она не шутила и бросила мне перчатки.

— Ну уж нет,— сказал я.— С тобой я драться в перчатках не буду. Ни в коем случае, даже в шутку.

не та Америка

— Почему?

— Никогда в жизни,— сказал я.— И не думай.

— Но я хочу научиться драться,— сказала она.— Мне нужно, Кит. Я должна. И тебе не будет от этого плохо.

— Мне-то не будет, но тебе может повредить,— настаивал я.— И вообще, зачем тебе это нужно?

— А я хочу кое-кому как следует поддать!

— Ну уж нет, Эйми, только не мне.

— Нет, не тебе, глупый. На свете есть два человека, которым я хочу набить морду, и я хочу сделать это как следует.

— Кому же?

— Неважно кому.

— Нет,— сказал я.

— Ну, хорошо. Если уж ты не хочешь драться со мной, покажи мне, как это надо делать, Кит. Ну давай. Надень перчатки и покажи мне. Я специально для этого их одолжила.

Эйми говорила очень убедительно, и вреда от этого, казалось, не могло быть. И я согласился.

— Ну, ладно,— сказал я.— Если миссис Джек Лондон могла заниматься боксом, то почему ты не можешь?

Я помог Эйми надеть перчатки. Затем зашнуровал перчатку у себя на одной руке и зубами затянул на другой.

— Ты действительно разбираешься в боксе? — спросила она.

Мы уже стояли друг против друга с кулаками, похожими на буханки хлеба.

— В школе был чемпионом,— сказал я.— Но прежде чем мы начнем, я все-таки хочу знать, кого ты намереваешься побить. Мужчину или женщину?

— Конечно, мужчину. Даже двух. И они сильно этого заслуживают.

— И кто же они?

— Это уж мое личное дело, Кит. Так что не расспрашивай меня. Это касается моей женской гордости.

— Ну, ладно,— сказал я. И предупредил, что существует один элементарный закон бокса.— Левая рука всегда должна быть вытянута вперед и отражать удары противника, которого следует держать от себя как можно дальше, чтобы он не мог ударить. А когда улучишь момент, изо всей силы бьешь его правой. Весь бокс основан на различных вариантах этого приема.

Я показал ей, как это делается и левой и правой рукой, хотя не собирался наносить удара и даже дотрагиваться до нее. Но тут Эйми сказала:

— Ну, что же ты, давай бей.

— Ну, нет. Я до тебя не дотронусь. Но ты можешь испробовать на мне, если хочешь. Стань немного боком, держи левую навытяжку, чтобы мне до тебя не достать. Потом сделай рывок вперед и нанеси мне удар правой.

Эйми не заставила себя ждать. Не успел я опомниться, как она нанесла мне сильный удар правой, так что я чуть не свалился.

— Господи,— сказал я.— Да ты и впрямь не шутишь.

— Это же здорово, Кит. Давай еще раз попробуем.

На этот раз я блокировал ее удар справа, ситуация изменилась, и неожиданно моя рука оказалась около самого ее носа. Но я опять ее не задел.

— Бесподобно! — закричала Эйми.— Покажи мне, как это ты делаешь.

Я показывал ей примитивные приемы, которыми пользовались еще в XIX веке,— надо учитывать, что квалификация моя была невелика. Но Эйми очень быстро усваивала арифметику бокса. Дважды после этого она нанесла сильные удары правой, и я показал ей, как надо защищаться, используя локти, как увертываться от удара, а не принимать его на себя.

Мы находились в замызганном проходе между стойлами и, как школьники в гимнастическом зале, постигали основы бокса. Ее уже было трудно остановить. Тогда я сказал ей, что с меня хватит: я уже выдохся к тому времени, щеки мои были поцарапаны, и я к тому же прикусил язык. У меня болел живот от ее ударов ниже пояса. Но я до нее так и не дотронулся.

— Ну еще разок, Кит, пожалуйста,— не унималась она.

Я в последний раз встал в позицию, и Эйми пошла в атаку. Удар, еще удар. Защищаясь, я отступил назад и наткнулся на Джуди.

— Господи, что же здесь происходит? — воскликнула она.

— Уходи ты, Джуди! — крикнула Эйми.— Ты все испортишь.

Когда до Джуди дошло, что здесь происходит, она заявила:

— Боже мой, я не нахожу слов! Ничего подобного в жизни не видела. Это же отвратительно.

— А, да замолчи ты, Джуди,— спокойно сказала Эйми.

Тогда Джуди набросилась на меня:

— Неужели ты не знаешь, что от удара в грудь у женщины может быть рак?

— Не я ее бью,— уточнил я.— А она меня.

— За что?

— А это не твое дело,— вступилась Эйми.— Это наше дело с Китом.

— Оно и видно,— сказала Джуди. И я почувствовал, что она начинает брать надо мною верх. Я казался себе дураком. Но тут же она себе все испортила.

— Ну, если ты это предпочитаешь Брамсу...— сказала она мне.

Намек был слишком ясен. Я вновь овладел собой. Я сказал, что, очевидно, на меня подействовали два коктейля, которые она мне дала выпить.

— Ты имеешь в виду два мартини,— уходя, презрительно бросила она.

Эйми радостно засмеялась и неожиданно ударила меня правой.

— Ты ее добил,— сказала она.— Ты поставил ее на место.

— Ничего подобного,— возразил я.— Она права, Эйми. Тебе действительно можно нанести опасный удар в слабое место. Так что никогда не пытайся тягаться с мужчиной. Даже в шутку.

— А я и не собираюсь шутить.

— В таком случае бей, кого тебе надо скалкой.

— Ну, уж нет! Я хочу драться, как настоящий мужчина, лицом к лицу: удар, еще удар! Как ты меня учил.

— В таком случае я настаиваю: скажи, кого ты собираешься бить? Иначе нечестно. Давай выкладывай.

— Один из них парень. Его зовут Джек, который, стоит мне отвернуться, лапает меня. Он пытается хватать меня за все места, и это ужасно. А он думает, что я в него влюблена. А второй — это Лестер Террада.

— Лестер?

— Да, он. Я его терпеть не могу. Он ведет себя так, что все вокруг него пляшут. Боятся обидеть его. Как он только этого добивается? А еще знаешь что, Кит?

— Нет, не знаю.

— Американец себя так не ведет. Ты гораздо больше американец, чем он.

Я сказал, что она не должна так отзываться о Лестере, и повторил слова Джуди, что с американцем меня никогда не спутаешь.

— Вот видишь! — сказала она.— Даже ты за него заступаешься. Как это ему удается? Хотела бы я знать, как это удается ему вызывать к себе такую жалость? Это просто противно!

Я подумал и отчасти согласился с Эйми. Лестеру всегда удавалось пробуждать к себе материнское чувство даже у мужчин.

— Но за что же ты собираешься его бить? Ты ведь так и не объяснила.

— А что здесь объяснять? Просто я хочу, чтобы он знал, что всех обвел вокруг пальца, кроме меня,— сказала она.— Он вас всех дурачит, и я это ненавижу. Я хочу, чтобы он и близко не был к моей семье. Я действительно ненавижу его, Кит.

— Ты просто сумасшедшая,— сказал я, не в силах сдержать смех, и она осталась со своими лошадьми, их кормежкой и чисткой конюшен.

Что касается меня, я пошел обратно к Джуди, которая на кухне готовила изысканный ужин, и сообщил ей, что собираюсь на следующей неделе возвратиться в Англию, если удастся достать место на клипере.

— Но ведь срок твоей стажировки еще не истек,— сказала она.— У тебя остается еще почти месяц.

— Я знаю. Но мне надо ехать.

— В чем дело, почему ты вдруг надумал?

— Не знаю. Возможно, мне помог Брамс.

— Кто?

— Это неважно.

— Не уверена, что Генри Люсу это очень понравится.

— Он поймет,— сказал я.— Верт ему все объяснит.

— В таком случае у меня не так уж много времени,— насмешливо сказала она, что меня удивило. Она явно решила быть очаровательной и подошла ко мне с таким видом, будто хотела наверстать упущенное время. И тут я увидел то, что увидел Пип,— ласковые зеленые глаза, классический нос, нежные губы. И все ее лицо стало нежным и привлекательным, когда она была так близко. Мы обменялись лишь легким поцелуем. Но, клянусь, он обещал большее, если бы я захотел.

Все испортила Эйми, которая пришла на кухню взять бутылку кока-колы из холодильника. А Джуди ей велела вычистить грязь из-под ногтей, снять штаны и надеть приличное платье, если она хочет сесть с нами за стол.

— От тебя несет конюшней,— сказала Джуди.

— Лучше конюшней, чем Лестером Террадой,— ответила Эйми.

Джуди повернулась и залепила ей хорошую пощечину.

Эйми застыла на месте. У нее перехватило дыхание, и я думал, что она даст сдачи. И вдруг по ее розовым щекам покатились крупные слезы.

— Бей сколько хочешь,— всхлипывала она.— Но и он тоже получит от меня в один прекрасный день.— И она со злобой помахала кулаком перед носом Джуди.

— Если ты когда-нибудь посмеешь его тронуть,—крикнула Джуди,—можешь быть уверена, что я позабочусь о том, чтобы все эти лошади были проданы! А тебя отправят к тетке Эфи в Мэн.

— Ты не имеешь права трогать лошадей! Они принадлежат мне!

— Они никому не принадлежат. Они принадлежат попечителям, так же как и все остальное, и ты все это знаешь.

— Они больше мои, чем твои.

— Ты докажи это попечителям, когда их увидишь. Если я скажу, что от них надо избавиться, то от них и избавятся. Так что поимей это в виду.

— И все равно я его побью,— рыдала Эйми.— А если ты что-нибудь сделаешь с этими лошадьми, то я... сделаю что-нибудь ужасное.

В ходе всей перебранки Джуди сохраняла спокойствие и самообладание. Эйми же была возмущена и подавлена. Ее слезы были похожи на струи пота. Казалось, они сочились из ее розовых щек, а не из глаз. Она состроила мне сердитую гримасу, будто обвиняя меня в чем-то, и ушла.

— Она чудная,— сказала Джуди.— И ты не лучше, ты ей потакаешь.

— Да ничего она не сделает,— сказал я.

— О, она-то сделает,— настаивала Джуди.— Но я тоже сделаю свое дело. Ведь все может прийти к тому, что она кончит лесбиянкой, если не одумается.

— Вот уж этому я никогда не поверю,— ответил я.

Меня настолько возмутило это замечание, что появилось желание сказать Джуди, что Эйми несравненно более женственна и привлекательна, чем она. Было много другого, что я хотел сказать Джуди. Но я этого не сделал, потому что личные выпады предполагают и личные ответы, а я в своей жизни старался избегать подобного рода вещей.

— Она не хочет, чтобы ты вышла замуж за Лестера,— сказал я.— Вот поэтому она такая сумасшедшая.

Джуди засмеялась и подлила мне коктейля из стеклянного кувшина, который она держала в холодильнике.

— Почему я должна выходить замуж за кого-то, подобного Лестеру? Если бы мне предстояло выбирать кого-либо из обитателей двадцать девятого этажа, я бы выбрала Верта, или Пипа, или даже тебя. Лестеру нужна, с одной стороны, мамаша, а с другой — знаменосец. И хотя я могу быть и тем и другим, я не могу быть ими одновременно.

— Почему ФБР так им интересуется? — спросил я ее.

— Значит, они добрались и до тебя?

— Да, добрались.

— Лестер собирается получить работу в Вашингтоне, так что он проходит обычную проверку.

— И это все?

— А что же еще? О чем ты подумал?

— Не знаю. Но он не сказал об этом Пипу.

Джуди, казалось, это очень понравилось.

— Он правда не сказал? — проговорила она.

— Нет.

— Это все те же их старые отношения,— сказала она.— Они становятся очень осторожны друг с другом, когда дело касается конкретных вещей. Они как два друга, воюющие из-за одной женщины.

— Из-за тебя, Джуди?

— Не будь дураком. Тот спор, который они ведут, касается Америки. Они не могут оставить эту тему, они не могут от нее отцепиться. Вот поэтому-то я и говорила Лестеру, что ему следует перебраться в Вашингтон.

— Ради чего?

— Потому что он слишком благоговеет перед Пипом и перед тем, за что тот стоит. Лестеру нужно от него освободиться.

— Это тебе Лестер сказал?

Джуди укладывала тарелки в духовку, чтобы подогреть их, а затем сняла свой маленький красивый клеенчатый фартук.

— Ему и не нужно было говорить мне. Ты знаешь, в чем их главная беда, Кит?

Она легонько подталкивала меня из кухни в гостиную.

— А у них разве действительно есть какая-то беда?

— Ты знаешь, что я имею в виду. У них ничего нет общего, кроме заблуждений.

Я подождал разъяснений, но Джуди сказала, что для понимающего человека и этого достаточно, и послала меня мыться.

Позднее, когда я сел ужинать, застенчиво вошла Эйми. Она была в облегающем холодно-голубом платье, выставлявшем напоказ все ее очаровательные пухлые молоденькие прелести. Я полагаю, что она и Джуди привыкли к ссорам и подзатыльникам, но я знал, что Эйми проявляла сейчас осторожность не потому, что боялась потерять лошадей. Она беспокоилась также из-за меня, и когда Джуди вышла на минутку после ужина, Эйми прошептала:

— Я готова сидеть здесь хоть всю ночь, если нужно.

— А зачем?

— Я не хочу, чтобы ты оказался в ее кровати,— сказала она.

— Я и не собираюсь идти с ней в кровать.

— Но она собирается. Я для верности буду заходить к тебе в спальню каждые полчаса.

— Тебе незачем заходить так далеко,— ответил я.— Моя честь и мое мужское достоинство в полной безопасности, клянусь тебе.

— Ничего подобного. С ней так не бывает. А если ты поддашься, я никогда не буду с тобой разговаривать.

Джуди возвратилась, и она поняла, что мы шептались о ней. Поэтому она сказала Эйми, что лошади чем-то возбуждены и ей следует посмотреть, в чем дело.

— Ты оставила свет в сарае.

— Ничего подобного.

— Я говорю, что оставила, пойди и посмотри.

Эйми ушла проверять, а Джуди села рядом со мной и начала ерошить мои волосы и гладить нежно мою шею.

— Ну? — сказала она.

— Я женатый человек,— ответил я.

— Я не знала этого.

— Я думаю, мне следовало бы сказать тебе об этом.

— Для чего? Ну, ладно, а где же твоя жена?

— В Каире. Она сестра в одном из наших военных госпиталей.

— Как она выглядит?

Джуди все еще гладила мою шею.

— Она католичка,— сказал я,— и очень добропорядочная.

— А что сказать о тебе? — Рука все еще была на шее.

— Я не католик и не отличаюсь этой добропорядочностью,— сказал я ей, и она засмеялась.— Но я отличаюсь верностью, и, полагаю, в этом есть разница.

Ее рука соскользнула.

— Как забавно,— сказала она и вновь засмеялась.— Это очень забавно.

Но я не уверен, что она в действительности находила это забавным. Я даже думаю, она никогда мне не простила того, что я позволил всему зайти так далеко; и она не пришла ко мне в комнату в ту ночь и я не пошел к ней. Эйми забегала ко мне дважды, прыгала на кровать, стукнула по обеим коленкам каким-то болезненным приемом, как когда-то в школе, стянула с меня простыню и в конце концов ушла, довольная, но одновременно раздосадованная, потому что теперь она была уверена, что Джуди собиралась выбрать Терраду.

— Пип слишком слаб для нее,— сказала она.— Она в действительности хочет иметь этого сталевара, верно ведь?

Перевод с английского Т. ОРЛОВОЙ.

Продолжение следует.

Н. АЛЕКСЕЕВА
Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Сегодня телезрители уже не могут представить себе какую-либо большую, а тем более праздничную, эстрадную программу без Яака Йоалы. А ведь на наших домашних экранах эстонский певец появился совсем недавно...

Тут самое время чуть отвлечься и подумать о том, как же это все-таки получается: певцов много, а популярными, любимыми становятся считанные единицы! Может, виновато телевидение, которое не ищет и не поддерживает новые таланты? Но нет! Ежегодные всесоюзные конкурсы молодых исполнителей сами собой опровергают это предположение.

Ответ оказывается простым и очевидным...

Недавно я побывала на таллинском фестивале песни «Цветы дружбы». В нем принимали участие артисты и композиторы Прибалтики, Ленинграда и Москвы. Исполнителей было много; все молодые, красивые, изящные. Однако, несмотря на высокий вокальный уровень, большинство певцов были похожи друг на друга. Я, например, не очень-то запомнила, что эти певцы пели и о чем. Согласитесь: успех песни зависит не только от композитора и поэта, но и от исполнителя. Уверена, именно поэтому на конкурсе больше всего работы выпало на долю Яака Йоалы. Он исполнил пять новых песен разных композиторов, в том числе и московских, приславших партитуры именно этому певцу, и никому другому.

С удивительным достоинством и простотой ведет себя Яак на сцене. Он не крутит в руках и не подбрасывает микрофон, не приплясывает (между прочим, один композитор весьма тонко и иронично заметил: мол, сейчас эстрадная песня — это много-много музыки, танцевальных движений и совсем немного пения). Вообще-то трудно спорить против непринужденной манеры иного певца, стремления двигаться по сцене, так

1 Поет Яак Йоала.

2 Мама — Дорис, папа — Яак, сын — Янар.

3 Новая песня.

1

по просьбе читателей

РАСПАХНУТОГО

или иначе общаться со зрителем, но только если это оправдано, если это органично, если служит созданию неповторимого творческого облика, а не потому, что «так надо».

Яак Йоала **поет**, и в его голосе — весь арсенал, и притом богатый, выразительных средств. Ни к чему объяснять, какой именно голос у певца, как раскованно он им владеет. Слушатели и так знают. Хочется только высказать свое личное впечатление. В голосе Яака — артиста, тяготеющего к лирическим песням,— звучат доброта, мягкость и одновременно мужественность, скрытая сила.

Считается, что прибалтийцы — народ сдержанный, и манера Йоалы это подтверждает: он истинный эстонец. Но вместе с тем он дает нам понять, что за этой сдержанностью таится глубокое и щедрое чувство, светлая человеческая страсть... И вот это делает его для нас не просто певцом, но прежде всего личностью, что случается на нашей эстраде, к сожалению, нечасто.

Конечно, говоря о таком понятии, как личность артиста, перечисляя его «составляющие», нельзя не сказать о личных качествах исполнителя, ибо они всегда волнуют слушателя или зрителя, для которого любимый артист, сам того подчас не зная, становится близким человеком: как правило, он касается самых интимных, самых заветных струн души...

Итак, Яак Йоала. Двадцать восемь лет. Человек скромный, приветливый и улыбчивый. «Пою, потому что ничего другого делать не умею»,— с улыбкой начал он наш разговор. Часом позже я знала, что он умеет прекрасно играть на всех инструментах, хотя учился в музыкальной школе и училище лишь по классу флейты; умеет сочинять и аранжировать музыку. Немало, не правда ли! И еще — водить гоночные машины. С шестнадцати лет он начал петь, и — параллельно — картинг, и тоже очень серьезно: Яак был известен в Эстонии как хороший спортсмен. Сейчас он оставил свое увлечение; вся его жизнь — это музыка, музыка, музыка... А от спортсменов я слышала, что картинг терпит только людей с огромной внутренней энергией и ярким темпераментом при внешнем хладнокровии и расчетливости каждого движения. Быть может, потому, что нелегкий спорт требовал напряжения всех сил и полной самоотдачи, Йоала поет так легко и свободно. И потому же всегда не удовлетворен. «Послушаю себя со стороны, и кажется — плохо! Мало работаю. Знаю, что могу больше, лучше! Все время ощущаю неиспользованные силы. Надо, надо выложиться, а не то придется к картингу возвращаться»,— снова шутит Яак.

Впереди у него работа над сольным концертом со своим ансамблем «Радар». Впереди записи на таллинском и московском радио и телевидении. Впереди большие пластинки, гастроли... А еще семья, сын, к воспитанию которого Яак относится весьма ответственно. Правда, пятилетний Янар считает себя уже вполне взрослым. На традиционный вопрос, кем он хочет стать, без тени сомнения заявляет: «Буду, как папа,— артистом и шофером!»

2

3

СЕРДЦА НЕ ЖАЛЕЯ...

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЁК» СТРОКА В БИОГРАФИЮ СТРАНЫ

НОЧЬ НА БЕРЕГУ БАЛТИКИ

Был конец февраля 1945 года, когда 27-я гвардейская мотострелковая бригада вышла на Одер в районе Кюстрина. Здесь нашу 2-ю гвардейскую танковую армию передали в распоряжение 2-го Белорусского фронта, который вел боевые действия по окружению и ликвидации группировки немцев в Восточной Померании.

В районе города Колобжег моя зенитно-пулеметная рота со штабом бригады вошла в село Гросснеймюле, которое стоит возле моря. Мне приказали занять огневую позицию для охраны штаба от воздушного противника. Место выбрал на самом берегу. Примерно в час ночи караульный поднял тревогу! К самому берегу подошел корабль.

Еще не разобравшись в обстановке, я скомандовал: «Приставить щиты. Пулеметы — в наземное. Бронебойно-трассирующими заряжай! Офицеры, связной — ко мне!»

Всмотревшись в темноту, увидел силуэт корабля. Он стоял бортом к нам не дальше чем в 250 метрах. Наших кораблей здесь не могло быть. Однако с какой целью появились тут немцы, каковы численность экипажа и вооружение? Ясно было одно — нужно быстро готовиться к бою. А силы неравные: корабль большой и, конечно, вооружен пушками.

На клочке бумаги, вслепую, крупными буквами написал: «Комбригу! У берега немецкий корабль. Принимаю бой». И тут же отправил со связным в штаб. Затем приказал расчетам первого взвода стрелять по палубе, расчетам второго взвода — по верхней части борта, а третьему взводу — по кромке между бортом и водой. Всему личному составу открыть огонь из автоматов и также трассирующими пулями. Сказал, что сигналом будет осветительная ракета. Только поднял ракетницу, с корабля грянули орудия. К счастью, снаряды легли с перелетом.

Я выстрелил осветительной ракетой, и корабль стал хорошо виден. Снопы трасс из крупнокалиберных пулеметов, из наших автоматов полетели в цель. Пушки немцев замолчали, а мы без передышки били и били, пока на корабле не подняли белый флаг. Солдаты закричали: «Немцы сдаются!» При свете ракеты на палубе увидели людей, они что-то кричали. Встал вопрос: как связаться с немцами? Вдруг ко мне подошли два командира расчетов — Николай Ширшов и Павел Тимошенко — и попросили разрешения поплыть на корабль. Два смельчака, сняв шинели, бросились в море. Этим солдатам приходилось брать в плен летчиков с подбитых самолетов, танкистов, выскакивающих из горящего танка, повара вместе с кухней, а на этот раз поплыли брать в плен моряков. А наши пулеметчики держали корабль на прицеле.

Ширшов и Тимошенко плыли медленно. Наконец мы увидели, как с корабля спустили трап и они поднялись на палубу.

Ждем 5, 10, 15 минут, а с корабля ни ответа, ни привета. Командую: дать короткую очередь из пулемета в воздух! Немцы тут же начали спускать шлюпку.

С нашими солдатами прибыл немецкий офицер и переводчик. Из допроса мы узнали, что корабль следовал в Гамбург. В море его атаковал наш самолет и повредил рулевое управление. Капитан решил подойти к берегу отремонтироваться. Он даже не мог предположить, что тут уже русские. Капитану я сказал, что гарантируем всему экипажу и гражданским лицам жизнь, раненым окажем помощь. Наши требования: сдать оружие, секретные документы, а также списки экипажа и пассажиров. Эти условия были приняты без оговорок. Так наша зенитно-пулеметная рота взяла в плен фашистский корабль.

В. ЛАТЫШЕВ,
гвардии капитан запаса

ТРИ ОРДЕНА СЛАВЫ

Михаил Яковлевич Малкин — полный кавалер орденов Славы.

В Великую Отечественную из Красного Бора ушло около ста мужчин, а с войны вернулось только десять.

Тысячи верст с первого же дня войны прошел с боями связист Михаил Малкин. В феврале 1944-го ему был вручен орден Красной Звезды, а в августе этого же года отважный воин был представлен к высшему солдатскому отличию — ордену Славы III степени.

В сентябре 1944 года после ранения гвардии сержант Малкин попал в 22-й гвардейский стрелковый корпус. Здесь, в новом воинском соединении, начался новый счет солдатским наградам нашего земляка. Уже в конце сентября 1944 года М. Я. Малкина представляют к ордену. «Будучи начальником подразделения связи,— отмечалось в представлении,— Малкин обеспечил бесперебойное управление артиллерией дивизии, показав при этом образцы доблести и мужества. В период подготовки к прорыву обороны противника гвардии сержант под ураганным огнем противника, не сходя ни днем, ни ночью с линии, не допустил перебоя в управлении огнем артиллерии. В районе Анши 13 сентября 1944 года во время устранения порыва он был тяжело ранен».

Видимо, командование стрелкового корпуса не знало о том, что Малкин уже отмечен орденом Славы III степени, и его еще раз наградили орденом Славы III степени.

Через два месяца Малкин был снова в боевом строю. И опять в новой части. На этот раз в 1124-м артиллерийском полку 344-й гвардейской стрелковой дивизии.

Восточная Пруссия. Населенный пункт Фридрихсберг. Здесь 22 января 1945 года разгорелся упорный бой. Старший сержант Малкин, рискуя жизнью, прокладывал линию через минное поле под непрерывным огнем противника. Своевременно обеспечив связь, он помог успешному выполнению боевой задачи.

И снова повторилась прежняя история. Не зная о предыдущих наградах воина, командование решило отметить его отвагу высшим орденом солдатской доблести. Так Михаил Яковлевич Малкин был награжден третьим орденом Славы III степени.

Правда, он так его и не получил, хотя и слышал, что награжден.

Сразу после войны, когда он вернулся в Красный Бор, хлопотать о наградах было некогда. Много дел было и в колхозе, и в домашнем хозяйстве. Работал Михаил Яковлевич заведующим почтой, заведующим фермой. Работал на совесть. Был победителем областного соревнования работников животноводства. За добросовестную работу отмечен медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», десятками почетных грамот.

Работал бы, наверное, и до сих пор. Но сказались фронтовые раны. Врачи строго потребовали отправиться на пенсию. Сейчас он — персональный пенсионер союзного значения.

Работники Вешкаймского райвоенкомата по просьбе ветерана войны запросили архив Министерства обороны в Подольске о наградах М. Я. Малкина. Присланные материалы подтвердили, что Михаил Яковлевич является трижды кавалером ордена Славы III степени. В феврале 1977 года облвоенкомат послал в Министерство обороны материалы с ходатайством о перенаграждении Михаила Яковлевича Малкина соответственно орденами Славы III, II и I степени и включении его в список полных кавалеров орденов Славы.

И вот в райвоенкомат на имя Малкина М. Я. пришла новая орденская книжка и ордена Славы II и I степени.

Так сложилась судьба скромного человека Михаила Яковлевича Малкина.

А. МАКЕЕВ,
учитель-краевед

Новоульяновск.

С ЛИНИИ ОГНЯ

К 60-летию со дня рождения С. М. БОРЗУНОВА

«Совсем не просто писать о войне в наши дни, когда она отодвинулась от нас чередой лет и когда о ней написано много книг. И чтобы новая книга не потонула в море написанного, автору нужно иметь свой собственный, а точнее, самостоятельный голос». Так писал Семен Михайлович Борзунов в очерке «Призвание, рожденное в бою».

Читатель хорошо знает книги Семена Борзунова, фронтового журналиста, работавшего в дивизионке, затем в армейской и фронтовой газетах, а ныне военного писателя. Его наполненные драматическими ситуациями и героикой книги «Ради нескольких строчек», «Берег левый, берег правый», «Подвиг, отлитый в строки», «Бойцы, товарищи мои» и особенно недавно вышедший вторым изданием сборник повестей, рассказов, литературных портретов «На линии огня» правдиво воспроизводят нравственно-психологическую атмосферу войны. Книги эти имеют строго документальную основу, что придает им особую весомость и достоверность. Документализм их почерпнут не в архивах, не из рассказов бывалых людей, участников и очевидцев событий, а из личного опыта автора, из виденного и пережитого им и запечатленного в коротких, оперативных заметках на газетных полосах и оставшегося до времени в корреспондентских блокнотах.

Семен Борзунов прошел Отечественную с пером и автоматом от первых боев под Перемышлем на западной границе в трагические часы 22 июня 1941 года до дня Победы. Он испытал жесточайшие бои на Волховском, Воронежском, 1-м Украинском фронтах. Борзунов был среди тех, кто, не щадя себя, сначала сдерживал лютый натиск врага, потом гнал его с родной земли. Первым с группой отважных комсомольцев он форсировал Днепр, а затем Вислу, Одер, Нейсе, непосредственно участвовал в сражениях за Берлин и Прагу.

Своеобразие его документальных повестей, рассказов и очерков-портретов, собранных в книге «На линии огня», определяет и то, что непременным их героем является фронтовой журналист, славный представитель этого особого рода войск.

Интересны и глубоки и очерки-портреты военных писателей и журналистов, собранные в книге «На линии огня», — ленинградского поэта, драматурга и романиста Бориса Четверикова, прозаиков Анатолия Марченко, Николая Камбулова, Геннадия Семенихина, Якова Ершова и многих других.

Сорок лет посвятил полковник Борзунов службе в рядах Советской Армии. За плечами этого скромного и душевного человека большой творческий путь. Его книга «Ради нескольких строчек» была удостоена премии имени Дмитрия Фурманова. А вот и один из множества отзывов читателей. «Хорошую вы написали книгу. От души. Сердечно. Правдиво,— писал Борзунову Маршал Советского Союза С. М. Буденный.— Подвиги советских воинов в годы Великой Отечественной войны неоценимы, и нынешнее поколение молодежи должно знать о них».

И сегодня, в свой шестидесятилетний юбилей, Семен Борзунов полон сил и творческих замыслов. Читатели ждут от него новых увлекательных книг.

Юрий ПУХОВ

Е. Расторгуев. Род. 1920. ЮНОСТЬ. 1957.

Государственная Третьяковская галерея

С. Рянгина. 1891—1955. КРАСНОАРМЕЙСКАЯ СТУДИЯ ИЗО. 1928.

Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Москва.

МАСТЕР ВАХТАНГОВСКОЙ СЦЕНЫ

Думаю о Николае Сергеевиче Плотникове. Думаю, вспоминаю... И прежде всего вижу ту исключительную роль, которую сыграл этот изумительный, крупнейший художник в становлении и развитии Вахтанговского театра... Он пришел в этот театр в 1938 году, уже имея за своими плечами интереснейшую и человеческую и творческую биографию; он ведь не москвич и начинал как артист на сцене народного театра.

Необходимость привлечения Плотникова в наш театр первым почувствовал знаменитый Борис Щукин, когда, снимаясь в кино в роли Владимира Ильича Ленина, имел своим партнером Плотникова.

Жизнь Николая Сергеевича, повторяю, не была легка: он был сыном своей эпохи, а значит, по необходимости ее воином. Еще в 1918 году он пошел добровольцем в ряды Красной Армии и Красной гвардии и с оружием в руках боролся за Советскую власть. Позднее, работая в военном комиссариате Красной Пресни, он опять-таки имел огромное количество интереснейших встреч с защитниками Родины, так называемыми «простыми» людьми, подлинными героями; наверное, уже тогда он бессознательно учился у них и глубине понимания жизни и целостности отдачи себя этой новой, революционной жизни. С великой любовью он вспоминал и рассказывал нам об этих своих «университетах», как о школе творчества и школе коммунизма, школе передового, бойцовского мировоззрения художника... Мы слушали его, потрясенные... Николай Сергеевич вообще был замечательным рассказчиком. Кстати, у себя дома он бережно хранил самые разные уникальные вещи и документы, показом которых обычно и сопровождались его рассказы, что превращало их в настоящие маленькие спектакли. Так, однажды он рассказал нам, как у себя на родине, в маленьком городе Вязьме, увидел и услышал на сцене народного театра, созданного прогрессивным вяземским землячеством, великого Вахтангова... Это было незабываемое событие! Евгений Багратионович читал на том спектакле шуточные рассказы; пожелтевшая от ветхости афиша концерта хранилась у Плотникова как величайшая драгоценность, да и вообще она была как бы его собственной путевкой в жизнь.

Позднее Николаю Сергеевичу пришлось работать в Крыму вместе с Дыбенко вплоть до эвакуации в 1919 году; и об этом он тоже всегда умел рассказать нам бесконечно взволнованно, живо и интересно — так, что мы слушали его, замерев, буквально не переводя дыхания... Революция, гражданская война питали его творчество, но был он сызначала талантлив, что называется — «божьей милостью». И я уверен, что давняя вяземская встреча его с Вахтанговым только лишь подтолкнула Плотникова к театру, к артистической деятельности, к творчеству, которому он и посвятил затем всю свою жизнь до конца.

Правда, в числе своих первых учителей он — столь же неизменно и всегда с благодарностью — называл еще и Л. М. Леонидова и Вл. И. Немировича-Данченко — он ведь прошел большую актерскую школу; достаточно сказать, что учиться мастерству он начал еще в 4-й студии МХАТа (впоследствии преобразованной в Реалистический театр Охлопкова), а затем был актером Театра Революции и Центрального театра Красной Армии... И я уверен, что уже тогда его исключительный, искрометный талант, заражающий всех зрителей, проявился в удивительном создании, которое буквально потрясло театральную Москву того времени. Это был «Бравый солдат Швейк», где заглавную роль как раз и играл Н. С. Плотников. Роль эта окончательно утвердила за ним славу артиста необыкновенного. Да и сам Николай Сергеевич впоследствии никогда не забывал о своем Швейке,— весело и любовно он изображал его на наших вечерах, показывал отдельные отрывки студентам, а также «играл Швейка» в доме отдыха в Рузе, где часто бывал летом. Иногда он преображался в Швейка, воссоздавая целые сцены, и всегда говорил при этом, что именно здесь-то он и постиг по-настоящему главную тайну искусства: тайну человечности и трогательности любого комедийного образа. Комедия — не только смех, но еще и скрытая боль, говорил он нам.

Начиная с 1938 года, когда Плотников окончательно стал вахтанговцем, я, как, наверное, и все мы до единого, помню каждую роль, сыгранную Николаем Сергеевичем. Дальность лет нисколько не ослабляет той огромной впечатляющей силы, какою были пронизаны его актерские создания. С годами они не померкли, а остались в нашей памяти живыми и покоряющими.

Вот, например, мне вспоминается, как в далекие довоенные годы мы, дети вахтанговцев первого призыва, сыновья Щукина и Рубена Симонова, Рапопорта и Толчанова, сидим, притихнув, в полутемной ложе на одной из репетиций спектакля «Без вины виноватые». Наши родители привели и усадили нас, ребятишек, в ложу и велели замереть, то есть вести себя абсолютно неподвижно и не разговаривать, не подавать голоса, не смеяться, как бы нам ни показалось весело или интересно! Событие же предстояло исключительное. Впервые за всю историю Вахтанговского театра в труппу были приглашены актеры, формально не кончившие нашу, вахтанговскую, школу. Но зато какие же это были артисты: Гришу Незнамова репетировал Андрей Абрикосов, а Шмагу — Николай Плотников. И вот именно Шмаге — Плотникову и предстояло поразить и завоевать зрителей. А ведь это была самая первая его роль, самое первое появление на вахтанговской сцене. Вспоминая эту работу сейчас, я убежден, что главные истоки, главные творческие глубинные толчки, родившие эту роль, опять-таки надо искать у Плотникова где-то там, где родился его Швейк. Ведь в образе Шмаги всех пленил и безоговорочно покорил, тронул сердце тот же блистательный народный юмор, то же удивительное простодушие, а вместе с тем трогательность и доверчивость — короче, скрытый трагизм, характерный для актера при решении всех судеб так называемого "маленького" человека. Как, может быть, никто другой, он чувствовал и понимал духовность и сложность таких именно ролей. И поэтому умел не только смешить, но и трогать до слез.

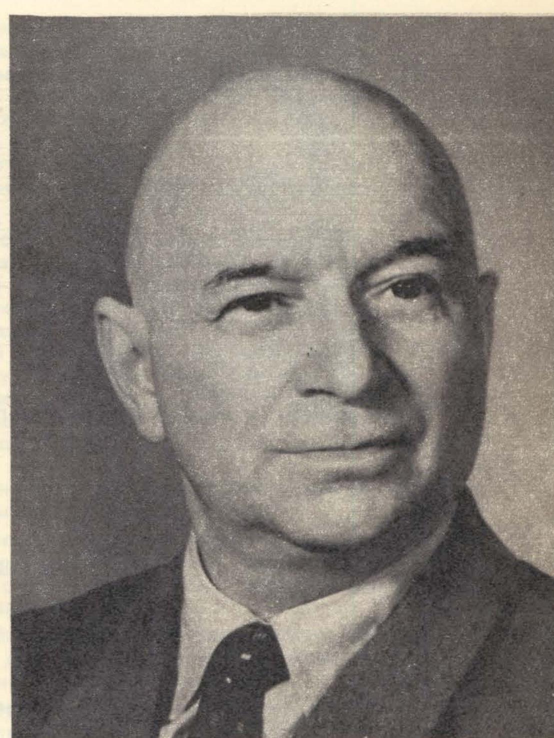
Давние детские впечатления от творческой личности Плотникова живут в сердцах всех нас, вахтанговцев, давно ставших взрослыми. В самом деле, ведь все это мы увидели сорок лет назад!.. А как же запомнился и самый спектакль «Без вины виноватые»,— он тоже и с такой же живостью стоит перед глазами. Особенно помнится финал, кстати сказать, не предусмотренный режиссером, а целиком принадлежавший вдохновению Плотникова. В финале — когда Гриша Незнамов наконец нашел свою мать и обрадованная Кручинина — А. Орочко, отвечая Дудукину — Б. Захаве, говорила свою знаменитую фразу: «От радости не умирают»,— Николай Сергеевич Плотников в роли Шмаги медленно шел от одного портала к другому, растерянный и неизмеримо счастливый... В это время он, вернее, его Шмага, одинокий по-прежнему, смеялся и плакал сразу... И именно этот потрясающий, молчаливый проход, без единого слова, но исполненный чувства подлинного, вызывал в зале — и потом всегда вызывал! — настоящую бурю оваций.

Уже тогда Плотников сумел выразить главную тему всех своих будущих ролей да и всего своего на редкость человечного, умного и доброго таланта...

Я вспоминаю эвакуацию, дни войны. Вспоминаю город Омск. В те тяжелые военные годы Плотников играл в пьесе Корнейчука «Фронт» роль Крикуна, и это была очень серьезная, крупная и содержательная работа. Но одновременно он играл перед суровой аудиторией — рабочими и крестьянами Сибири, уходившими на фронт, в знаменитые сибирские несгибаемые полки, веселого и озорного Труффальдино в «Слуге двух господ». То был блеск, то был взрыв покоряющего веселья! В том спектакле ему приходилось носиться по сцене, словно хорошему бегуну на коротких дистанциях. Но он не жалел себя, не берег своего сердца, потому что знал: смех исцелял зрителей душевно, помогал им, дарил необходимый всегда оптимизм... Именно оптимизмом, любовью к жизни и людям были пронизаны и все чудесные позднейшие роли Плотникова, как, например, Тимофей Слива или мастер Сердюк...

Список ролей, сыгранных Плотниковым на вахтанговской сцене, огромен. И все это центральные или очень сложные, крупные роли; назову Василия Шуйского в «Великом государе», Шульгу в «Молодой гвардии», Жавера в «Отверженных»... Но многое, что сыграл Плотников, было лишь как бы подходом к исполнению роли Владимира Ильича Ленина в знаменитой постановке моего отца, Рубена Николаевича Симонова, «Человек с ружьем» Н. Погодина.

Этот спектакль стал событием и в жизни Плотникова и в жизни всего коллектива, всего в целом Вахтанговского театра. Наследуя щукинскую традицию, артист в то же время внес в образ великого вождя много нового, своего, прежде неизведанного. И особенно отчетливо показал он огромное человеческое сердце Ленина. С тем же вдохновением Плотников сыграл вождя и в «Большом Кирилле» И. Сельвинского... И если меня теперь спросят, как же все-таки Плотников

создавал образ Ленина, отвечу всего лишь одним словом: **вдохновенно.**

Именно вдохновенно вскрывал Плотников душу своего великого героя. Вдохновенно показывал Ленина не только как руководителя масс, но прежде всего именно как человека. Как раз эта сложнейшая сторона роли больше всего интересовала Николая Сергеевича. Будучи художником тончайшим, он понимал, что великая человечность В. И. Ленина помогала творить новый мир, создавать основы нового, революционного, коммунистического общества.

Бесконечно любил работать с Плотниковым Рубен Николаевич Симонов, часто советовался с ним, уважал его... Не ошибусь, если скажу, что именно Симонову довелось открыть многогранность Плотникова, помочь становлению драматического и трагического Артиста.

Мне тоже посчастливилось в последние годы много работать с Плотниковым. И скажу честно, я всегда шел на репетиции, где участвовал Николай Сергеевич, прежде всего учиться у Мастера... Пожалуй, именно он, его актерское поведение, весь его облик внушили мне уверенность, что творческая работа — как бы ни была она сложна и серьезна — никогда не опустошает и не утомляет художника, а, напротив, дарит подъем и новые силы... Я счастлив, что работал с Плотниковым во многих спектаклях, всегда уходил с них преображенным. Он был, сам того не ведая, нашим воспитателем, нашим Учителем...

Не могу не сказать, что, едва успев выйти из больницы, совсем незадолго до своей кончины, Николай Сергеевич поспешил сообщить нам, что будет играть все свои спектакли как прежде, и просил ни в коем случае не заменять его...

Таким он и останется жить в нашей памяти — Человек Театра, Мастер, влюбленный в Родину и в искусство.

Евгений СИМОНОВ,
главный режиссер театра имени Евг. Вахтангова

Юрий **ГРИБОВ**

ПОВЕСТЬ О МАЛЕНЬКОЙ ДЕВОЧКЕ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

С Я С Я

ДЕДУШКА И ОРЛИК

Сначала мама поцеловала Олю, потом тетю Лену, свою старую подругу, и, волнуясь, посматривая на часы, сказала торопливым, изменившимся голосом:

— Ну ничего, доберетесь... Тут и езды-то всего ночь одна. Спать сейчас ляжете, а утречком на разъезде дедушка встретит, ему и передашь Олюшку с рук на руки. Не проспите только! Минуты две всего на Лесном кордоне стоянка!..

Выйдя на платформу, мама еще успела постоять немного у раскрытого вагонного окна и помахать рукой. И Оля помахала ладошкой, и тетя Лена. Мама улыбалась, но глаза у нее были влажные от слез. Она вытирала их платочком, зажатым в кулаке. А когда поезд тронулся, Оля, которой тоже вдруг захотелось заплакать, закричала сквозь шум:

— Мама! Мама! А дедушка за мной на Орлике приедет?

— На Орлике, доченька, на Орлике!

Орлик — это большой и красивый конь, на котором Иван Еремеевич, Олин дедушка, объезжает свои лесные владения. Иван Еремеевич работает егерем. Он охраняет птиц и зверей, все живое в лесу. Оля видела Орлика только на фотографии. Дедушка сидит на коне верхом, за спиной у него ружье, а впереди бежит собака Цыган. Орлик не белый и не черный, а буланый.

— Мам, а буланый — это какой? — часто спрашивала Оля.

— Ну это такой, знаешь... Темно-серый вроде... Красивый, в общем... А вот сама увидишь, когда к дедушке приедешь...

Дедушку Оля помнит смутно. Или ей только кажется, что она его помнит. Ей было годика два, когда дедушка приезжал в Москву. Она тогда еще верила, что за дачей на болоте живет страшный бармалей, который посадит ее в мешок, если она не будет есть суп, черный хлеб и кашу. Тогда Оля все пушистое и меховое называла сяся. Погладит мамин воротник или папину шапку и скажет:

— Сяся...

А когда приехал дедушка и взял внучку на руки, Оля вцепилась в его бороду и запела:

— Сяся! Сяся! Сяся!..

— Ах ты, милая моя Сяся!— прослезился дедушка.— Внученька моя дорогая...

С тех пор дедушка и стал в шутку называть Оленьку Сясей. В каждом письме, перечислив все новости, обязательно спрашивал: «А как там поживает моя славная Сяся, когда она приедет ко мне?»

Каждое лето Оля собиралась в гости к дедушке, и каждое лето ей обещали поездку, но все что-то срывалось. То папу в дальнюю командировку ушлют, то маму на работе не отпускают, то саму Олю с детским садиком на дачу отправят...

— Ну уж на тот год обязательно поедешь,— говорил папа, успокаивая Олю.— Все меры приму...

Олин папа служит в милиции. Он капитан. А мама работает в научной библиотеке. У Оли два дедушки и две бабушки. Есть у нее и прабабка. Она живет в городе Костроме на Волге. У дедушки и бабушки московских Оля бывает часто, звонит им вечерами по телефону. Ездила она и в Кострому к бабе Лиде, а вот у дедушки лесного так еще и не побывала...

Как-то прибежала мама в детский садик в середине дня и сказала радостно:

— Ну, Оленька, завтра с тетей Леной поедешь к лесному дедушке. Тете Лене дали путевку на Балтийское море, и она захватит тебя с собой.

— А ты и папа?

— Мы приедем в августе. И портфель тебе привезем. Пойдешь с ним осенью в школу, в первый класс...

И вот Оля с чемоданом и с двумя сумками, в которых лежат городские гостинцы, сидит на вагонной полке и смотрит в окно. Постукивая колесами, поезд мчится в сторону Валдая, в сосновые леса, где живет дедушка, дедуня с бородой, Иван Еремеевич, дедух, дедок. Это Оля так ласково называет своего дедушку, перекладывая конверты и фотографии, присланные в Москву с хутора Рыжики. Мама и папа читают дедушкины письма всегда вслух. Сначала мама читает, потому что лесной дедушка ее папа. А потом Олин папа берет письмо. Они читают и смеются: уж очень забавно про всяких зверюшек дедушка пишет. Потом мама начинает вспоминать, как она жила на хуторе Рыжики, как поехала в Москву поступать в институт и нашла там папу...

— Это я тебя нашел, а не ты меня,— говорит папа.

— Нет, я!— возражает мама.

Они долго спорят, как маленькие, начинают кружиться по комнате и ловить друг друга, а Оля бегает за ними и заливается от смеха. Она очень любит эти дни, когда приходят от дедушки письма. Некоторые из них она знает наизусть и как живого представляет по этим письмам буланого Орлика, черного Цыгана, который сопровождает деда в лесу, лохматого Джека, охраняющего дом, корову Милку, злого гуся Тимофея, рябых куриц, кота Ваську и еще одного кота — Опухлика. В последнем письме дедушка сообщил, что у него живет на чердаке подраненная сова. И лисенок с перебитой ногой, который спит в углу на кухне. У дедушки всегда, зимой и летом, живут какие-нибудь птички и звери, попавшие в беду. Он их находит в лесу и приносит домой, чтобы подлечить, а потом выпустить на волю.

Летит, несется поезд. Подперев щеки кулачками, задумалась Оля, замечталась, а за окном быстро мелькают телеграфные столбы, высокие деревья, коричневые домики путевых обходчиков. Тетя Лена уже расстелила постель, зовет ее спать, а ей и уходить от окна не хочется, так бы все глядела и глядела, пока не стемнеет...

Рано утром поезд приближался к разъезду Лесной кордон. Оля уже умылась, выпила чаю, длинные ее льняные волосы были перевязаны голубой лентой. Как и вчера, из окна виднелись лишь одни сосны, штабеля бревен, кусты ольховника.

— А где же кордон? — спросила Оля, когда поезд совсем сбавил ход и они с тетей Леной вышли в тамбур.— Один лес да лес...

— А кордон, девочка, и есть лес,— засмеялась проводница.— Ты думала тут, как в Москве...

Проводница открыла тяжелую дверь, тряпочкой обмахнула поручни и сошла вниз. А дедушки что-то не было. Оля испугалась, и лицо ее искривилось, готовое заплакать. Держась за тетю Лену, она шагнула на первую ступеньку и тут же увидела дедушку. Вытянув вперед руки и немного прихрамывая, он быстро подходил к вагону.

— Ах ты, Сяся моя милая! — сказал дедушка растроганно и взял Олю в охапку.— Ой, как ты выросла! Совсем уже большая девочка!..

Дедушкина борода щекотала Олино лицо, зеленая егерская его гимнастерка вкусно пахла дымом и свежим сеном.

— Дедуня, а где Орлик? — спросила Оля.

— Орлик? Ишь ты, умница какая, Орлика вспомнила. Стоит Орлик, ждет нас. Попрощайся с тетей, поблагодари ее, да и потопаем помаленьку...

Орлик стоял у переезда, привязанный к сухой березке. Пока Иван Еремеевич укладывал в телегу чемодан и сумки с гостинцами, Оля подошла к лошади поближе и заглянула ей в глаза. Орлик раза три мотнул головой, как бы здороваясь с незнакомой девочкой, и издал губами шумный звук, испугав Олю.

— Не бойся, он ничего, смирный. Можешь и погладить его, если хочешь,— разрешил дедушка.— Погладь его, да и поедем. Через Гумнищи придется крюк делать, это, считай, верст пять лишнего. На прошлой неделе такие дождики лили, что мостик через Окуневку, как щепку, унесло. Вот так-то. Кругом еще сыро, на лошадке только и проедешь к нам в Рыжики...

Иван Еремеевич усадил Олю в телегу на мягкую подстилку, взял вожжи, легонько пошевелил ими, и Орлик резво затрусил по узкой проселочной дороге.

— Может, подремлешь, внученька?— спросил дед, расстилая полушубок.— Или пирожка вот поешь. Бабка завернула для тебя кусок, а я и забыл, старый. С черникой пирог-то, свежий да сладкий...

— Я лучше на лес глядеть буду,— сказала Оля.— Мы с тетей Леной всю ночь спали в вагоне...

— Ну и ладно, коли спали. Но-о-о, Орлик, шевелись! Давай-ка, милок, двигай поживее!

ХУТОР РЫЖИКИ

В хуторе Рыжики пять домов. Раньше это была большая деревня, но в войну фашисты сожгли ее. Года два здесь валялись лишь одни головешки да грустно алели заросли иван-чая по краям пепелищ. Это место хотели уж было распахать под колхозное поле, но когда все ближние боры и урочища сделали государственным заказником, а Ивана Еремеевича, как местного жителя, бывшего партизана и охотника, назначили старшим егерем, он решил возродить Рыжики и построил там первый дом. А потом и другие люди вернулись, и появился на месте деревни хутор, который чаще зовут не Рыжиками, а вот так: «А, это то место, где Еремеич живет...»

Оля увидела Рыжики с пригорка. Все дома, сараи и баньки растянулись по берегу озера, которому, кажется, не было конца. А с других сторон к хутору подступал лес. Когда телега скатилась на травянистую полянку, от крайнего дома выскочили две собаки и понеслись навстречу. Это были Цыган и Джек. Радостно повизгивая, они прыгали, обгоняли Орлика и снова возвращались к телеге.

— Ишь, как встречают! — сказал дедушка.

— А они не кусаются? — спросила Оля.

— Хороших людей собаки не кусают, милая. Стой, Орлик, приехали! Идем-ка, Олюшка, ссажу я тебя. Оп-ля! Вот мы и дома!

Собаки принялись обнюхивать Олю, а Джек даже лизнул ее в ногу, вставал на задние лапы и лез целоваться.

— Да прогони ты их, окаянных, утихомирь! Ведь испугают ребенка!

Это бабушка Варвара Андреевна, беспокоясь, кричала из дверей. Полная и кругленькая, она колобком скатилась с крыльца и прижала к себе Олю, начала причитать и приговаривать:

— Ах ты, тютюленька моя болезная! Устала, поди-ка, да проголодалась! Идем-ка в избу-то скорее!

— Я вот тебе дам тютюленька! — засмеялся дед.— Пусть хоть разомнется девчонка, осмотрится...

Но бабушка и не думала подчиняться деду, захлопотала и засуетилась, и Оля через пять минут уже сидела за столом перед кипящим медным самоваром, перед мисками с блинами и медом, с молоком и сметаной. Уже некуда было ничего и ставить, а бабка еще принесла зеленого лука, на перьях которого поблескивали капельки воды, и чугунок свежей молодой картошки, и теплых домашних пышек.

— Ешь, Оленька, ешь,—приговаривала она.— Потом супчику налью...

В избу к Еремеичу потянулись соседи. Собралось почти все взрослое и детское население Рыжиков: лесник дядя Федя, пенсионер Аким Федотыч с деревянной ногой, бабка Настя с трехлетним внуком Сережей, девочка Наташа, которая уже перешла в четвертый класс, ее брат Костя, октябренок, пятилетний Лёник, сынишка дорожного мастера. Даже Джек, постояв для приличия немного в сенях, вошел в комнату и лег посреди пола, вытянув лапы. Бабушка всем отрезала пирога, налила чаю, а Оля раздала детям городские гостинцы.

— Вот что значит москвичка, по-культурному всех угостила,— похвалил Олю лесник дядя Федя.— Это сколько же, Еремеич, ей будет годков?

— А ты ее сам спроси.

— Мне седьмой год,— сказала Оля.— Я в школу скоро пойду. Я уже все буквы знаю и считать умею хоть до тыщи!

— И я умею считать! — подбежал к Оле Лёник.— До десяти умею! И дальше!

— А я знаю, как яблоко по-немецки называется,— сказал Костя.— Апфель, вот как!

— Аким Федотыч, еще чайку-то чашечку,— предложила бабушка.— Вот варенье крыжовенное...

— Наливай, Андреевна, выпью. Все у тебя, понимаешь, аппетитное, не хочешь, да поешь. Значит, московской внучке леса наши хотите показать? Дело полезное. А то ведь городские-то дети поди-ка ох как избалованные да изнеженные...

— Не совсем так, Аким,— сказал Иван Еремеевич.

— А что не так-то? Корову только по телевизору видят, не знают, на чем малина растет, гриба живого не нюхали...

— Телевизоры во всех деревнях теперь есть, дело не в этом. А вот чтобы ребятишки знали, откуда хлеб берется,— это полезно, ты прав. Да и сами бы с малолетства умели кое-что делать — это тоже в жизни не помешает. Олю хотели в какой-то там детский санаторий отправить, а я им не посоветовал, две телеграммы отбил, чтобы сюда везли, и никаких!

— Правильно, Еремеич! — поддержал дядя Федя.— Внучка у вас вроде послушная.

— Это мы еще поглядим, какая она.— Иван Еремеевич метнул строгий взгляд в сторону бабушки и добавил: — Тютеленьки да пусёночки — с этим надо кончать!

— Так ведь жалко-о-о! — пропела бабка.— Кровиночку-то ненаглядную жалко-о-о!..

— Вот-вот, так и балуем. А потом, понимаешь ли, охаем...

Иван Еремеевич заглянул за самовар, где только что сидела Оля, и не увидел ее там. И других детей в избе не было. Лёник залез под стол и заманил туда Олю. Потом ребята потихоньку один за другим вышли в сени, поиграли там немного и выбежали на улицу.

— А где же Оленька-то? — встрепенулась бабка.— Матушки вы мои родные! Это что же делается? Не успела приехать, не евши, не пивши, и на вот тебе — укатила! Надо искать!

— Да сиди ты! — сказал Иван Еремеевич.— Ну чего при гостях-то всполошилась?

Уговоры на бабку не подействовали. Сокрушенно охая, завязывая на ходу платок, она побежала за сарай, к берегу озера, где обычно играли хуторские дети.

ПРОДЕЛКИ ОПУХЛИКА

Не прошло и недели, а Оля в Рыжиках уже была как своя. Все к ней привыкли, и она узнала всех. А с ребятами подружилась. Вместе с ними ходила купаться на песчаную отмель, играла у Наташи в палисаднике. Наташе Оля подарила скакалку, Лёнику — увеличительное стекло от сломанного папиного фотоаппарата, а Косте — красный карандаш, который называется фломастером. Сереже дарить было нечего. Да он и не просил ничего, потому что был еще маленький. Появились и у Оли деревенские игрушки: копилка из коровьего рога, камышовая свистулька и бумажный змей, сделанный Наташей еще в школе. Бегала она босиком, как и все дети, исцарапала руки и ноги в кустах шиповника, ужалила ее пчела, искусали комары, и бабушка, смазывая ссадины зеленкой, прикладывая к ним прохладные листики подорожника, чуть ли не плакала:

— Ай, ай! Мать-то бы с отцом на тебя, сердешную, поглядели! Это же надо так исхлестаться! Вот напишу в Москву-то письмо да все в нем и выложу!..

Спала Оля на бабушкиной кровати в маленькой боковой комнате. Каждое утро ее будило солнышко, которое заглядывало прямо в окно. И каждое утро она видела кота Опухлика, лежащего на коврике у сундука. Опухлик жмурился от ярких лучей и блаженно мурлыкал.

— Бабушка, а почему он Опухлик? — спросила как-то Оля.

— Лентяй он. Спит и спит, аж опух ото сна, вот потому и Опухлик. Васька по всему хутору носится, мышей в сарае ловит, а этот лежебока.

После завтрака Оля кормит кур. Она видела, как это делает бабушка, и все запомнила. Совочком из мешка насыпала в чашку дробленое зерно, выходила к воротам и кричала:

— Цып! Цып! Цып!

Из-за поленницы дров, из лопухов и крапивы, от завалинки быстро сбегались рябые крупные куры, и Оля горстью разбрасывала корм. Кур было восемнадцать, а петух один. Но зато каков красавец: гребень налит кровью, на лапах шпоры, грудь колесом, важный такой, задиристый, как и гусь Тимофей. Тимофея во дворе не было. Он увел свое гусиное стадо на озеро. И коровы Милки не было и Орлика. Милка паслась на лугу за дорогой, а на Орлике дедушка уехал охранять заказник. Вчера вечером кто-то стрелял на островке у залива, и дедушка, взяв ружье и отвязав Цыгана, тут же и ускакал ловить нарушителей.

— На всю ночь теперь пропадет, а то и на сутки,— вздохнула бабушка.— Хулиганья-то по лесам да рекам развелось нынче — удержу нет...

Пришел вскоре Лёник, позвал Олю играть в учительницу и учеников. Учительницей была Наташа. Она всех детей усадила за стол в палисаднике, перед каждым положила листок бумаги, карандаш и стала давать задания. Костя, закончивший первый класс, должен был решить задачку, Лёник нарисовать петуха, Сережа солнышко и дерево, а Оля написать три слова: «мама», «дом» и «луна». И еще Оле предстояло прочитать вслух страничку из букваря.

— А можно я лучше стихотворение расскажу? — поднял руку Лёник.

— В школе не разрешается делать чего хочешь,— строго сказала Наташа и постучала кулачком по столу.— Торопитесь, дети! Сейчас я буду выставлять вам отметки!

Отметки были у всех хорошие. Только Костя получил двойку. Увидя на своем листке эту страшную цифру, Костя заплакал:

— Мы такую задачку не проходили... Ты не умеешь учить! Завтра я сам буду учителем...

Заплакал и Сережа, потому что Лёник сломал у него карандаш. Тогда Наташа объявила перемену и предложила:

— Давайте рыбу ловить! А ну, пошли все дружно!

— А я не умею ловить рыбу,— тихо сказала Оля.

— Это ничего, сейчас научишься. Вот Лёник тебе покажет. А ты, Сережа, будешь караулить наш улов...

На озере дети разошлись по разным местам. Наташа забралась на упавшую ветлу, Лёник встал рядом с камышами, а Костя с Олей ловили с деревянной лавы, где бабушка стирает белье. Оля сама, под присмотром Кости, надела на крючок червячка и забросила леску. Грузило утонуло, и поплавок замер на месте...

Первую рыбину вытащил Лёник, потом поймали по ершу Наташа с Костей, а у Оли ничего не было. Ей уже надоело держать длинное удилище, и она стала следить не за поплавком, а за стрекозами, которые красиво, как вертолетики, висели над тихой и чистой водой.

— У тебя же клюет! — закричал Костя, и Оля, вздрогнув, чувствуя, как заколотилось в ее груди сердце, потащила на себя удилище, и на теплые доски лавы мягко шлепнулся крупный окунь. Оля схватила окуня и, не снимая с крючка, взяв удилище, что есть мочи побежала к дому, выкрикивая на ходу:

— Рыбина! Рыбина! Я поймала рыбину!

Растрепанная, радостная, влетела она в избу, перепугав бабушку.

— Бабуня, бабуня, гляди! Это я поймала! Я сама поймала!

— Тютюленька, милая моя! — застонала бабушка.— Сама поймала! Ах ты, моя умница! О крючок-от, гляди, не уколись! Дай-кась я сниму. Ишь, какой окунище! Прямо генерал! Так и вырывается...

У бабушки ничего не получилось, и Оля сама принялась освобождать рыбину. Она не заметила, как Опухлик, разбуженный шумом, подкрался от сундука, подпрыгнул, схватил окуня и уволок его под кровать.

— Ай! — воскликнула Оля и залилась слезами. Она с силой дернула за леску. И на полу показались свинцовое грузило, крючок, а окуня не было. Оля заглянула под кровать и расплакалась еще больше: Опухлик, угрожающе урча, терзал окуня зубами и лапами.

— Дай сюда! Дай сюда! — потянулась Оля рукой. Но Опухлик, царапнув ее за пальцы, забился в самый угол.

— Бабушка, он дерется! Он меня царапнул!

— Ах ты, разбойник бессовестный! — топнув ногой, заругалась бабка.— Вот тебе и тихоня, вот тебе и сонуля! Ну, погоди ужо!

Она подняла Олю с пола и, увидя на ее руке кровь, принялась скорее искать лекарство, смазала Олины пальцы. А слезы у Оли так и лились, не переставая. Плакала она не от боли, ей жалко было своего окуня.

— Завтра еще поймаешь, лапушка ты моя сладкая,— успокаивала ее бабка.

— А я сейчас хочу ловить! И Лёник, и Наташа, и Костя, все они ловят, и я хочу!

Взяв удочку, Оля убежала на озеро. Ребята уже поджидали ее. Она встала на старое место, на лаве. Костя молча пододвинул ей босой ногой банку с червями: насаживай, мол, и забрасывай, да потише, на рыбалке разговаривать нельзя...

Клев был хороший. Оля поймала пять окуней и три ерша. В ведерке с водой она принесла рыбу домой. И ерши и окуни были еще живые.

— Ах ты, батюшки мои! — радостно всплеснула руками бабка, увидя Олин улов.— Вот мама-то бы поглядела! Сейчас уху будем варить...

Оля помогала мыть картошку, принесла с грядки укропа и моркови. Когда уха доваривалась, приехал дедушка. Оля выскочила на крыльцо и, торопясь, глотая слова, стала рассказывать, как Опухлик съел окуня, оцарапал ей палец и как потом она поймала еще пять окуней и три ерша, из которых бабушка варит уху. Дедушка раза три подбросил Олю вверх, пощекотал ее своей колючей бородой и стал снимать в сенях сапоги. Потом они сели за стол, и бабушка налила ухи. По комнате пошел такой вкусный запах, что дедушка, посмеиваясь, потер ладонью о ладонь и сказал:

— А ну-ка, попробуем Олину уху!..

Уха всем понравилась. А больше всего Оле. Она съела целую миску. С черным хлебом и с луком.

А Опухлик как ни в чем не бывало лежал у сундука и мурлыкал, прикрыв свои хитрые сонные глаза.

Окончание следует.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

1 ПЕРВАЯ ЭЛЕКТРОСТАЛЬ ДОНБАССА

ДОНЕЦК

Огненная река индустриального Донбасса пополнилась еще одним на диво чистым и звонким ручьем. Электросталь!.. На старейшем металлургическом предприятии края, Донецком заводе имени В. И. Ленина, набирает мощность самый современный высокомеханизированный и автоматизированный цех. При его проектировании были учтены последние достижения отечественной и зарубежной электрометаллургии. И теперь радуют глаз сталеваров огромные, светлые пролеты, изящные, несмотря на свою 100-тонную емкость, мощные электродуговые печи — они качаются на стальных «лапах» и в момент плавки удивительно преображают своим теплым оранжевым светом все вокруг.

Донецкий завод имени В. И. Ленина и раньше славился отличным металлом. Его мартеновский цех специализируется на выплавке высококачественных сталей, и не случайно он стал инициатором движения «За лучшую в мире сталь». Это движение, кстати, нашло широкую поддержку на металлургических предприятиях Украины и всей страны. С вводом в строй первенца электрометаллургии Донбасса марка донецкой стали еще более укрепила свой авторитет.

У электрической печи перед мартеновской большие преимущества: быстрее протекает ход плавки, лучше условия труда, меньше загрязняется атмосфера. А металл, выплавляемый в ней, способен противостоять огромным нагрузкам и коррозии. Новый цех в основном и предназначен для производства особой шарикоподшипниковой стали, изделия из которой уже несут надежную службу на автомобилях ВАЗа и КамАЗа, комбайнах «Ростсельмаша», на многих других машинах.

Ныне, в год 325-летия воссоединения Украины с Россией, нельзя не отметить, что первая электросталь Донбасса была выдана при помощи металлургов братской России. Вот сталевар Владимир Иванович Иванов, один из опытнейших мастеров огненных плавок. До приезда в Донецк он работал в Челябинске. На Урале, в Волгограде и Липецке трудились сталевары Ю. Ф. Лобанков, В. Т. Насыров, В. Г. Авдеев, которые сейчас выдают донецкую электросталь и щедро делятся своим опытом с местными металлургами.

М. БЕРЕЖНОЙ

На снимке: идет сталь!
Фото В. Гончарова, газета «Социалистический Донбасс»

2 ПРИЯТНОГО ЧАЕПИТИЯ!

ЛЕНКОРАНЬ

Сказать, что в Ленкорани, на родине азербайджанского чая, любят этот ароматный напиток, значит ничего не сказать. Без чая здесь просто не могут жить. Под развесистыми шатрами деревьев, в каждом квартале, во всех садах и парках раскинулись уютные чайные, где гостей угощают терпким байховым чаем, приготовленным по особому рецепту, известному, пожалуй, только ленкоранцам.

Нынче в столице азербайджанского чая — так часто называют Ленкорань — началось строительство первого в республике Дома чая. Его автор архитектор Севиль Гусейнова придала Дому чая образ сказочного восьмигранного замка. Легкий и воздушный, нарядный и приветливый, он облицован азербайджанским травертином светлых тонов с добавлением мраморной крошки и слюды. В магазине, что откроется на первом этаже, покупателям предложат широкий ассортимент фирменного чая, выпускаемого тремя ленкоранскими фабриками, а также кондитерские изделия и восточные сласти собственного приготовления.

Поднявшись наверх по винтовой мраморной лестнице, гости попадут в любой из трех залов: дегустационный, восточных сластей, праздничный — они разделены ажурными решетками из анодированного алюминия.

В центре второго этажа весело запоют медные самовары. Отсюда чайчи будут разносить душистый напиток, разлитый в маленькие стаканчики-армуды, напоминающие по форме груши. Знатоки утверждают, что в них чай вкуснее, да и пить его из такого стакана одно удовольствие. В летнее время можно будет погонять чай и на плоской крыше, окруженной садом, и на балконах второго этажа.

Г. ПОГОСОВ

На снимке: таким будет Дом чая в Ленкорани.

3 СПОРТИВНУЮ ФОРМУ ОПРЕДЕЛЯЕТ ЭВМ

МОСКВА

По бокам хоккейной площадки Дворца спорта «Динамо» расставлены лазеры и счетчики импульсов. На льду молодежный состав сборной страны под руководством старшего тренера В. Давыдова отрабатывает бег «змейкой», рывок с ускорением и другие приемы. Из-за щитов ограждения за хоккеистами внимательно наблюдают старшие научные сотрудники Центрального института физкультуры Вячеслав Зайцев и Леонид Райцин...

Через полтора часа мы с Леонидом сели в автомашину и повезли исходные данные на кафедру биомеханики Центрального института физкультуры. Здесь в лаборатории биомеханики за мини-ЭВМ трудится Сергей Алешинский, выпускник мехмата МГУ, кандидат физико-математических наук. Он-то и придумал, как переводить на язык цифр то, что происходит на хоккейной площадке. Составленная им программа — одни из элементов большой работы, проводимой кафедрой профессора В. М. Зациорского.

Учеными кафедры уже закончена проверка информативности метода, при помощи которого определяется физическая готовность спортсмена. Старший тренер московского «Динамо» В. Юрзинов прислал в институт акт о его внедрении. У самого популярного вида спорта, кажется, появились объективные комплексные критерии готовности спортсмена к игре.

— Самое главное для тренера — знать, кто в какой форме,— считает наставник молодежной сборной В. Давыдов,— чтобы правильно спланировать учебно-тренировочный процесс на любом этапе подготовки команды. Хочу отметить, что бригада помогающих нам ученых внесла ощутимый вклад в успех хоккейной молодежной сборной на минувшем чемпионате мира. После тестирования нам дали развернутую картину физических и функциональных возможностей каждого игрока, и мы точно знали, с кем как работать. Вот если бы иметь вычислительную машину с более солидной памятью! Тогда команда имела бы не только результаты сегодняшнего обследования, но мы могли бы сравнить их с результатами хоккеиста в прошлом сезоне, с его лучшими показателями.

...Спортсмены бегали от одной приборной станции до другой, лазерный луч фиксировал всю гамму перемещений. А вычислительная машина ставила «диагноз», и если надо — для большей надежности — даже вычерчивала профили, указывающие спортсмену, что именно он сделал неудачно в том или ином упражнении.

М. КАЗАКОВ

На снимке: с помощью лазера Л. Райцин определяет спортивную форму хоккеистов «Динамо».

Фото Р. Максимова

ВСТРЕЧА С ДИНОМ РИДОМ

4 Недавно вместе с композитором Людмилой Лядовой мы написали песню навстречу Олимпиаде-80 и подарили ее популярному американскому певцу Дину Риду.

Дин прислал из Берлина теплое ответное письмо и свою фотографию с автографом. «Благодарю за песню, которая мне очень понравилась,— писал Дин Рид.— Уверен, что песня послужит тому духу братства на Московских Олимпийских играх, которого мы все так горячо желаем!»

А в первых числах нового, 1979 года мне довелось встретиться с Ридом в номере гостиницы «Россия».

До этого мы только обменивались письмами, видел я его по телевидению да еще из амфитеатра переполненного концертного зала...

Мы говорили о мире, о борьбе за лучшее будущее для всех людей на земле. Беседовали о творчестве. Советским людям хорошо известны песни Рида, призывающие к борьбе за освобождение угнетенных. Дин Рид на себе испытал всю жестокость и бесчеловечность капиталистического общества. Власть имущие неоднократно бросали его за решетку, последний раз — в штате Миннесота, США. Весь мир был возмущен этим актом беззакония. Советский Союз выразил решительный протест против этого произвола американских властей. И вот Дин Рид снова на свободе — вновь зазвучали его песни!

«Сегодня я приехал в вашу страну, чтобы поблагодарить советскую молодежь, всех советских людей за солидарность, которая помогла мне и моим друзьям из Миннесоты вырваться из тюремных застенков! Мы победим! — сказал он взволнованно, когда мы прощались.— Мы должны жить в мире и дружбе. Наши песни будут звучать!»

И. МИХАЙЛУСЕНКО

5 РЕЦЕПТ СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА

МОСКВА

С какого дня и года ведет свой счет наука о еде? С чего она началась? С первой лепешки, испеченной на раскаленных камнях? С древнего, давно забытого ухвата? А может, с правил застольного этикета, изданных еще при Петре I? Вот они перед нами, эти правила... Во всяком случае, русская кухня насчитывает не менее тысячи лет...

Не ищите в справочниках адрес этого музея: Московский музей общественного питания открылся совсем недавно. Однако он организовал уже немало консультаций для работников общепита, немало провел конференций, лекций. Музеем руководит Николай Васильевич Коршунов, специалист по вопросам организации обслуживания и застольного этикета, в недавнем прошлом директор ресторана «Советский», автор книг и учебников, заслуженный работник торговли РСФСР.

В экспозиции музея много интересного — в том числе и петровский указ о праздновании Нового года (датирован он 1699 годом). За стеклянными витринами — чугуны и фарфоровые сервизы, ухваты и объемистые горшки, глиняные тарелки... Часть их попала сюда не из ресторана или столовой, а из Зарядья, их нашли во время раскопок. Уже сейчас в музее сотни экспонатов. И число их растет.

В небольших залах — вся история формировавшейся веками русской застольной культуры. А новые строки этой истории пишутся в наши дни. От экспонатов, связанных с существованием русских ресторанов — «Славянского базара», «Яра», «Гранд-отеля», до фотографий первой советской фабрики-кухни; от снаряжения разносчиков горячего сбитня — до интерьеров современных точек общественного питания; от тяжеловесной утвари из барского особняка — до оснащения современной походной кухни. Такое обилие всего, что не сразу угадаешь назначение бесконечного количества предметов поварского дела.

Заполняется экспонатами и зал, отражающий подготовку к Олимпиаде-80. Здесь детали оформления и интерьеров, посуда, упаковочные материалы — словом, все о сервисе Олимпиады.

Значение музея? Определишь ли его лучше, чем это сделала одна из посетительниц музея, оставив в книге отзывов запись: «Как хорошо, что я стала поваром».

К. ФЕДОРОВА

На снимке: Н. В. Коршунов ведет экскурсию.

Фото И. Гаврилова

6 ЧТО УМЕЕТ КНИГА

МУРМАНСК

Маленькому мурманчанину стало плохо. Симптомы болезни оказались незнакомы врачам. И тогда на помощь пришла... книга. Пока «Скорая» ждала у подъезда, сотрудники зала медицинской литературы областной научной библиотеки разыскали описание подобного случая. Малыш был спасен!

...Теплом дышат стены с деревянной мозаикой. Назло полярной ночи цветет зимний сад. В вестибюле по-домашнему уютно мерцает телевизор.

— Полторы тысячи посетителей в день! — с гордостью сообщила директор Вера Николаевна Попова. — А всего записано сорок две тысячи читателей, практически каждый десятый житель города.

За дверью приглушенно звучит фортепьяно. Первокурсницы музыкального училища Лена Старшинова и Света Анисимова разучивали клавир арии Сюзанны из моцартовской «Свадьбы Фигаро».

— Домашние задания всегда готовим здесь! — дружно заявили будущие пианистки. — Тут инструмент, ноты, богатая фонотека! И вообще здесь интересно. А какие бывают творческие вечера писателей и артистов, выставки художников!

— Книги ищут читателя. Это наш главный принцип, — говорит В. Н. Попова. — Разъездные пункты выдачи книг, выставки на заводах, передачи по местному телевидению. И все это ради того, чтобы миллион триста тысяч томов были не просто «единицами хранения», а работали с полной отдачей. Результаты, как говорится, не замедлили сказаться — в прошлом году на конкурсе библиотек Российской Федерации наша заняла второе место.

Потом мы ходили по залам, хранилищам, я с трепетом брал в руки старые книги. А вот и главное богатство библиотеки — самый полный в стране каталог литературы о северном крае.

Б. ЛАБУТИН

1

2

3

4

5

6

Сцена из спектакля. Фото М. Строкова

ВЕРНОСТЬ СЕБЕ

премьера

Об искусстве жить достойно рассказывает новая пьеса Имрана Касумова «Мы так недолго живем», поставленная на сцене Театра имени Гоголя режиссером Я. Циционовским. Дав пьесе это название, автор ввел в действие героев, старшему из которых, ни много ни мало, сто пятьдесят лет. Но здесь нет противоречия: жизнь всегда будет казаться человеку короткой. И главным в ней всегда останется не то, сколько лет ты прожил, а как ты прожил отпущенные тебе годы, утверждают создатели спектакля.

Мысль эта варьируется в литературе примерно столько же лет, сколько существует человечество. Но актуальность самой мысли для искусства до сих пор не утрачена. Ведь искусство — это не свод правил, раз и навсегда установленных и объясняющих «непросвещенному» по мере надобности, что такое хорошо и что такое плохо. Бытие наше многообразно; и главное в нем то, что, руководствуясь опытом предыдущих поколений, человек тем не менее хочет все постичь сам, дотронуться до жизни своими руками...

Перед нами на сцене три поколения семьи Мамедали. Он сам, Мамедали,— кузнец 150 лет, Гусейн, его внук, портовый грузчик, 85 лет. И, наконец, Ариф, внук Гусейна,— капитан-спасатель, ему 24 года.

Одна из главных удач спектакля — Мамедали в исполнении артиста В. Гилинова. В его герое нет ничего подчеркнуто-старческого, но есть открытое доверие к миру. Доверие, на которое способны только дети и старики. Первые, потому что не знают жизни, вторые, потому что уже знакомы с ней... Мамедали, несомненно, есть главная удача и автора пьесы: образ старого горца, созданный Касумовым, приобрел черты подлинно человеческие, безусловно, преодолев традицию либо вовсе анекдотического, либо снисходительно-небрежного изображения долгожителя.

Драматург любуется своим стариком. Тот умен и чуть хитроват, насмешлив и добр, честен и горд... И горд не тем, что жил во времена Пушкина, а тем, что во всей округе нет лошади, подкованной другим кузнецом. Мамедали нравится жить. Он все делает с удовольствием: и чай пьет, и огонь в своей кузнице разжигает, и внука, которому девятый десяток, идет, воспитывает тоже с удовольствием.

Гусейн артиста Л. Семенова — человек, как он говорит о себе, проживший полжизни с «грузом», то есть проработавший грузчиком. Зато вторую половину своей жизни он собирается прожить уже без груза. Но когда его дед упрекает: мол, рановато на пенсию ушел, мог бы и еще поработать, я тебя на шестьдесят лет старше, а до сих пор без кузницы не могу,— Гусейн задумывается: а может, старый Мамедали прав?!

Сюжетно в центре спектакля находится судьба Арифа, внука Гусейна. На долю Арифа выпала самая трудная задача: быть рупором идей. И порой эти идеи исполнителем декларируются несколько прямолинейно. Потому Ариф воспринимается несколько односторонне. Впрочем, несомненно и другое: основным в судьбе Мамедали, Гусейна, как и в судьбе Арифа, остается дело. Оно составляет смысл существования героев. И с этой точки зрения Ариф автору вполне удался.

В последние годы расхожим стал герой, много и бурно переживающий, но занимающийся чем-то неопределенным. Заслуга создателей спектакля в том, что и Ариф, как и его дед, как дед его деда,— **люди своего дела.**

Старый Гусейн возвращается на работу в порт. Мамедали бежит из города к себе в кузницу. Ариф же после совершенного им геройского поступка вместо того, чтобы устроиться на тепленькое местечко, как ему предлагают, становится капитаном спасательного судна... У каждого возраста своя мудрость. И мудрость двадцатичетырехлетнего Арифа в какой-то момент становится необходимой даже его деду и его прапрадеду: оба старика тоже возвращаются к своему делу.

В спектакле немало актерских удач. Очень интересна Н. Кулинкина в роли Нуриды. Актриса нигде не утрирует бездушие, расчетливость своей героини; она равнодушна и скучна с влюбленным в нее Арифом, кокетлива и нежна с Кямилем: человек «нужный», со связями.

В спектакле вообще нет лучезарно-хороших и злодейски-плохих персонажей: герои — живые люди, со своими неудачами, радостями, привычками, чудачествами... Создатели спектакля намеренно ничего не усложняют: вот дворик старого Баку, вот его обитатели... Порой не все в их жизни идет ровно и гладко, но ведь счастье не в новой машине или дорогом кольце, а в честности, верности себе... И с этой доброй мыслью мы покидаем зрительный зал.

Л. ЛУКЬЯНОВА

С. КАЛИНИЧЕВ

ДВЕ Р

Говорят, что автомобилист радуется дважды: первый раз, когда покупает машину, второй раз, когда ее... продает.

Не так давно в одной из киевских газет появилась статья обозревателя Радиотелеграфного агентства Украины «Вы купили машину». Речь шла в ней о некоторых проблемах автосервиса: «Вы купили машину, и вот она, поблескивая свежей эмалью, торжественно въезжает во двор... А на следующее утро к вам приходит сотрудник жэка и без лишних эмоций сообщает, что машину держать во дворе не разрешается: для этого существуют стоянки».

В общем, все правильно. Из жизни. Далее в большой, насыщенной фактами статье автор не вспоминает сотрудника жэка, тем самым подтверждая его правоту и неправомочность действий автовладельца, оставившего машину во дворе на ночь. «Нельзя,— солидно говорит дворник, — вот даже в газетах об этом пишут — не разрешается!» Простите, а куда же ее девать? Гаража у вас, небось, еще нет. И тут уж действительно все по правилам: у кого нет машины, того даже в очередь на вступление в гаражный кооператив не берут. Вот когда купите, тогда и вступите, а в гараж въедете в лучшем случае через два-три года.

Правда, на открытую платную стоянку можно (по идее) отвести машину хоть сегодня. А практически?

Давайте разберемся в некоторых цифрах. В Киеве, как мне подсказал председатель городского совета автомотолюбителей Михаил Кондратьевич Лавринчук, зарегистрировано около 58 тысяч частных автомобилей и 20 тысяч мотоциклов. Кроме того, 10 тысяч киевлян (минимальная цифра) имеют в постоянном пользовании автомобили, зарегистрированные в других областях и районах. Вот и получается общая цифра больше 80 тысяч автомотоединиц. А гаражами обеспечены 30 тысяч. Есть еще 10 тысяч мест на платных стоянках под открытым небом. И как ни крути, как ни верти, каждый второй автомобиль или мотоцикл остается во дворе. Поэтому запрет сотрудника жэка или неза-

конный, или невыполнимый — считай, как хочешь. Над такой ситуацией можно даже посмеяться, пока она не заденет тебя лично.

Мы с приятелем договорились съездить в Чернигов по важному делу. В семь утра он должен был ждать меня на улице в условленном месте. В половине седьмого спускаюсь во двор, подхожу к машине и замечаю записку. Читаю: «Ваши номерные знаки находятся в ГАИ Зализничного района. Сняты в 1 час. 40 мин. ночи». Перевожу взгляд на машину — номеров нет.

А сверху моросит. Мой знакомый будет ждать, а он только недавно перенес грипп. Минут двадцать безуспешно пытаюсь поймать такси. Бегу в метро. Без двадцати восемь нахожу расстроенного приятеля, чтобы сообщить: поездка не состоится.

— Что вы мне все это рассказываете! Называйте адрес, номер своей машины и пишите объяснение. Вон их у меня сколько навалено,— сказал майор ГАИ, скосив глаза в угол, где лежала целая куча автомобильных номеров, снятых нынешней ночью.

Это свидетельства человеческих драм. Мой сосед-врач в то утро не попал к больному, а в коридоре той же Зализничной ГАИ Киева кто-то сокрушался, что не смог отвезти жену в аэропорт и она опоздала на самолет.

Я попросил майора назвать документ — постановление или закон, на основании которых запрещалось оставлять машину на ночь во дворе.

— Ему еще закон нужен! — воскликнул присутствующий при разговоре парень, по всей вероятности, инспектор-общественник.— В хороших домах с балкона польют кое-что на крышу твоего автомобиля, чтобы краска облезла, отдашь двести рублей за перекраску — и больше не будешь машину во дворе оставлять.

Но мне очень хотелось знать, за что меня столь сурово наказали,— не состоялась поездка, подвел приятеля, испортил себе весь день. Пошел в прокуратуру. Первый заместитель прокурора Киева Виктор Владиславович Цихоцкий с грустной улыбкой выслушал меня и сказал, что наведет необходимые справки и что мне следует позвонить ему завтра. А когда я позвонил, ответил:

— Самодеятельность! Законоположений, которые запрещали бы держать машину во дворе, нет.

Очевидно, я нарушил правила дорожного движения. Там в сотом параграфе сказано, что нельзя оставлять машину в местах, где она может помешать движению других машин и пешеходов. Очевидно, в углу двора, где она стояла, в ту злополучную ночь между часом и двумя движение пешеходов было особенно интенсивным...

Конечно, никто не станет ратовать за то, чтобы согнать во дворы все частные автомобили. «Дворовая автобаза» доставляет много огорчений жильцам. Это общеизвестная истина. Значит, надо строить гаражи, а пока их не хватает, терпимее относиться к стоящему во дворе автомобилю, может быть, очертить для него два квадратных метра в углу двора, чтобы знал свое место и держал его в чистоте. Но, по идее, человек вначале должен купить гараж, а потом автомобиль. Ведь никому из нас не приходит в голову купить снова входящий в моду пузатый комод, поставить его в коммунальном коридоре и ждать несколько лет, пока получишь отдельную квартиру!

Почему это происходит? Неужели автомобилисту так удобно ставить машину во дворе, что он не хочет строить гараж? Хочет. В каждом районе тысячи желающих готовы сегодня же уплатить деньги и вступить в гаражно-строительный кооператив. Люди сегодня же готовы оплатить стоимость гаража наличными, чтобы через два-три года въехать в него и не нервировать сотрудника жэка, а заодно и майора ГАИ.

Но не берут у них эти деньги. Не могут взять. Причин тут несколько. Прежде всего в городе мало свободных площадей. Что же, владелец машины готов ездить в свой гараж на такси. И горисполком площадки находит. Это, как правило, крутые склоны или болота. Труднее найти желающих и умеющих строить. Но и их удается найти. Только одного пока отыскать никому не удалось — соответствующую строку в планах по строительству. А поскольку никакому тресту или стройуправлению возведение кооперативных гаражей годовыми планами не предписано, то и негде купить материалы, конструкции, получить наряд на подъемный кран или бульдозер.

А как же все-таки строят? Да так... Первый вопрос, который задает председатель кооператива любому желающему вступить в него:

— Что вы можете достать? Панели можете? А кирпича с полмиллиона? Хорошо, не это, а экскаватор хоть на неделю достать можете? Да вы не беспокойтесь, все будет оплачено по госцене, точно в срок. Надо лишь, чтобы выделили без нарядов, за счет внутренних резервов.

И это продолжается уже много лет. И каждый год «за счет внутренних резервов» осваиваются миллионы и миллионы рублей.

Не спорим: у наших строителей забот, как говорят, выше крыши. Без дела они не стоят. Известно, стройматериалов нет лишних, ненужных. Цемент, щебенка, кирпич в излишках не числятся. А строительная техника плановой работой обеспечена на год вперед. И все же в Киеве несколько тысяч гаражных боксов за год каким-то образом появляются. И возводятся они не из воздуха, а из того же кирпича, цемента, бетонных панелей, возводятся на 99 процентов руками профессиональных строителей, с использованием кранов и экскаваторов, запланированных на какие-то иные объекты.

Так не лучше ли ввести это дело в государственное русло — записать в план какому-то тресту, стройуправлению. Многие знают, как нелегко порой предприятиям тяжелой промышленности открывать цеха ширпотреба, придумывая копеечный консервооткрыватель или электрическую зубную щетку. Но плановые органы тут непреклонны, они требуют, чтобы каждое предприятие хоть чем-то обогащало товарный рынок, чтобы деньги, получаемые трудящимися, имели реальное обеспечение. Это понятно. Почему же не планируется производство такого товара народного потребления, как гараж? (Имеется в виду гараж, в который можно въехать, а не железная коробка без места.) Это не копейки и даже не рубли, только по Киеву «выручка» от их продажи может составить 10—20 миллионов рублей в год!

При этом надо строить капитально: многоэтажные, подземные, красиво оформленные гаражи. А то ведь одноэтажные — ленточного типа, вкривь и вкось лепящиеся по пустырям, непостижимым образом проникающие на «ничейные земли» — напоминают сыпь на теле города.

И не надо считать «машино-местом» полоску асфальта на платной стоянке. Автомобиль на такой стоянке все равно что беспризорник. Его там ни помыть, ни колесо подремонтировать, ни тем более заменить масло в двигателе. Не удивительно, что в окрестностях Киева возле каждой речушки, которой выпало несчастье пересечься с дорогой, возле лесного озерка или пруда часто можно видеть автотабор: младшие домочадцы в ведрах носят воду, а главы семей, подвернув штанины, моют мехконей, меняют масло, выливают на живописные луга и поляны «отработку». А что делать, если ни на одном из въездов в город нет мойки, где ты мог бы уплатить, сколько положено, взять шланг и сполоснуть свой лимузин после дальней дороги? Или дать рубль служителю и попросить его сделать это?

Все, конечно, легко устраивается, если частник нахал. Он во дворе разбирает двигатель и в ответ на замечание угрожающе поднимет монтировку. А если он обыкновенный скромный человек? Со двора его сгонят, в лесу оштрафуют, на речке купающиеся отругают, автоинспектор в ночи свинтит номера... Тогда он отведет автомобиль в комиссионный магазин и возрадуется во второй раз за те же деньги.

Однако расстаться с машиной не каждый может себе позволить. Известные сатирики еще до войны утверждали, что автомобиль не роскошь. Для некоторых он суровая необходимость, тот тяжкий крест, который надо нести до конца дней своих. И несут, даже с удовольствием. Особенно те, у кого есть гаражи.

Киев.

Редакция попросила Аркадия Евгеньевича Фролова, заместителя председателя Киевского горисполкома, прокомментировать эту статью. Все, что связано с возведением кооперативных гаражей, в числе других дел входит в его непосредственную компетенцию. Вот что он сказал:

— За последние два года я не помню заседания исполкома, на котором бы мы не отводили площадку или не прирезали участки под кооперативные гаражи. Из тридцати тысяч боксов, которые ныне имеются в кооперативных гаражах Киева, более половины построены за последние два года. Мы ставим задачу до конца пятилетки обеспечить постоянным местом стоянки 50 тысяч автомобилей индивидуальных владельцев. Надеемся, что эта проблема в следующей пятилетке будет в основном решена.

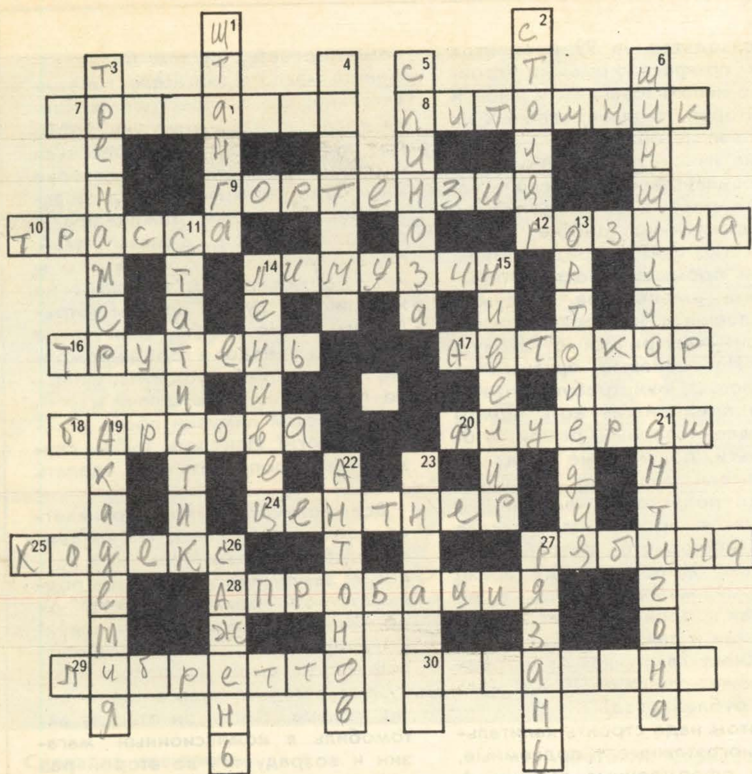
Все мы, бесспорно, заинтересованы в том, чтобы строились многоэтажные или подземные гаражи, чтобы они украшали, а не обезображивали улицы. И первые такие гаражи у нас уже построены. Однако форсировать их возведение, включать в планы, скажем, Главкиевстрою считаю преждевременным. Мы очень много строим. За две-три пятилетки вырастает, по сути, новый город. Строители едва успевают (а иногда и не успевают) осваивать средства, отпускаемые государством на новые больницы, школы, детсады, жилье. И если ввести им в план, скажем, два гаража, значит, надо исключить из плана два детсада, или школу, или больницу... Конечно, с экономической точки зрения гаражи выгоднее строить. А с социальной, этической? Сберечь машину или сберечь больного человека?

Мне могут возразить, что нельзя противопоставлять одно другому, нужно и то и другое. Согласен! Мы не забываем о нуждах автолюбителей. Уже в будущем году пять больших кооперативных гаражей в порядке планового задания будут строить городское Управление строительства и эксплуатации шоссейных дорог и стройуправление горбытобслуживания, которое и создано для оказания услуг населению. Обе эти организации имеют необходимые механизмы, им выделяются стройматериалы, хотя еще и не в полном объеме.

Следует также сказать, что члены кооператива не должны ждать готовенького. Надо находить возможности использовать некондиционные материалы, строительные отходы да и самим засучив рукава отрабатывать на стройке положенное по уставу количество дней.

Труднее всего с использованием дворов. Тут, мне думается, никакие регламентации невозможны. Во дворе должны играть дети, отдыхать пенсионеры. Уже и тут интересы порой не совпадают: пенсионер хочет засадить двор цветами, а мальчишка — гонять мяч. Еще недавно большинство из нас жили в коммунальных квартирах и сообща пользовались коридором, кухней, шли на какие-то компромиссы. Не следует забывать, что двор принадлежит всем, на него каждый проживающий в этом доме имеет равное право: и тот, у кого нет автомобиля, и тот, у кого он есть. В каждом конкретном случае надо с уважением относиться к интересам соседа или соседей.

АДОСТИ АВТОЛЮБИТЕЛЯ

КРОССВОРД

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Стихотворение В. В. Маяковского. 8. Место разведения и выращивания животных. 9. Цветок. 10. Путь, регулярный маршрут транспортных самолетов. 12. Действующее лицо комедии П. Бомарше «Севильский цирюльник». 14. Закрытый кузов легкового автомобиля. 16. Сатирический журнал, издаваемый в XVIII веке Н. И. Новиковым. 17. Самоходная тележка. 18. Народная артистка СССР, выступавшая в Большом театре. 20. Оркестр молдавских народных инструментов. 24. Мера веса. 25. Список, указатель, перечень чего-либо. 27. Ягода. 28. Одобрение, утверждение. 29. Текст оперы, оперетты. 30. Произведение камерной музыки.

По вертикали: 1. Спортивный снаряд. 2. Рабочий, занятый обработкой дерева. 3. Устройство для тренировки летчиков, космонавтов. 4. Музыкальный интервал. 5. Голландский философ XVII века. 6. Порода кроликов. 11. Специалист, изучающий количественные изменения в развитии общества. 13. Раздел медицины. 14. Животное, обитающее в тропических лесах Южной Америки. 15. Геодезический инструмент. 19. Высшее научное учреждение. 21. Трагедия Софокла. 22. Советский авиаконструктор. 23. Город в Восточной Сибири. 26. Русская мера длины. 27. Областной центр в РСФСР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали: 5. Нумизматика. 7. Герц. 8. Трио. 9. Осока. 12. Пикша. 15. Катамаран. 17. Кратер. 18. Сатин. 20. Закром. 21. Акрополь. 22. Пробирка. 24. Пируэт. 26. Среда. 27. Домино. 29. Амплитуда. 32. Палаш. 34. Бажан. 35. Трир. 36. Алье. 37. Фисгармония.

По вертикали: 1. Книга. 2. Пинцет. 3. Статор. 4. Галоп. 6. Манометр. 10. Спартакиада. 11. Кант. 13. Ирак. 14. «Шоколадница». 15. Куропатка. 16. Незабудка. 18. Силос. 19. «Норма». 23. Периметр. 25. Ухта. 28. Мина. 30. Пирога. 31. Ушаков. 33. Штифт. 34. Беляк.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Механик-водитель Радик Мухтаров — отличник боевой и политической подготовки. Фото И. Зотина и Б. Кавашкина (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Февральская заря. Фото В. Воробьева (Москва. На фотоконкурс.)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный—212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 29.01.79. А 00620. Подписано к печати 13.02.79. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 307. Заказ № 115.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЗВЕЗД

Да, будет о чем подумать хоккейным эрудитам: вряд ли найдется хоть один из них, правильно предугадавший результат третьей встречи сборной СССР и сборной НХЛ, получившей пышное название «Все звезды».

Название это, несмотря на рекламную пышность, вполне соответствовало истине. Команда Национальной хоккейной лиги отбиралась заранее с помощью не только лучших тренеров, но и трех миллионов болельщиков, которым были розданы анкеты. Это, бесспорно, самая сильная профессиональная сборная, с которой нашим хоккеистам довелось встретиться в течение последних семи лет.

Начиная с 1972 года сборная СССР четырнадцать раз мерилась силами с канадскими сборными, включая восемь матчей 1972 года, матчи на первенство мира в Вене и Праге, встречу на Кубке Канады, а также матч с будущими «звездами» НХЛ на розыгрыше приза «Известий». Советские хоккеисты победили восемь раз, одну встречу свели в ничью и пять проиграли. Счет, как говорится, в нашу пользу, но в этот счет входили встречи с командами не самого высшего класса, а вот восемь матчей с сильнейшей командой НХЛ, состоявшиеся в 1972 году, как известно, закончились не в нашу пользу. Словом, судить о том, как завершится трехраундовая встреча двух сильнейших команд мира, можно было по-разному, и первый результат — победу «звезд» со счетом 4 : 2 — никто не счел неожиданным. В борьбе, развернувшейся тогда на льду нью-йоркской арены «Мэдисон сквер-гарден», на глазах семнадцати тысяч очных зрителей и миллионов зрителей заочных, сразу же проявились наши слабые места — недоработки защитников, непонятная флегматичность двух ведущих троек и естественная робость новичков.

Казалось бы, что «модельную выкройку», сделанную сильнейшими хоккеистами НХЛ, остается теперь только размножить. Но тут выяснилось, что размножить эту модель не так-то просто. В отличие от первого матча счет второго открыли советские хоккеисты, и Сергей Капустин уверенно распечатал ворота, которые защищал один из лучших вратарей НХЛ, Драйден. Правда, хозяева льда сперва восстановили равновесие, а затем с помощью забивающего защитника Ларри Робинсона довели счет до знакомых нам 4 : 2. И вот тут-то сходство с первым матчем закончилось. Сперва капитан сборной Борис Михайлов сократил разрыв, а затем тот же Капустин сравнял счет. В третьем же периоде Владимиру Голикову удалось забросить решающую, пятую шайбу.

Но разве можно было и после второго матча представить себе, как сложится решающая встреча?

Правда, уже тогда, всматриваясь в лица «звезд», не успевающих переводить дыхание за короткие минуты отдыха, можно было представить себе, как тяжело приходится именитым профессионалам. Уже тогда было ясно, что, предложив советским хоккеистам поистине головокружительный темп, «звезды» именно от этого темпа и стали гаснуть. Оказалось, что они не готовы к тому, чтобы проводить матчи на такой головокружительной скорости. И в этом мы смогли убедиться, когда хоккеисты в третий раз вышли на лед.

Если первые двадцать минут игроки сборной НХЛ еще держались, о чем говорит нулевой исход периода, то затем их силы оказались исчерпанными, и вторые двадцать минут закончились со счетом 2 : 0 в нашу пользу. И тогда уже стало ясно, что «звезды» проводят встречи по нисходящей линии, а наша команда поднимается по восходящей, действует все сплоченнее, увереннее, как в линии защиты, так и в линии нападения. И что особенно важно отметить: на глазах взрослели и набирались сил дебютанты сборной. Не случайно четвертую и пятую шайбы забросили молодые хоккеисты В. Ковин и С. Макаров, а шестую, завершающую, — один из братьев Голиковых — Александр, который успешно действовал в составе сильнейшего и опытнейшего звена сборной, играя с Борисом Михайловым и Владимиром Петровым.

А Володя Мышкин? Володя Мышкин, заменивший в воротах самого Владислава Третьяка! Ведь он же стал поистине главной сенсацией матча! Ни одну из двадцати четырех шайб, пулями летевших в его ворота, не пропустил этот прекрасный молодой хоккеист и не дрогнул в последние минуты матча, когда «звезды» предприняли последнюю отчаянную попытку, чтобы размочить счет.

Прекрасно было это сочетание опыта и молодости в нашей команде. И если героем третьего матча был объявлен Владимир Мышкин, то лучшим игроком по итогам трех встреч назван ее капитан Борис Михайлов. Он и принял из рук организаторов встречи «Челлендж кап» — «Кубок Вызова».

Да, советские хоккеисты смело бросили вызов самым ярким «звездам» НХЛ и заставили их померкнуть. Ну, а о всех слагаемых блестящей победы, одержанной в Нью-Йорке, скажут свое веское слово хоккейные эрудиты.

В. ВИКТОРОВ

Валерий Васильев и Борис Михайлов с кубком «Челлендж кап». Фото ТАСС

Ы ПОМЕРКЛИ

Борис Михайлов и Александр Голиков атакуют ворота Драйдена.

Шайба у Хельмута Балдериса.

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663